

06
78

ПРОВЕРИТЬ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

06
178

ПРОВЕР. № 0

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

11

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва • 1953

Редколлегия:

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ (отв. ред.), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Д. КОРОЛЮК,
И. И. КОСТЮШКО, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Е. В. ЧЕШКО

БИБЛИОТЕКА
Института
Языкознания
А. Н. СССР

П. В. Галенко

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ СТРАН ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ЛАГЕРЯ

Последствием второй мировой войны явилось образование двух противоположных лагерей, противостоящих друг другу, — лагеря империалистического, антидемократического, во главе с США и лагеря антиимпериалистического, демократического, во главе с Советским Союзом. «Экономическим результатом существования двух противоположных лагерей явилось то, что единый всеохватывающий мировой рынок распался, в результате чего мы имеем теперь два параллельных мировых рынка, тоже противостоящих друг другу»¹.

Различие двух параллельных мировых рынков обусловлено коренным различием экономических систем, экономических законов социализма и современного капитализма.

Существенными чертами и требованиями основного экономического закона социализма является обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста социалистического производства на базе высшей техники. Это и составляет сущность социалистического способа производства, показывает его безграничные возможности развития и несовместимость с ним эксплуатации, национального угнетения и политики покорения других народов. Его целью является человек с его материальными и культурными запросами, а непрерывный рост производства на базе высшей техники — средством для достижения этой цели.

Совершенно противоположным и принципиально иным является основной экономический закон современного капитализма. Главные черты и требования основного экономического закона современного капитализма состоят в обеспечении максимальной капиталистической прибыли путем эксплуатации, разорения и обнищания трудящихся масс, путем закабаления и систематического ограбления народов других, особенно отсталых стран, путем империалистических войн и милитаризации народного хозяйства. Это и определяет сущность капиталистического производства, показывает его хищнический и грабительский характер.

В результате второй мировой войны произошло дальнейшее ослабление капитализма. От капиталистической системы отпали Китай, Польша, Чехословакия, Румыния, Венгрия, Болгария, Албания. Образовались Германская Демократическая Республика и Коре́йская Народно-Демократическая Республика. Народы этих стран, сбросив иго империализма, взяли власть в свои руки и стали на путь социалистического развития.

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 30—31.

Вместе с Советским Союзом они образовали единый мощный лагерь социализма и демократии и установили между собою всесторонние тесные взаимоотношения, основанные на дружбе и сотрудничестве.

Новый тип международных отношений вызвал яростное сопротивление со стороны реакционных сил и особенно со стороны реакционных сил США, стремящихся к завоеванию мирового экономического господства. Именно эту цель — завоевание мирового господства преследовали «план Маршалла» и «доктрина Трумэна».

Советский Союз и страны народной демократии отвергли «план Маршалла» — план удушения национальной экономики, подчинения независимых стран политическому и экономическому диктату Уолл-стрита. Тогда империалисты США, а вслед за ними и по их указке империалисты Англии и Франции подвергли экономической блокаде страны, входящие в демократический лагерь, пытаясь этим задушить их, хотя Англия и Франция сами задыхаются от такой политики. Однако экономическая блокада империалистами стран демократического лагеря не ослабила этот лагерь. Наоборот, после войны эти страны экономически сомкнулись и наладили экономическое сотрудничество и взаимопомощь. Это стало возможным благодаря ликвидации капиталистического строя в странах народной демократии и взятию власти трудящимися массами в свои руки. Единство экономических, политических, научных и культурных целей народов стран демократического лагеря — вот та основа, на базе которой возник новый тип международных отношений. Этот тип международных отношений основан на принципе пролетарского интернационализма, на сохранении суверенных прав и независимости каждого государства, на тесном экономическом сотрудничестве и взаимопомощи с целью создания наиболее благоприятных условий для хозяйственного развития каждой страны в соответствии с национальными интересами. Таких отношений между народами еще не знала история человечества.

До войны Польша, Румыния, Болгария, Венгрия и Албания были аграрными странами, с наличием в некоторых из них крупной промышленности. Что касается Чехословакии, то она была индустриально-аграрной страной со значительным удельным весом в промышленном производстве изделий легкой промышленности. Иностранный капитал держал в своих руках основные отрасли экономики этих стран, тормозил развитие производства средств производства в этих странах и тем самым низводил их до положения аграрно-сырьевых придатков своих промышленных монополий. Их «самостоятельность» и «независимость», о которых твердили буржуазно-националистические элементы и наймиты империализма — правые социалисты, были лишь ширмой, прикрывавшей их полную зависимость от той или иной группы империалистов. Капиталистический строй и засилие иностранного капитала в экономике стран Центральной и Юго-Восточной Европы, а также в экономике Китая и Кореи тормозили развитие производительных сил этих государств и превращали их в полуколонии США, Англии, Франции, Германии и Японии.

С победой народно-демократической революции положение коренным образом изменилось. Трудящиеся стран народной демократии изгнали иностранных поработителей и приступили к строительству новой жизни. Это стало возможным благодаря Великой Октябрьской социалистической революции и победе социализма в СССР, разгрому фашизма во второй мировой войне и победе народно-демократической революции в этих странах, благодаря тесным и дружественным связям народов этих стран с народами Советского Союза, благодаря бескорыстной помощи советского народа этим странам.

СССР за годы довоенных пятилеток превратился в крупнейшую индустриальную, экономически независимую державу мира. По темпам роста производства и технике производства СССР стал на первое место в мире. Материально-техническая база, созданная советским народом, является решающим источником, при помощи которого трудящиеся стран народной демократии ускоренными темпами строят у себя основы социализма.

Советский Союз поставляет странам народной демократии новейшее промышленное оборудование, электростанции и целые заводы, причем такие заводы, которые выпускают первоклассное оборудование. Только в 1952 г. Советский Союз поставил странам народной демократии в 10 раз больше машин и оборудования, чем в 1948 г.¹

Под руководством коммунистических и рабочих партий, творчески осваивая опыт строительства социализма в СССР, трудящиеся стран народной демократии развернули строительство крупных промышленных предприятий. Основные промышленные предприятия, вступившие в строй или строящиеся, оснащаются новейшим советским оборудованием и строятся по проектам советских инженеров и при их участии.

Чугун и сталь являются основой машиностроения и строительства. До войны производство черных металлов в Польше, Венгрии и др. странах народной демократии было незначительным. В настоящее время эта отрасль промышленности получает широкое развитие: строятся новые металлургические заводы, переоборудуются старые предприятия.

Металлургический комбинат в Польше под Краковом — Новая Гута — будет давать стали столько, сколько ее производилось во всей панской Польше. Дунайский металлургический комбинат в Венгрии будет выплавлять чугуна примерно в 4 раза и стали в 2 раза больше, чем выплавлялось их в буржуазной Венгрии. Румынский металлургический комбинат в Молдове будет производить металла в несколько раз больше, чем все металлургические заводы боярской Румынии. Доменные печи, которые введены в строй в Чехословакии в 1952 г., дают чугуна больше, чем давали его три года тому назад доменные печи таких государств, как Италия или Швеция. В Болгарии вступил в строй металлургический завод имени В. И. Ленина.

Развитие черной металлургии сопровождается сильным ростом всех видов машиностроения и приборостроения. За последние годы в странах народной демократии построены новые машиностроительные и станкостроительные предприятия, которые уже выпускают новое отечественное промышленное оборудование. Широкое развитие получает также текстильная, химическая и пищевая промышленность.

Ввиду установившихся дружественных отношений между странами демократического лагеря, каждая страна освободилась от необходимости развивать одновременно все отрасли промышленного и сельскохозяйственного производства. Комплексное развитие экономики стран народной демократии обеспечивается их тесным сотрудничеством и взаимопомощью. Это значительно облегчает и ускоряет процесс индустриализации стран народной демократии.

Рост социалистической индустрии оказывает огромное влияние на развитие всех отраслей народного хозяйства, изменяет облик этих стран. Строительство каналов и ирригационных сооружений, а также насаждение лесозащитных полос превращают ранее запущенные и неосваиваемые

¹ Газета «За прочный мир, за народную демократию!» от 14 XI 1952 г.

земли в плодородные поля, позволяющие выращивать новые сельскохозяйственные культуры, дающие необходимое сырье для промышленности.

Советский Союз безвозмездно передает странам народной демократии патенты и лицензии; советские специалисты помогают рабочим и инженерам этих стран освоить передовую технику производства и строительства. Широкие размеры принял обмен опытом работы, поездки молодежи стран народной демократии на учебу в СССР и командирование инженеров и техников с целью изучения достижений науки и техники в Советском Союзе. Растут культурные связи стран народной демократии и Советского Союза, которые помогают первым освоить передовую социалистическую культуру СССР.

Бескорыстная и всесторонняя помощь Советского Союза имеет решающее значение для быстрой ликвидации экономической и культурной отсталости стран демократического лагеря. Такой квалифицированной всесторонней помощи, какую оказывает этим странам Советское государство, не могла оказать ни одна капиталистическая страна. Но дело не только в том, что помощь эта является максимально дешевой и технически первоклассной. Дело прежде всего в том, что в основе сотрудничества стран демократического лагеря лежит искреннее желание помочь друг другу и добиться общего экономического подъема.

Большую роль в деле использования опыта строительства социализма в СССР, в разъяснении достижений СССР, укрепления дружбы между советским народом и народами стран народной демократии играют общества дружбы с СССР. Достаточно сказать, что только в польской деревне работают свыше 17 тыс. кружков Общества польско-советской дружбы.

Серьезное значение в деле рационального использования материальных и сырьевых ресурсов стран народной демократии имеют двусторонние соглашения, например, между Польшей и Чехословакией о совместном строительстве и последующей эксплуатации электростанции в Освенциме; о помощи Польше со стороны Чехословакии в строительстве химического комбината и металлургического завода «Костюшко», взамен чего Польша даст заводам чешской Силезии электроэнергию и газ; соглашение между Румынией и Венгрией, Венгрией и Чехословакией, Болгарией и Румынией о соединении энергосистем и взаимной передаче электроэнергии и т. д.

Экономические связи между странами демократического лагеря имеют разнообразные формы, как-то: внешняя торговля, помощь кредитами, обмен научно-техническими достижениями и опытом работы, совместное строительство предприятий, совместное изыскание и использование естественных богатств и т. д.

Важнейшей формой экономического сотрудничества является внешняя торговля. Внешнеторговые обороты между странами демократического лагеря растут из года в год. Так, в 1952 г. удельный вес демократических стран во внешнеторговых оборотах составил в Польше 67%, в Венгрии 71%, в Чехословакии 71%, Румынии 85%, Болгарии 89%, Албании 100%¹ и Китае 72%².

До войны буржуазные правительства этих стран всячески тормозили торговлю с СССР, несмотря на явную ее выгодность ввиду равноправия сторон и географической близости. Империалисты же США, Германии,

¹ Журнал «Коммунист», № 5, 1953 г., стр. 96.

² Журнал «Новый Китай», № 19, 1952 г.

Англии и Франции занимали главенствующее место во внешнеторговых оборотах этих стран.

После войны правительства стран народной демократии предложили всем державам обоюдно выгодные торговые связи. На первых порах империалисты пошли на установление торговых отношений, рассчитывая на то, что в дальнейшем им удастся подчинить себе экономику этих стран.

Однако империалистические планы потерпели полный крах, а следовавшая экономическая блокада нанесла прежде всего ущерб самим ее организаторам. Советский Союз и страны народной демократии экономически сомкнулись как равноправные государства, развернули между собой широкую обоюдно выгодную внешнюю торговлю в целях успешного развития своей экономики. Объем торговли между странами демократического лагеря растет из года в год.

Одно из важных мест в экономическом сотрудничестве стран демократического лагеря принадлежит валютно-финансовым соглашениям, займам и кредитам.

Капиталистический кредит является орудием империалистической агрессии. После второй мировой войны большая часть внешних займов и кредитов в буржуазных странах принадлежит США. Эти займы и кредиты носят реакционный агрессивный характер. Достаточно напомнить о займе, предоставленном американскими империалистами клике Чан Кай-ши для подавления народно-освободительного движения в Китае, и ряде других займов, чтобы увидеть в них только реакционную сущность.

Кредиты и займы, предоставляемые Советским Союзом странам народной демократии, служат целям их экономического укрепления, целям мира. Советская страна поставляет оборудование и сырье демократическим странам в кредит, причем внесение ими первого взноса, в большинстве своем в товарной форме, начинается через несколько лет после каждой годовой поставки, в то время как капиталистические страны при заключении соглашений на поставку товаров требуют внесения значительного задатка. При этом взаимные обязательства между странами демократического лагеря точно и своевременно выполняются, в то время как США и Англия, попирая международные нормы и обязательства, часто нарушают сроки поставок и даже вообще их не выполняют, хотя никаких претензий, и в частности в финансовом отношении, они не могут предъявить демократическим странам. Так, например, Чехословакия заказала оборудование в США для строящегося завода, своевременно оплатила стоимость заказа, но получила из США неполный комплект этого оборудования, ввиду чего ни один из цехов завода не мог давать продукцию. Подобного рода нарушения и невыполнения международных соглашений были допущены со стороны США и Англии и в отношении Польши. Ясно, что подобные действия империалистов не могли нарушить мирный созидательный труд народов демократических стран. Но они убедительно показывают лицо и цели американского империализма.

Ярким свидетельством жизнеспособности и плодотворности нового сотрудничества является то, что страны народной демократии, несмотря на их отсталость в прошлом, несмотря на огромный ущерб, причиненный войной и оккупацией их народному хозяйству, в кратчайшие сроки восстановили разрушенное войной хозяйство и достигли значительных успехов в деле дальнейшего его развития. В 1952 г. довоенный уровень промышленного производства был превзойден в этих странах в два, три и более раз. Пятилетние и шестилетние планы развития народного хозяйства стран народной демократии, которые в настоящее время успешно выполняются, предусматривают такой рост производства, которого

не знала и не знает ни одна капиталистическая страна. «Можно с уверенностью сказать, что при таких темпах развития промышленности скоро дело дойдёт до того, что эти страны не только не будут нуждаться в завозе товаров из капиталистических стран, но сами почувствуют необходимость отпускать на сторону избыточные товары своего производства»¹.

Бурный рост производства в странах демократического лагеря является закономерным следствием того, что цели производства стран демократического лагеря и средства их достижения отвечают коренным интересам трудящихся масс. Они направлены на удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей народа. Экономика стран демократического лагеря имеет безграничные возможности для своего развития и ей не грозят кризисы, эти неизбежные спутники капиталистической системы хозяйства.

Высокие темпы развития производства и неуклонный рост материального благосостояния трудящихся масс способствуют увеличению емкости рынка демократических стран, способствуют расширению как внутренней, так и внешней торговли. В силу этого рынок стран демократического лагеря не может иметь трудностей сбыта. Его развитие беспредельно. С ним несовместимы такие неизбежные спутники капиталистического рынка, как демпинг, неэквивалентный обмен, конкуренция и противоречия между внутренними и внешними рынками.

Новый тип международных отношений и невиданная ранее в истории народов новая система обмена товаров и продуктов создали мощный и устойчивый мировой рынок демократических стран. Ресурсы, которыми располагает демократический рынок, полностью удовлетворяют потребности в сырье и материалах, необходимых для развития этих стран, а плановое развитие их экономики позволяет рациональнее объединить производственные мощности и материально-сырьевые ресурсы.

Капиталистические страны под нажимом США значительно сократили торговлю со странами демократического лагеря. Ввиду этого мировой капиталистический рынок сузился, а усиление разрушительного действия основного экономического закона современного капитализма сужает и его внутренние возможности. Из этого следует, указывает И. В. Сталин, что сферы приложения сил главных капиталистических стран к мировым ресурсам будут не расширяться, а сокращаться, что условия мирового рынка сбыта для капиталистических стран будут ухудшаться. В связи с распадом мирового рынка углубляется общий кризис капитализма. Этим и объясняется то положение, что производство в капиталистическом мире в последние послевоенные годы топчется на месте, значительно сократилось новое строительство, усилилась борьба в империалистическом лагере за рынки сбыта и сырье, за сферы приложения капитала. В погоне за максимальными прибылями капиталисты лишают трудящихся самых элементарных условий существования. Растут эксплуатация и унижение широких масс народа в капиталистических странах. Особенно в тяжелом положении находятся народы колониальных и зависимых стран. Углубление общего кризиса капитализма характеризуется также все возрастающей борьбой народных масс за демократические свободы и жизненный уровень.

Поджигатели войны твердят о том, что якобы мирное сосуществование двух систем невозможно, пытаясь этим обмануть народы своих стран и оправдать свою агрессивную политику.

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат. 1952, стр. 31.

Советское правительство считает, что, несмотря на различие экономических систем и идеологии, сосуществование этих систем и мирное урегулирование разногласий возможны и необходимы в интересах всеобщего мира. Советский Союз и страны народной демократии всемерно способствуют развитию торговли между всеми государствами, а их добросовестное выполнение взятых на себя международных обязательств и равноправие сторон в торговле устраняют все препятствия на пути к расширению хозяйственных и культурных связей между народами.

Новый тип взаимоотношений между странами демократического лагеря показал народам всего мира возможность и практические пути для установления равноправных, взаимовыгодных связей, целью которых является всемерное взаимное содействие экономическому и культурному подъему всех народов.

П. Н. Третьяков

К СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЮ З. Р. НЕЕДЛЫ¹

10 февраля 1953 г. общественность Советского Союза и стран народной демократии отметила семидесятипяtilетие выдающегося ученого, общественного и политического деятеля Чехословацкой республики Зденека Романовича Неедлы.

Научная деятельность З. Р. Неедлы началась свыше полувека тому назад в стенах Карлова университета в Праге. Это был период напряженной борьбы чешского народа за национальное освобождение, когда национальное чешское движение поднималось на новую ступень. Чешская буржуазия опускала знамя борьбы за национальную свободу, выступая против народа вместе с австро-венгерской буржуазией. Во главе этой борьбы за национальное освобождение становился новый общественный класс — пролетариат, соединяющий борьбу за социальное освобождение с борьбой за освобождение национальное.

Сын народного учителя Романа Неедлы Зденек Романович принадлежал к той передовой части чешской интеллигенции, мировоззрение которой формировалось под влиянием традиций революции 1848 г. Уже в юности Зденек Неедлы увлекается произведениями Яна Гуса, Ф. Палацкого, А. Ирасека, а также музыкой Б. Сметаны. История освободительной борьбы народа, национальная культура как знамя борьбы за национальное освобождение — вот что влекло к себе З. Р. Неедлы.

Изучая исторические труды Ф. Палацкого и высоко ценя этого буржуазного деятеля революции 1848 г., З. Р. Неедлы тем не менее не был его последователем. Он проявил свою самостоятельность в оценке важнейших исторических событий страны.

Обратясь к изучению гуситских войн и посвятив им ряд трудов, З. Р. Неедлы особое внимание уделил в них раскрытию социального характера этих войн. В труде «Социальное содержание гуситского движения» и в работе «Гус и наше время» З. Р. Неедлы энергично выступил в защиту таборитов. В таборитах, представлявших наиболее радикальные, революционные силы народа, он видел главные, передовые силы гуситского движения.

Не будучи в то время марксистом, способным дать в своих трудах подлинно научное исследование гуситского движения, З. Р. Неедлы сумел, однако, наметить значительно более правильное освещение и более верно оценить это движение по сравнению со своими современниками — чешскими историками.

¹ Доклад на объединенном заседании Славянского комитета СССР и Ученых советов Института славяноведения и Института истории АН СССР 9 февраля 1953 г., посвященном 75-летию З. Р. Неедлы.

З. Р. Нееды энергично работает над историей чешской культуры. В 1903 г. им опубликована «История города Литомышля». Годом раньше вышел его труд об А. Ирасеке — выдающемся чешском историке и литераторе второй половины XIX в., борце за национальную культуру.

Огромную ценность представляют труды З. Р. Нееды, посвященные истории чешской музыкальной культуры, в частности песне периода гуситских войн. Почему песня привлекла внимание исследователя? Почему он посвятил многие годы разысканию и изучению песен XV в.? Потому что песня народна, ее творил борющийся народ, в ней он выражал свои мысли, чаяния, в ней он дал свою оценку событиям. Именно это привлекало к себе внимание З. Р. Нееды, когда он работал над трудами «История песни в Чехии до Яна Гуса» (1904 г.), «Начало гуситской песни» (1907 г.), «История гуситской песни в период гуситских войн» (1914 г.) и др.

С большой силой исторические и общественно-политические взгляды З. Р. Нееды проявились в его замечательном труде «Спор о смысле чешской истории» (1914 г.). В этом труде З. Р. Нееды приходит к мысли о том, что основное содержание истории составляет борьба народных масс, что революционные и освободительные традиции — канва истории.

Как известно, в начале нашего века в среде чешской буржуазной интеллигенции, считавшей Ф. Палацкого своим духовным отцом, все еще имела широкое распространение австро-славистская концепция сохранения любой ценой государственной целостности Австрии. «...Целость Австрии первым долгом», — так определял И. В. Сталин основу программы австро-славистов¹. Австро-славизм был направлен своим острием не столько против России, сколько против чешского народа, который отнюдь не желал нести на своих плечах австро-германский гнет и который стремился к сближению с другими славянскими народами и прежде всего с великим русским народом. Близость языка и культуры этих народов составляла основу для их сближения. Рабочий класс Чехии и весь трудовой чешский народ видели в России центр революционной борьбы и высоко ценили прогрессивную русскую общественную мысль. Именно поэтому чехи стали связывать с Россией свои надежды на национальное освобождение. Вместе с рабочим классом шли все передовые люди науки. Нельзя было быть последовательно прогрессивным ученым, не связывая своей работы с революционной борьбой рабочего класса, с надеждами и чаяниями трудового народа.

Уже тогда З. Р. Нееды вел борьбу со всякими проявлениями австро-славизма. Он считал русский народ другом и учителем чешского народа.

Огромное влияние на формирование мировоззрения З. Р. Нееды оказала прогрессивная русская литература, благотворное влияние которой он оценивал следующими словами: «Никакая другая литература не научила нас так глубоко понимать человека, как русская литература. Не научила нас этому в той же мере и никакая научная литература. Мы можем сказать, что на базе того знания, которое дал нам русский роман, выросло действительно новое поколение. И если сегодня мы говорим, что поколение 90-х годов отличается от предшествующего поколения интересом к социальным вопросам, то скажу прямо, что важную заслугу в этом имеет русская литература».

В 1900 г. З. Р. Нееды приезжал в Россию, стремясь установить непосредственную связь с передовыми русскими общественными деятелями и учеными. Он возвратился в Чехию с еще более крепкой верой в силу

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 316.

русского народа. Он с восторгом следил за событиями русской революции 1905 г., а позднее писал, что «революция 1905 г. оказала на чехов, как и на другие народы, большое влияние. По всей стране состоялись массовые демонстрации. Улицы Праги и других чешских городов звучали лозунгами «Долой реакцию!», «Да здравствует русская революция!».

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала огромное влияние на мировоззрение и дальнейшую научную деятельность З. Р. Неедлы. Он стал в ряды тех, кто в Чехословакии поднял свой голос за Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Он осознал ее историческое значение для России, своей родины и всего мира.

Великую Октябрьскую социалистическую революцию З. Р. Неедлы рассматривает, как явление всемирно-исторического значения, как решающее условие образования Чехословацкого государства. «Чешский народ никогда не забудет огромной роли Октябрьской революции в его освобождении», — писал он в одной из своих статей. З. Р. Неедлы без колебаний и на всю жизнь становится другом Советского Союза. Уже в 1923 г. З. Р. Неедлы основывает Общество культурной и экономической связи с СССР и с тех пор является его бессменным председателем.

З. Р. Неедлы сотрудничает в газете «Руде право», издает прогрессивные журналы «Вар» и «Прага—Москва», ведя непримиримую борьбу против всех форм политической и культурной реакции, он несет народу правду о Советском Союзе. Выступления и статьи З. Р. Неедлы этого времени составляют четыре больших тома его сочинений. В эти годы З. Р. Неедлы навсегда связывает свою жизнь с Коммунистической партией Чехословакии.

Председатель Коммунистической партии Чехословакии Клемент Готвальд, говоря о жизненном пути З. Р. Неедлы, о том пути, который привел его в Коммунистическую партию, сказал, что «тут дело не в случае, не в каком-нибудь роковом предначертании. Это блестящий пример мыслителя, который обдумал весь свой творческий путь борца, который не остановился на полпути, патриота, который глубже всего понял прошлое своего народа и далеко заглянул в его будущее. Зденек Неедлы пришел в лагерь рабочего класса, на позиции социализма, не вопреки тому, что он любил Ирасека и Сметану, не вопреки тому, что он был хранителем национальных традиций нашей истории и культуры, а именно потому, что любил Ирасека, Сметану, Немцову и хранил наследие нашего прошлого, потому что глубоко понял смысл и логику нашей истории, потому что понял, что рабочий класс и трудовой народ являются новой руководящей силой нации, хранителем и умножателем того лучшего, что создал народ в прошлом»¹.

Ведя большую общественно-политическую работу, З. Р. Неедлы не прекращает научно-исследовательской деятельности. Он продолжает свои исследования в области истории чешской культуры. В свет выходит его большой, капитальный труд «Бедриж Сметана», затем «История оперы Национального театра в Праге». З. Р. Неедлы обращается к новейшей тематике. Из-под его пера выходят труды по истории чешского национально-освободительного движения.

В 1937—1938 гг. появляется двухтомное произведение, посвященное истории революционного движения в России, которое З. Р. Неедлы на-

¹ Цит. по статье В. Гуса «Великий пример ученого-борца», «Руде право», 24 июня 1951 г.

зывает «Ленин». Третий том этого произведения не увидел света. Он был захвачен и уничтожен немецкими фашистами.

Этот труд рассказывает народу Чехословакии правду о Великой Октябрьской социалистической революции, о партии коммунистов, о великом Ленине. Это был голос друга Советского Союза, которого хорошо знали и которому верили в Чехословакии. В этом заключалось огромное значение трудов З. Р. Нееды.

У Ю. Фучика есть статья «Профессор Нееды пишет книгу о Ленине». В этой статье Ю. Фучик описывает одну свою встречу с З. Р. Нееды в Москве. Они целую ночь бродили по улицам Москвы, беседуя о Советском Союзе и судьбах Чехословакии. Ю. Фучик задал З. Р. Нееды вопрос, нравится ли ему Советский Союз, и получил ответ:

«Что побудило Вас спросить меня об этом? Я старый друг Советского Союза, а не друг «без пяти минут двенадцать». Советский Союз это не такая страна, которая мне либо нравится, либо не нравится, а такая страна, которой я принадлежу. Для социалиста иначе и быть не может, ведь Советский Союз осуществляет величайшую нашу мечту — социализм».

Новый период в жизни и деятельности З. Р. Нееды наступил после мюнхенских событий, когда ученый-коммунист был вынужден покинуть Чехословакию. Он едет в Советский Союз, чтобы здесь неутомимо продолжать борьбу против фашистского варварства и отстаивать свободу и независимость народов Чехословакии.

Этот период жизни З. Р. Нееды по понятным причинам лучше всего знаком советской общественности — он жил и работал в Москве. З. Р. Нееды внес большой вклад в советскую науку, в частности в советское славяноведение. Он оставил в Советском Союзе немало учеников — своих студентов и аспирантов. И, конечно, он и сам в среде советских ученых многому научился. Особенно сблизился З. Р. Нееды с академиками Б. Д. Грековым и В. И. Пичетой. Здесь, в СССР, в среде советских ученых выросло и укрепилось марксистско-ленинское мировоззрение З. Р. Нееды.

В годы пребывания в СССР З. Р. Нееды вел также огромную политическую и общественную работу. Он был одним из основателей и руководителей Славянского комитета, вел большую пропагандистскую работу среди народа и в армии, выступал в печати и по радио. Число его статей, опубликованных в наших периодических изданиях за 1941—1945 гг., достигает шестидесяти. Среди них статьи, направленные против расовой теории, по истории освободительной борьбы славянских народов, о культурных связях славянских народов, а также по истории чешской и вообще славянской музыки.

Вместе с тем З. Р. Нееды вел большую преподавательскую работу в Московском университете. Он был одним из основателей и активным членом Кафедры истории южных и западных славян. Здесек Романович вел плодотворную работу в Институте истории АН СССР, участвуя во всех наиболее актуальных в годы войны начинаниях Института. Так, при его активном участии и под его редакцией в 1944 г. вышла книга «Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии».

С восторгом следил З. Р. Нееды за успехами Советской Армии в Великой Отечественной войне. Он никогда не сомневался в том, что его родина будет освобождена в результате победы Советского Союза над силами фашизма. И когда Советская Армия принесла свободу народам Чехословакии и в ее истории начался новый период — период утверждения

и развития народной демократии, З. Р. Неедлы становится в первые ряды строителей свободной Чехословакии. Народ Чехословакии, верным сыном которого является З. Р. Неедлы, высоко ценит убеленного сединами ученого-борца. К его авторитетному слову прислушиваются миллионы трудящихся Чехословакии. О доверии к нему народа свидетельствует тот факт, что Неедлы после освобождения страны бесценно является членом народно-демократического правительства. Окруженный любовью и уважением народа, З. Р. Неедлы много лет работал на ответственном посту Министра школ, науки и искусства, активно участвуя в строительстве новой, социалистической культуры и науки в Чехословакии.

З. Р. Неедлы является президентом Академии наук Чехословацкой республики. При его ближайшем участии была перестроена в Чехословакии система среднего и высшего образования. В 1952 г., по инициативе З. Р. Неедлы, был создан музей А. Ирасека — музей прогрессивного чешского писателя, осветившего героическое прошлое родного народа. В 1948 г. Неедлы выпускает книги «История Советского Союза (1917—1947 гг.)» и «Борьба за новую Россию». Неустанно работает старый ученый над многотомной историей своей страны. Первый том этого труда вышел, он переведен и опубликован на русском языке. Эта книга, посвященная древнейшему периоду истории Чехословакии, по характеру изложения материала, по новизне подхода к нему, по своей концепции представляет собой замечательное явление в чехословацкой историографии. Она удостоена высшей награды — государственной премии Чехословацкой республики.

В 1951—1952 гг. Правительство и Коммунистическая партия Чехословакии приступили к решительной перестройке научной работы в стране в свете тех требований, которые ставит перед наукой строительство социализма. В решении этой задачи З. Р. Неедлы принадлежит активная роль.

В своей замечательной речи, произнесенной при открытии Академии наук Чехословацкой республики, Зденек Романович Неедлы блестяще охарактеризовал задачу науки в деле служения народу, обществу. «Маркс дал социализму научную базу, открыв законы развития человеческого общества, — говорил З. Р. Неедлы. — Не только природа, но и человеческое общество развивается по своим законам, которые необходимо изучить и освоить. Эти законы не являются вымыслом; открытие этих законов — результат глубокого изучения развития человеческого общества, это законы, объективность которых подтверждена действительностью много и много раз. Мы видим, как Ленин придерживался открытого Марксом закона, как он затем этот закон развил и как он исходил при этом из новых и новых научных наблюдений. Ленин доказал, что капитализм перерос в империализм. Так же, на основе глубочайшего изучения фактов развивает марксизм и Сталин. Мы видим, что законы развития человеческого общества являются действительно законами, а там, где имеется закон, там имеется и наука. Исходя из этого мы можем утверждать, что теория социализма основана на науке. . .

Мы изучаем законы развития человеческого общества, — продолжал далее З. Р. Неедлы, — не для того, чтобы их просто констатировать, а для того, чтобы улучшить это общество. Мы знаем из истории, что на смену феодализма в результате прогресса пришел капитализм, мы изучаем причины этого явления, мы научно доказываем, что на смену капитализму придет социализм. Да и природу в настоящее время мы уже не рассматриваем так, как ее рассматривали раньше, т. е. пассивно. Нет, возьмем советскую науку, что там происходит с наукой в Советском

Союзе, как там человек господствует над природой! История человеческой культуры является историей борьбы человека с природой, где человек отыскивает путь для того, чтобы овладеть природой. И в настоящее время доказано, что и горы не являются препятствием в Советском Союзе. И горы можно изменить и сдвинуть с места. Все возможно! Нужно только иметь твердую веру в тот факт, что нет ничего такого, чего нельзя было бы преодолеть. Сталин говорил: «Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять». Скажем то же самое и относительно науки: нет крепости, нет проблемы и задачи, которую настоящий, социалистический, отважный, смелый ученый не мог бы разрешить. Таков путь нашей науки, как народной науки. . .»

В этой речи З. Р. Неядлы обрушился на «жрецов чистой науки», разоблачил мнимую непартийность буржуазной науки, мастерски обосновал задачу науки, ту задачу, которой он отдал и отдает все свои силы, — задачу служения народу, задачу построения социалистического общества.

Высоко оценивая деятельность З. Р. Неядлы по укреплению дружбы и братских связей между народами Советского Союза и Чехословакией, Правительство Советского Союза наградило З. Р. Неядлы в связи с его семидесятипятилетием орденом Ленина.

С. А. Никитин

З. Р. НЕЕДЛЫ КАК ИСТОРИК¹

Зденек Неедлы родился в 1878 г. в семье учителя в г. Литомышле. Еще в юношеском возрасте обнаружили его блестящие способности и проявились широкие и разнообразные интересы к исторической науке, художественной литературе и искусству.

В студенческие годы он познакомился с произведениями русской реалистической литературы. Он говорил позже, что у русских писателей учился понимать человека. Он изучил два древних и 9 новых языков, которые позволили ему широко следить за научной и художественной литературой.

Свою научную работу он начал в качестве архивариуса в Национальном музее, что дало ему возможность хорошо познакомиться с источниками чешской истории. В связи с работой в Национальном музее он побывал в 1900 г. первый раз в России: в Москве, в Ясной Поляне у Л. Н. Толстого, на Украине и на Кавказе.

На рубеже XIX—XX вв. (в 1899—1900-х гг.) Неедлы выступил с рядом работ, посвященных истории гусизма, истории его родного города Литомышля и с работами в области литературы и музыки.

Целых 10 лет посвятил Зденек Романович изучению народной песни гуситского периода. В результате длительных исследований была создана большая и интересная работа, в которой он показал связь народного творчества с историей политической жизни изучаемой эпохи. Интерес к исследованию народного творчества у молодого ученого свидетельствует о демократизме воззрений и горячем интересе его к историческим судьбам своего народа. В тот период своей научной деятельности Неедлы интересуется гуситским движением и рассматривает его как социальное народное движение. Он считал, что отношение к гуситскому движению сразу определяет, к какому лагерю — прогрессивному или реакционному — принадлежит историк: «Скажи мне, как ты судишь о гусизме, и я скажу тебе кто ты». И всей трактовкой вопроса Неедлы показал, что он является прогрессивным ученым, близким к трудовому народу.

В это время Неедлы проявляет особое внимание к самому левому течению в гусизме — таборизму, показывает силу гуситских идей и влияние их на народ. Он выступает против католической церкви, с которой ведет борьбу на протяжении всей своей жизни.

С прогрессивных позиций З. Р. Неедлы рассматривал историю чешской науки. В его исторических трудах ясно проявились разногласия с реакционными историками. Реакционный историк Пекарж опубликовал

¹ Доклад на совместном заседании Ученых советов исторического и филологического факультетов МГУ 12 февраля 1953 г., посвященном 75-летию З. Р. Неедлы.

статью, в которой протестовал против сближения исторической науки с политикой. На это Неедлы ответил: «Наука не может отделяться от жизни. . . Именно история и политика всегда тесно связаны между собой и должны быть связаны».

Когда другой историк, Ванчура, к юбилею Масарика напечатал две статьи, в которых говорил о большом влиянии последнего на чешскую историографию, З. Р. Неедлы в своей статье заявил протест против такого утверждения и писал, что молодые историки, хотя и находились некоторое время под влиянием Масарика, но вскоре отошли от основных его идей. Уже в это время Неедлы выступает со статьями против упаднических взглядов буржуазных литературоведов.

Первые научные труды Неедлы встретили весьма положительную оценку передовой чешской научной общественности. Двадцатипятилетний автор был в 1903 г. избран членом Чешского научного общества в Праге, а в 1907 г. действительным членом Академии наук и художеств. Спустя еще два года, в 1909 г., он стал экстраординарным профессором Карлова университета в Праге.

В годы первой мировой войны Неедлы начал активно выступать против австро-венгерской монархии. В мае 1917 г. он подписал манифест деятелей чешской культуры, содержавший заявление о необходимости борьбы против австро-венгерской монархии.

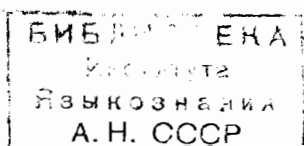
Великая Октябрьская социалистическая революция оказала огромное влияние на З. Р. Неедлы. Он приветствовал ее, понимая, что она несет освобождение трудовому народу не только России. В 1919 г. он опубликовал брошюру «Гус и наше время», в которой, подчеркивая жизненность движения таборитов как широкого народного революционного движения, связывал события средневековой истории с современными политическими задачами.

Еще прямее и яснее он говорил в своих публицистических статьях. В одной из них в 1919 г. он писал: «Без России нет Европы, без России нет союза народов, без России нет мира. Это явление всемирной правды, которую Западная Европа не знает и которую поэтому мы должны проповедывать миру, как можно громче, в интересах всех народов».

20—30-е годы были годами напряженной научной и общественной деятельности З. Р. Неедлы. В эти годы он часто совершает поездки в Советский Союз, в качестве председателя основанного им в 1923 г. Общества экономической и культурной связи с Советской Россией. За этот период Неедлы написал крупные работы: «Сметана», «Масарик», в которых была дана история чешского общественного движения и политической мысли. Одновременно З. Р. Неедлы проявляет огромный интерес к русскому рабочему революционному движению, о чем свидетельствует написанная им в тот период работа «Ленин». Неедлы удалось опубликовать только два тома своей работы, которая осталась незавершенной. Третий том был захвачен гитлеровцами во время оккупации Чехословакии и уничтожен.

В годы фашистской оккупации Чехословакии З. Р. Неедлы эмигрировал из родной страны. Он направился не на Запад, куда бежали многие буржуазные чехословацкие деятели, а на Восток, в Советский Союз, в Москву, где стал профессором Московского университета им. М. В. Ломоносова и научным сотрудником Института истории АН СССР. Неедлы принял активное участие в создании кафедры истории южных и западных славян, в ее учебной и научной работе.

Его деятельность в Советском Союзе (1939—1945 гг.) была плодотворной и разносторонней. Он активно вошел в политическую жизнь чехосло-

вацких коммунистов-эмигрантов в СССР, стал видным членом многих советских общественных организаций, вел широкую пропагандистскую и преподавательскую работу. В Советском Союзе он создал ряд новых капитальных научных работ.

В противовес буржуазной историографии, он вскрывал внутренние предпосылки образования новых славянских государств после первой мировой войны, подчеркивая при этом значение революционного движения и в особенности значение Великой Октябрьской социалистической революции. Его лекции и беседы всегда перекликались с современностью. Он внес серьезный вклад в разоблачение фальсификаторов славянской истории — буржуазных и фашистских псевдоученых.

З. Р. Неедлы прочно встал на путь марксистского славяноведения.

Статьи, написанные им в этот период, свидетельствуют о его активном участии в разработке проблем советского славяноведения. По-новому осмыслить происхождение чешского государства, осветить его историю с марксистско-ленинских позиций — такую задачу ставил Неедлы в статье о возникновении чешского государства, помещенной в «Славянском сборнике» (1947 г.). В этой статье он полемизирует с главой чешской буржуазной историографии — Палацким и с другими буржуазными историками, стремясь выяснить внутренние, социальные предпосылки складывания государства, возникновения княжеской власти и т. д.

В эти годы Неедлы проявляет большой интерес к проблеме русско-чешских исторических связей. Он вскрывает связь гуситов с русским народом. В своих работах он упоминает не только о фактах, хорошо известных, вроде поездки Иеронима Пражского в Псков и Витебск, но и на основе собранных им материалов подтверждает наличие совместной борьбы русских людей и таборитов против крестоносцев и т. д.

В плане изучения проблем русско-чешских связей Зденек Романович начал исследование, посвященное роли трех русских революций в истории Чехии. Появилась пока только часть этого исследования — о значении революции 1905 г. для освободительного движения в Чехии. Эта работа напечатана в советской печати. В этом труде показан огромный интерес прогрессивных чешских кругов к событиям в России, показано, что влияние русской революции усиливало отпор чехов австро-венгерскому натиску, усиливало революционную борьбу чешского пролетариата. Неедлы выступал в этой статье против взглядов буржуазного историка Масарика, против неверного освещения им русской революции.

Одну из своих работ Зденек Романович посвятил проблеме формирования словацкого народа в нацию. В ней он дал анализ словацкого национально-освободительного движения и пути формирования словацкой нации. Неедлы интересовался историей Буковины и борьбой украинцев Буковины за национальную независимость, историей Закарпатской Руси и другими важными для славяноведения проблемами.

Неедлы написал также ряд статей, посвященных разоблачению фашистского расизма и фальсификации в области истории, борьбе славян против немецкой агрессии, национально-освободительному движению славян, и десятки статей по текущим политическим вопросам. Это говорит об огромном размахе научной и литературной деятельности З. Р. Неедлы. Он выступает как воинствующий историк-марксист, борющийся против буржуазных извращений и фашистских фальсификаций.

Его работа в области славяноведения получила горячее признание советских ученых, избравших его членом-корреспондентом Академии Наук СССР.

В 1945 г. З. Р. Неedly возвратился на родину, освобожденную победоносной Советской Армией. Он вошел в правительство народно-демократической Чехословакии — был назначен Министром школ, науки и искусства. Он активно работает по перестройке высшей и средней школы, театра, по созданию новых научных и учебных заведений. В самое последнее время по его инициативе создана чехословацкая Академия Наук, президентом которой является Зденек Романович Неedly.

Большая государственная работа не препятствует научной деятельности Зденека Романовича. Он занят созданием многотомного труда по истории чешского народа, первый том которого вышел в русском переводе. В нем З. Р. Неedly поставил себе задачу исследовать древнейший период истории Чехии с позиции марксистско-ленинского учения об обществе.

Как историк-марксист Неedly отвергает порочную методологию чешских буржуазных археологов, отмечая формализм буржуазной археологии, и выдвигает значение труда в процессе исторического развития. «Древнейшая история Чехии, — пишет З. Р. Неedly, — это история природы и история человеческого труда, а, следовательно, первых объединений людей на территории Чехии». Он ведет борьбу со старой теорией о появлении славян в Чехии только в VI—VII вв. и доказывает, что процесс сложения славянства шел на территории Чехии значительно раньше, о чем свидетельствуют «поля погребений» (археологическая культура, относимая им к протославянским племенам.) Работа З. Р. Неedly представляет замечательное явление в области изучения далекого прошлого чешского народа. В Чехословакии она отмечена высшей наградой — государственной премией.

Создавая капитальную работу по истории чешского народа, З. Р. Неedly со свойственной ему широтой интересов не ограничивается только одной темой, а пишет одновременно ряд работ по истории СССР советского периода.

Историк-марксист, выдающийся знаток чешской истории, истории чешской культуры, один из крупнейших общественно-политических деятелей Чехословакии, З. Р. Неedly является историком, патриотом, который, по выражению К. Готвальда, «глубоко понял прошлое своего народа и заглянул в его будущее».

С. В. Никольский

З. Р. НЕЕДЛЫ — ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕЯТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ И ЛИТЕРАТУРЫ ЧЕХОСЛОВАКИИ¹

Творческая деятельность Зденека Романовича Неедлы началась более полстолетия тому назад. Чехи и словаки в то время страдали под двойным, социальным и национальным, гнетом австро-венгерской монархии.

Это было время, когда буржуазная культура вступила в полосу загнивания и разложения, в полосу декадентских и космополитических извращений. Теоретики декаданса и космополитизма в лице официальных австрийских литературоведов стремились оторвать искусство и литературу от общественной жизни, снизить и извратить их общественную роль. Этим тенденциям всегда противостоял, с этой «культурой» всегда боролся З. Р. Неедлы.

Уже первые работы З. Р. Неедлы характеризуют его как крупного ученого, демократа и патриота, для которого научные и литературные интересы неразрывно связаны с борьбой за освобождение своего народа.

Для его творческого облика с самого начала чрезвычайно характерно обращение к темам, связанным с важнейшими прогрессивными событиями в истории чешского народа. Среди первых трудов Зденека Романовича, посвященных искусству, важное место занимают исследования о музыке и песнях гуситской эпохи, эпохи героической революционной борьбы чешского народа против феодальной реакции и иностранных колонизаторов. Обращение к искусству этой эпохи означало выступление за демократические традиции в искусстве, за национальную самобытность, за общественную действенность его.

Среди первых работ З. Р. Неедлы выделяется также большое исследование, посвященное творчеству Ирасека. Этот труд был опубликован в 1901 г. Интерес ученого к Ирасеку не носит случайного характера. В своей работе Зденек Романович убедительно доказывает, что для Ирасека важно было «осветить тьму, господствовавшую вокруг него». Именно с этой точки зрения и рассматривает Неедлы произведения писателя. Ирасек — крупнейший представитель реализма в чешской литературе, воссоздавший в своих исторических романах картину борьбы чешского народа против чужеземных захватчиков, картину народных крестьянских восстаний. В исследовании З. Р. Неедлы Ирасек предстает перед читателем как художник-реалист, как горячий патриот своей Родины.

Зденека Романовича особенно интересует вопрос «отношения художника к обществу с точки зрения социальной», интересует скепсис Ирасека в отношении религии, его исключительное внимание к жизни простого народа. «Бедные ткачи, работающие целый день за скудный кусок

¹ Доклад на совместном заседании Ученых советов исторического и филологического факультетов МГУ 12 февраля 1953 г., посвященном 75-летию З. Р. Неедлы.

хлеба, — вот народ Ирасека», — пишет Неedly в своем исследовании. Зденек Романович особо подчеркивает обращение Ирасека к темам крестьянских восстаний, к революции 1848 г. Он указывает, что Ирасек обращается только к тем событиям и периодам прошлого, которые переключаются с современностью, т. е. с вопросами борьбы за свободу родины, за свободу простого народа. «Чешское искусство. . . вышло из народа. . .» — вот основной тезис работы.

Значение данного исследования Неedly далеко выходит за рамки проблем собственно творчества Ирасека. Это была борьба за прогрессивную, демократическую эстетику, за литературу большого общественного содержания.

Борьба за развитие народных, реалистических традиций в искусстве характеризует и все последующие работы Неedly. В период 1900—1910 гг. наряду с большой исследовательской работой по чешской истории он пишет ряд трудов о чешской культуре; о великом славянском композиторе Бедржихе Сметане, о чешских композиторах Зденеке Фибихе и Леоше Яначеке, а также исследования по истории чешской музыки, чешского оперного театра, пишет новую работу об Ирасеке. Эти труды противостояли трудам буржуазных эстетов, пропагандировавших декадентские теории в искусстве.

Характерной чертой всей деятельности Неedly является его неизменная, глубокая любовь к русскому народу, к русской культуре. «Я принадлежу к поколению, которое в молодости выросло на классическом русском романе, — пишет Неedly. — Мы не просто читали, мы действительно жили этой литературой, начиная с Гоголя и кончая Чеховым и молодым тогда Горьким».

Упадочническое, космополитическое искусство ориентировалось на буржуазный Запад. Неedly в своих работах раскрывает народные, отечественные истоки чешского реалистического искусства, указывает на связь этого искусства с русской культурой. Уже в первой работе об Ирасеке он отмечает благотворное влияние на Ирасека романа Толстого «Война и мир» — «самого большого и самого гениального романа XIX столетия».

Новый этап в деятельности Зденека Романовича Неedly открыла Великая Октябрьская социалистическая революция. Демократические взгляды Неedly в предшествующий период подготовили переход его на революционные позиции. После Великой Октябрьской социалистической революции Зденек Неedly стал одним из крупнейших представителей прогрессивной революционной культуры. Многочисленные исследования, статьи, лекции и выступления Неedly 20—30-х гг. сыграли важную роль в пропаганде революционных идей в Чехословакии, в развитии революционного чехословацкого искусства, в пропаганде советской культуры, советской литературы и музыки. Эти исследования, статьи, лекции и выступления были посвящены различным вопросам искусства, но все они пронизаны духом борьбы за революционное искусство, искусство для народа. Уже в 1919 г. в статье «Кризис театрального искусства» Зденек Романович требует, чтобы театр раскрывал «социальные проблемы, которые сегодня являются жизненным вопросом для всего человечества». «Единственное спасение нашего театра, — пишет Неedly, — в народе и для народа».

Марксистская теория помогла З. Р. Неedly глубже понять искусство прошлого. И поэтому именно в послеоктябрьский период выходят его обобщающие, капитальные работы о Божене Немцовой, об Алоисе Ирасеке, его монументальное, четырехтомное исследование творчества великого чешского композитора Сметаны. В этих работах раскрыт револю-

ционный смысл передового чешского искусства XIX в., показано значение этого искусства в революционном воспитании масс.

Талант и знания Неедлы сыграли важную роль в формировании молодого поколения революционных писателей и поэтов. В качестве примера можно привести благотворное воздействие, которое оказал З. Р. Неедлы на такого чешского поэта, как Иржи Волькер. В начале 20-х годов большое значение в развитии чешской революционной критики и литературы имели статьи Волькера о революционном искусстве. В них Волькер выступил против реакционного, официального литературоведения, а также против скрытых врагов революционного искусства, которые пытались разложить его изнутри, прикрываясь левой фразой, а на деле уводя писателей и поэтов на путь формализма, космополитизма, на путь «американизации» искусства. Именно близость поэта к Неедлы, непосредственное воздействие последнего на него помогли Волькеру правильно понять взаимосвязь революционного искусства с реалистической литературой прошлого, что в свою очередь дало возможность Волькеру распознать классовую сущность замаскированных врагов революционного искусства.

Труды Зденека Романовича Неедлы способствовали формированию замечательного журналиста и критика, героического сына чехословацкого народа Юлиуса Фучика.

В 20—30-е годы Зденек Романович выступает как активный организатор прогрессивных сил в области культуры. Уже в начале 20-х гг. им было создано литературное общество «Вар», выпускавшее свой журнал. Вокруг общества и журнала группировалась прогрессивная, революционно настроенная молодежь. Именно в этом обществе и на страницах этого журнала выступал со своими произведениями Волькер и революционный критик Вацлавек.

З. Р. Неедлы был организатором и постоянным руководителем Общества экономических и культурных связей с Советской Россией. Создание этого общества, а также журнала «Прага—Москва» имело огромное значение для развития культурных связей между Чехословакией и Советским Союзом. Неедлы организовывал поездки чехословацких деятелей культуры, писателей, поэтов и критиков в Советский Союз, выступления деятелей советской культуры в Чехословакии, устраивал выставки советского искусства, под его руководством переводились советские книги.

В 1927 г. под председательством Неедлы в Праге состоялось организованное Обществом культурного сотрудничества с Советской Россией триумфальное выступление В. В. Маяковского перед полуторатысячной аудиторией. «Голос его, звучавший буквально как гром, был поистине голосом иного неколебимого и всемогущего мира», — вспоминает Неедлы об этом выступлении Маяковского.

В 30-е годы З. Р. Неедлы — выдающийся борец-антифашист, один из организаторов антифашистского движения среди деятелей культуры.

Когда американские и английские империалисты отдали Чехословакию на растерзание гитлеровским агрессорам, Зденек Романович Неедлы продолжил свою кипучую деятельность в Советском Союзе.

Во время Великой Отечественной войны, помимо неустанной общественно-политической работы, Неедлы развертывает культурно-просветительную деятельность, знакомя советскую общественность с чехословацким искусством. Под редакцией Неедлы в советских изданиях выходят избранные произведения крупнейшего чешского реалиста Яна Неруды, «Старинные сказания чешского народа» Алоиса Ирасека, выходит составленный Неедлы библиографический указатель «Художественная

литература славянских народов в переводах на русский язык». Он публикует работу, в которой анализирует связь советской литературы с чехословацкой.

В июле 1943 г. З. Р. Неedly выступил с глубокой проникновенной речью на торжественном вечере, посвященном 150-летию со дня рождения выдающегося поэта чешского и словацкого народов — певца дружбы славянских народов Яна Коллара. Выступления З. Р. Неedly и А. А. Фадеева на этом вечере символизируют дружбу и глубокую культурную общность народов СССР и Чехословакии.

Педагогическая работа З. Р. Неedly на Историческом факультете Московского университета, его труды на исторические и литературные темы, опубликованные в советских журналах, содействовали подготовке кадров советских славистов как в области истории, так и в области литературоведения.

После освобождения Чехословакии от гитлеровских захватчиков Зденек Романович Неedly возвращается на родину, где ведет большую общественно-политическую работу. Одновременно весь свой талант и все свои силы он отдает борьбе за новую, социалистическую культуру. В народно-демократической Чехословакии З. Р. Неedly является одним из крупнейших деятелей Коммунистической партии на культурном фронте.

Борьба за метод социалистического реализма, борьба за марксистское литературоведение стали в Чехословакии основным содержанием литературы.

Помимо огромной государственной и общественной работы, которой занимается Зденек Романович Неedly, он пишет ряд новых работ, которые имеют важнейшее значение для развития литературы, литературной критики и литературоведения в народно-демократической Чехословакии. Следует особенно отметить его доклад на съезде чехословацких писателей «О задачах нашей литературы» и работу «Коммунисты — наследники великих традиций чешского народа». Последняя работа не носит литературоведческого характера, но она чрезвычайно актуальна для чехословацких литературоведов, писателей и критиков, ибо в ней на основе марксистско-ленинского учения о национальной культуре, на основании опыта советского культурного строительства ставится вопрос о прогрессивных исторических и культурных традициях, которые наследует и развивает социалистическая культура.

Эти труды, а также новые работы Неedly об Ирасеке, Тыле, Галеке и Волькере в целом ряде важнейших вопросов указывают пути развития чешской литературы, критики и литературоведения. Раскрывая роль литературы в общественной жизни, в строительстве социализма, Зденек Романович Неedly неизменно обращается к опыту русской классической и советской литературы. Призывая следовать методу советской литературы, он указывает: «Нам нужен социалистический реализм. Литература — одно из могучих средств воспитания, руководства и просвещения народа».

Его статьи и высказывания о чешских и словацких классиках намечают конкретные пути переоценки классического литературного наследства. В своем анализе состояния литературной критики в народно-демократической Чехословакии он намечает программу дальнейшего развития чехословацкой критики.

Зденек Романович Неedly — крупнейший литературовед современной Чехословакии, выдающийся борец за новую литературу, национальную по форме, социалистическую по содержанию, неутомимый борец за укрепление дружбы народов Чехословакии и Советского Союза, борец за мир, демократию и социализм.

И. Ф. Бэла

МУЗЫКОВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗДЕНЕКА НЕЕДЛЫ¹

Зденек Романович Неедлы получил энциклопедически разностороннее образование вначале под руководством отца, умного и начитанного лито-мышльского учителя, затем в гимназии родного города, с давних пор славившейся своими «будительскими» традициями, а позже в Пражском университете и одновременно в Чешском музее. 14 декабря 1900 г. молодой ученый получил диплом доктора философии.

К тому времени З. Р. Неедлы хорошо играл на фортепиано, органе, скрипке, альте и виолончели, основательно изучил теорию композиции под руководством выдающегося чешского композитора Зденека Фибиha (1850—1900) и проявил несомненные творческие способности, сказавшиеся в его ранних произведениях, в том числе и в незаконченной опере. Работая в библиотеке и архиве Чешского музея, Зденек Неедлы показал себя вдумчивым исследователем-текстологом, причем особенное внимание он обращал на рукописные памятники гуситской эпохи. В «Журнале Чешского Музея» были опубликованы многие исследования З. Неедлы.

Музыковедческая деятельность З. Р. Неедлы неотделима от его общественно-политической деятельности. Внимание его к эпохе гуситских войн было не случайным. К этой героической эпохе, ознаменовавшейся славными победами чешского народа в борьбе с немецким дворянством и верховной властью германского императора, обращались Сметана, Дворжак, друг З. Р. Неедлы Ирасек, Аlesh и многие другие передовые мастера чешской литературы и искусства.

Если реакционные буржуазные историки стремились представить гусизм прежде всего как религиозное движение, то прогрессивные деятели чешской культуры, в том числе и З. Р. Неедлы, не только понимали и раскрывали в своих работах и художественных произведениях народно-освободительную сущность гуситских войн, но и создавали исторические параллели с современностью, призывая тем самым к борьбе с габсбургским гнетом.

В 1904—1913 гг. в Праге выходят из печати томы монументальной трилогии З. Р. Неедлы, посвященной истокам, раннему периоду и развитию гуситских песен в Чехии: «Dějiny předhusitského zpěvu v Čechach» («История догуситской песни в Чехии», 1904); «Počátky husitského zpěvu» («Возникновение гуситской песни», 1907) и «Dějiny husitského zpěvu za válek husitských» («История гуситской песни в эпоху гуситских войн», 1913).

В этих исследованиях Неедлы впервые ввел в научный оборот громадное количество первоисточников, включая ряд канционалов, а также критически пересмотрел всю литературу о гуситских песнях, установив

¹ Доклад на заседании секции Общественных наук в ВОКСе 10 февраля 1953 г., посвященном 75-летию З. Р. Неедлы.

и исправив множество ошибок, которые допустили в атрибуции песен, в чтении текстов и в вопросах хронологии Ф. Миковец¹, Й. Йирчек² и другие авторы работ о гуситских песнях.

З. Р. Неедлы не ограничился только песнями. Уже в тот ранний период его научно-исследовательской деятельности, когда он не владел еще в полной мере методом марксистско-ленинского анализа, в его работах проявилось стремление к совершенно необычной для чешского литературоведения и искусствоведения того времени широте охвата материала, к показу явлений художественной культуры на фоне правдиво показанной исторической действительности.

Если в первом томе своей трилогии З. Неедлы приводит обширный материал, свидетельствующий о борьбе «двух культур», разгоревшейся в средневековом чешском песнетворчестве, то во втором томе ученый показывает обострение этой борьбы, которая явилась прямым следствием развития народно-освободительного движения в Чехии, связанного с именем Яна Гуса. Вторая часть данного тома (*Mistr Jan Hus a jeho doba*) содержит десятки расшифрованных мелодий и текстов песен, в основном относящихся к 1403—1417 гг.

В этой работе значительное внимание уделяется эстетическим воззрениям Яна Гуса и Иеронима Пражского и вопросу об авторстве приписываемых им мелодий и текстов песен, причем Неедлы и здесь противопоставляет народную песенную традицию церковной. Говоря о развитии сатирического жанра, З. Р. Неедлы указывает, что магистр Иероним Пражский «сочинял для народа песни и учил его петь их» (стр. 223); к этому соратнику Гуса восходят традиции народной антиклерикальной социально-обличительной песни, блестящим образцом которой является вошедшая в болеславский и другие канционалы сатирическая гуситская песня «*Zajíc, biskup abeceda*», высмеивающая пражского архиепископа Збынка Зайца (стр. 419—420).

В заключительный том трилогии вошли сотни гуситских песен и анализы их текстов и мелодий. В этом томе автор показывает многообразие и редкостное богатство гуситского песенного творчества. Остановившись на обрядовых песнопениях, З. Неедлы, вместе с тем, дает блестящий анализ возникновения и развития традиции боевой таборитской песни, в ритме которой звучит поступь восставшего народа. Замечательные образцы такого анализа содержатся в четвертой главе второй части, целиком посвященной таборитам. Глава эта носит название «Музыка и песня в армии» («*Zpěv a hudba ve vojsku*»). Здесь дан подробнейший разбор знаменитой таборитской песни-гимна «*Ktož jsú boží bojovníci*», мелодии которой, как известно, встречаются в «Моей родине» и «Либуше» Сметаны, а также в «Гуситской увертюре» Дворжака и в других произведениях чешских композиторов.

В авторской программе «Табора» — пятой, предпоследней поэме своего грандиозного симфонического цикла — Сметана написал: «Град крепкий, основанный гуситами, был он опорой и защитой воинов, «Кто же вы, божьи воины», — эта песнь раздается, придавая силы чехам, вызывая ужас среди врагов. Эпоха чешского народного подъема, чешской силы». Научно-исследовательская работа З. Неедлы была посвящена той же возвышенной патриотической цели, что и творческий труд его великого земляка Сметаны. Оба они понимали и раскрывали гуситское движение, как «эпоху чешского народного подъема, чешской силы», оба они стре-

¹ «Čas. Čes. Mus.». Praha, 1854.

² *Hymnologia Bohemica*, Praha, 1877—1878.

мились активизировать освободительные силы родного народа, в который они твердо верили.

Во вступительных строках к первому тому своей трилогии¹ Неедлы выступил против реакционной концепции, поддерживавшейся католической церковью и основывавшейся на тезисе «упадка культуры» в период гуситских войн. Этот тезис проходил, в частности, в двухтомной «Истории древнечешского обрядового пения» Карла Конрада², против которой выступал Зденек Неедлы. З. Р. Неедлы справедливо рассматривал эпоху Гуса и Жижки как период мощного подъема народного движения и расцвета народного творчества.

Неедлы в своих исследованиях обращался к трагическим образам Белогорской битвы в 1620 г., напоминая об именах первых жертв «габсбургской ночи». Он изучал творчество Криштофа Гаранта из Полжиц (1564—1621)³, замечательного чешского композитора, поэта и художника, одного из двадцати семи вождей восстания, публично обезглавленных по повелению Фердинанда Габсбургского 21 июня 1621 г. на Староместской площади в Праге.

Вождь чехословацкого народа Клемент Готвальд в своем выступлении, посвященном семидесятилетию со дня рождения Зденека Неедлы, сказал в 1948 г.: «Зденек Неедлы пришел в лагерь рабочего класса, на позиции социализма, не вопреки тому, что он любил Ирасека и Сметану, не вопреки тому, что он был хранителем национальных традиций нашей истории и культуры, а именно потому, что любил Ирасека, Сметану, Немцову и хранил наследие нашего прошлого, потому что глубоко понял смысл и логику нашей истории, потому что понял, что рабочий класс и трудовой народ являются новой, руководящей силой нации, хранителем и умножателем того лучшего, что создал народ в прошлом»⁴.

Глубоко постигнув патриотическую направленность отечественной классической музыки, З. Р. Неедлы стал ее мужественным защитником, последовательно раскрывая значение ее реалистических, национально-самобытных традиций для современности. Уже в предисловии к вышедшей в июле 1901 г. книге о своем учителе Фибихе («Zdenko Fibich, zakladatel scénického melodramu») З. Неедлы заявил, что считает творчество Сметаны «неоспоримой, неотстранимой, ничем не заменимой, а поэтому нерушимой основой чешской музыки».

Если Отакар Гостинский, лекции которого З. Неедлы слушал в Пражском университете, защищал Сметану от тупых шовинистов типа Пиводы⁵, то Зденеку Романовичу пришлось защищать «чешского Глинку» не только от буржуазных националистов, но и от пресмыкавшихся перед Западом декадентов всех мастей. «Бой за Сметану» был долгим и упорным: «... сколько труда, сколько усилий было затрачено на то, чтобы Сметана стал для нас тем, чем он является для нас сейчас», — вспоминал Неедлы в 1949 г. в предисловии к новому изданию своего труда «Zpřevohry Smetanovu» («Оперы Сметаны») ⁶.

¹ Dějiny předhusitského zpěvu, str. 7.

² Karel K o n r a d. Dějiny posvátného zpěvu staročeského. Praha, 1881—1893.

³ Mše Křištofa Haranta z Polžic. «Čas. Čes. Mus.», 1905; Skladby Křištofa Haranta Polžic. «Zvon», 1910; Křištof Harant z Polžic. «Smetana», XI, 1921.

⁴ Цит. по докладу Генерального секретаря Союза чехословацких композиторов Мирослава Барвика на первом пленуме СЧСК в апреле 1950 г. «Miroslav Barvík. Skladatelé jdou s lidem». Praha, 1951, str. 58).

⁵ См. сб. статей Г о с т и н с к о г о «Bedřich Smetana a jeho boj o moderní českou hudbu», Praha, 1900.

⁶ Z. N e e d l y. Spisy, sv. XVII, str. 11.

В основу этой книги, впервые изданной в Праге в конце 1907 г., положен цикл публичных лекций, прочитанных автором весной того же года в Карловом университете. Здесь в полной мере проявилось присущее его работам сочетание подлинной научности с ясностью и доступностью изложения. В начале своего исследования З. Р. Неедлы дает обзор развития досметановской оперы и показывает, почему ни Шкroup, ни Томашек, ни Киттль, ни другие предшественники и старшие современники Сметаны не могли подняться до того подлинно классического уровня, которого достиг Сметана. Резюмируя анализы всех его опер, начиная от «Бранденбургцев в Чехии» и кончая незавершенной «Виолой», З. Р. Неедлы пришел к закономерному выводу, что «Сметана является не представителем одного какого-либо направления, а истинным отцом чешской музыки, ибо он первый сочетал нашу музыку с жизнью нашего народа и тем самым сделал нашу музыку жизненной и правдивой»¹.

Сметане посвящает Неедлы громадное количество исследований и научно-популярных работ, а также статей, значительная часть которых была опубликована в основанном им журнале «Smetana».

З. Р. Неедлы принимал активнейшее участие в текстологической работе по подготовке приуроченного к столетию со дня рождения Сметаны полного собрания сочинений великого чешского композитора. Эта юбилейная дата ознаменовалась выходом из печати первого тома капитальной монографии З. Р. Неедлы о Сметане, оставшейся пока незаконченной. В свет вышло пять томов монографии (XXI—XXV томы собрания сочинений академика Неедлы).

В первом томе монографии академик З. Р. Неедлы излагает историю развития той среды, в которой рос юный Сметана. Здесь мы находим сведения не только о родителях композитора, но и о его далеких предках, причем биографические данные о них, явившиеся результатом кропотливых многолетних архивных изысканий, переплетаются с повествованием о судьбах Чехии. Так, например, глава, посвященная Петру Сметане, рисует яркую, правдивую картину чешской жизни в «эпоху тьмы», наступившую после Белогорской битвы, и полного порабощения страны Габсбургами.

Последующие главы первого тома содержат много ценных материалов, посвященных освободительному движению в Чехии, событиям французской революции конца XVIII в., наполеоновским войнам и т. д. В монографии красной нитью проходит тема освободительного движения в Чехии, тема борьбы за сохранение самобытности национальной культуры. В этой борьбе непосредственное участие принимал отец композитора — Франтишек Сметана, примыкавший к «будительским» кругам и передавший их демократические традиции своему сыну. Об этих традициях говорит Неедлы, повествуя о музыкальном быте чешских городов и деревень, попутно привлекая колоритные очерки этого быта из произведений Божены Немдовой, Алоиса Ирасека и других чешских писателей.

Второй том посвящен детству Сметаны. В нем изложение доведено только до середины 30-х годов прошлого столетия. В этом томе особенно интересна большая глава «Музыка». Здесь заботливо собраны сведения о первых музыкальных впечатлениях маленького Бедржиха, о его занятиях музыкой под руководством кантора Франтишека Икавца, о первых творческих опытах будущего композитора. Уже в этой главе З. Р. Неедлы

¹ Z. Nejedly. Spisy, sv. XVII, str. 263.

подчеркивает ту огромную роль, которую сыграли народная песня, танец и народно-инструментальная музыка в формировании творческого облика Сметаны.

В последующих томах монографии говорится о связях Сметаны с революционным студенчеством, о его дружбе с Карлом Гавличком, который сочинял и переводил в юные годы тексты песен о польском восстании. Текст одной из этих песен З. Р. Неедлы приводит полностью¹. В четвертом и в пятом томах монографии мы находим замечательные страницы о творческих способностях юного Сметаны, о его решении посвятить себя служению родному народу, о патриотическом участии в народно-освободительном движении.

Последовательно раскрывает З. Р. Неедлы образ Сметаны, как образ художника-патриота. Вместе с тем он гневно клеймит модернистические извращения в чешском искусстве, горячо поддерживает мастеров, продолжавших и развивавших реалистические традиции Сметаны, неустанно изучает и пропагандирует творческое наследие крупнейших чешских композиторов.

В октябре 1925 г. З. Р. Неедлы заканчивает новую книгу о Зденеке Фибихе — *Zdeňka Fibicha milostný deník* («Любовный дневник Зденека Фибиха») ². Такое поэтическое название Неедлы дал громадному фортепианному циклу Фибиха «Настроения, впечатления и воспоминания». Из этого цикла опубликовано 376 пьес, причем некоторые из них легли в основу ряда крупных сочинений Фибиха, например его Третьей симфонии.

Эта книга, написанная с особенной теплотой и задушевностью, повествует о том, как создавались эти пьесы под впечатлением любви композитора к Анежке Шульцовой, в содружестве с которой были созданы последние оперы Фибиха. И повествование книги развертывается на фоне ярко запоминающихся картин жизни чешской интеллигенции конца прошлого века. С таким же чувством горячей симпатии писал З. Неедлы обширную монографию ³ о любимом ученике Фибиха и своем друге, выдающемся чешском композиторе и дирижере, Отакаре Острчиле.

Однако дружба с Острчилем не помешала З. Р. Неедлы критически отнестись к ряду его произведений. Так, например, он указал, что прототипом либретто его ранней оперы «Конец Власть» («Vlasty skon») послужила вагнеровская «Валькирия» ⁴ и что его оперу «Очи Куналы» («Kupálovu oči») следует считать, по существу, не реалистическим произведением, а «символической драмой», хотя и далекой от подражания западноевропейским образцам этого жанра.

Основным трудом, посвященным важнейшим проблемам развития чешского музыкального театра и его связям с творчеством отечественных композиторов, драматургов и исполнителей, явилась двухтомная «История оперы Национального театра» («Dějiny opery Národního Divadla»), вышедшая из печати в 1935—1936 гг. ⁵ Первый том этого труда охватывает период 1883—1900 гг., второй — два последующих десятилетия. К проблемам музыкального театра неоднократно обращался З. Неедлы и в дру-

¹ Z. Nejedlý. Spisy, sv. XXIII, str. 218—219.

² Книга вошла в собрание сочинений, т. XX.

³ Монография закончена в 1929 г., впервые издана в 1935 г., затем включена в собрание сочинений Неедлы, т. XIX.

⁴ Z. Nejedlý. Spisy, sv. XIX, str. 116—117.

⁵ Работа была переиздана в 1949 г. В новом издании вошла в тт. XXVIII и XXIX собрания сочинений З. Неедлы.

гих своих работах¹. В этой области заслуги З. Р. Неядлы поистине огромны.

В исследовании Неядлы «История оперы Национального театра» раскрывается история борьбы «двух культур» в чешском музыкальном театре. Ее автор не ограничивается правдивым, основанным на громадном фактическом материале повествованием о судьбах театра, а отстаивает реалистические традиции национального музыкального наследия и исполнительского мастерства, защищает их от тлетворных веяний буржуазного декаданса. З. Неядлы гневно клеймит преклонение перед Западом, а также забвение принципов народности и национальной самобытности. Так, говоря о поставленной осенью 1886 г. опере «Мирра» Ладислава Завртала, З. Неядлы замечает, что в ней «чешским было только имя автора»².

Преимущественное внимание в этом труде уделено З. Р. Неядлы музыкально-сценическим произведениям Сметаны, Дворжака, Фибиха, Ферстера, Новака и других крупнейших чешских композиторов, создателей чешской музыкальной классики, а также произведениям их преемников.

Зденек Неядлы далек от некритического отношения к анализируемым им произведениям. Он говорит о непоследовательности творческого метода Яначка, в музыке которого проявляются черты натурализма, об импрессионистских тенденциях, заметных в операх Новака³, о модернистских влияниях, тормозящих рост молодых чешских композиторов.

Всем этим влияниям Неядлы противопоставляет сметановские традиции народности, художественной правдивости и прежде всего патриотической направленности. З. Р. Неядлы показывает, как благотворно развиваются эти традиции в современной чешской музыкальной культуре, как воспитываются на них поколения мастеров отечественного музыкального театра. Немало страниц «Истории оперы Национального театра» посвящено дирижерам театра Адольфу Чеху и Карлу Коваржовицу, а также славным чешским певцам Берте Ферстер-Лаутерер, Карлу Чеху, Богумилу Бенони, Ганне Кавалларовой, Владиславу Флорианскому, Ружене Матуровой, Йозефу Льву, Марии Ситтовой, Карлу Буриану и др.

Вместе с тем в этом труде Зденека Неядлы широко разработана тема русско-чешских, а также чешско-польских культурных связей. Этой теме Зденек Романович вот уже более полувека уделяет особенное внимание и в своей научно-исследовательской и в многогранной общественно-политической деятельности. Следует напомнить, что еще в 1900 г. Неядлы приезжал в Варшаву и Москву, где работал в архивах.

Из письма З. Неядлы к его сослуживцу по Чешскому музею — Ченеку Зибру от 24 июля 1900 г. мы знаем, с какой любовью изучал молодой ученый русскую историю и русское искусство, с историческими памятниками которого он познакомился в Москве и в Нижнем Новгороде. На обратном пути он посетил Ясную Поляну, где познакомился с Л. Н. Толстым и беседовал с ним о многом, в том числе и о Гусе, сочинения которого великий русский писатель, как оказалось, знал так же, как и другие памятники чешской культуры.

Деятельность З. Неядлы, начиная с его статьи о беседе с Л. Н. Толстым, напечатанной в журнале «Zvon», имела серьезное значение для

¹ Среди них выделяется книга «Česka zpěvohra po Smetanovi» («Чешская опера после Сметаны»), Z. Nejedlý. Spisy, sv. XVIII.

² Z. Nejedlý. Spisy, sv. XXVIII, str. 219.

³ Z. Nejedlý. Spisy, sv. XXIX, str. 431—440.

популяризации достижений передовой русской культуры в широких кругах чешской общественности. З. Р. Неедлы писал статьи и читал лекции о русской классической литературе, музыке и изобразительном искусстве.

Зденек Романович в тяжелых условиях буржуазной республики противопоставлял принципы правдивого, идейно возвышенного и национально самобытного искусства всевозможным формалистическим и космополитическим теориям Запада. «Не Париж, а Москва» — этот лозунг, выдвинутый Неедлы и его друзьями, стал боевым кличем чешских патриотов в борьбе за традиции Глинки, Шопена и Сметаны.

В «Истории оперы Национального театра» Неедлы говорит о плодотворности творческих связей между славянскими народами. Он подробно останавливается на пражских постановках опер Глинки, Даргомыжского, Мусоргского, Бородина, Чайковского, Римского-Корсакова и Мсьнюшко, указывает на общность реалистических стремлений славянских композиторов, на народность их творчества. С большой теплотой вспоминает Зденек Романович о приездах Чайковского в Прагу и о его дружбе с чешскими музыкантами.

Но Неедлы в своих трудах не ограничивается этими историческими экскурсами. Непосредственно вслед за «Историей оперы Национального театра», одновременно с монографией о В. И. Ленине, он выпускает книгу о советской музыке, пронизанную чувством твердой веры в торжество принципов социалистического реализма. Борьбу за эти принципы Зденек Романович Неедлы продолжает и в наше время. Его выступления на съезде чехословацких композиторов и на пленумах правления Союза чехословацких композиторов, так же как и все высказывания о литературе и искусстве во время войны и в послевоенные годы, содержат не только глубокий анализ классических традиций чешской художественной культуры, но и призывы достойно продолжать и развивать эти традиции, насыщая их содержанием, непосредственно почерпнутым из победоносных идей марксизма-ленинизма.

РЕФЕРАТЫ

*

К. И. Струкова

ВОССОЕДИНЕНИЕ ЮЖНОЙ И СЕВЕРНОЙ БОЛГАРИИ в 1885 г.

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. имела важное значение для болгарского народа. Героическая борьба русских войск, поддержанная болгарским народом, привела к полному разгрому турецкой армии. В результате этого болгарский народ был освобожден от пятивекового чужеземного рабства. Болгария стала независимым государством. Были созданы условия для более быстрого развития капитализма в стране, что в тот исторический период имело прогрессивное значение.

Однако против образования независимого болгарского государства выступили Англия, Австро-Венгрия и Германия. По их настоянию был созван Берлинский конгресс. Россия была вынуждена пойти на уступки трем западноевропейским державам, угрожавшим ей войной, в случае если она не признает решений Берлинского конгресса. Был пересмотрен Сан-Стефанский договор, в результате чего были ущемлены справедливые интересы болгарского народа, а полное освобождение Болгарии не было завершено: Южная Болгария вновь возвращалась под власть Турции в качестве автономной области Турецкой империи под названием Восточная Румелия. Политика Англии, Германии и Австро-Венгрии, направленная на сохранение турецкого феодального гнета над славянскими народами Балканского полуострова, была реакционной политикой.

Несмотря на значительные уступки, сделанные Россией на Берлинском конгрессе, Англии, Германии и Австро-Венгрии не удалось ликвидировать положительные результаты русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Россия оказала большую помощь молодому болгарскому государству. Она снабдила болгарскую армию оружием и боеприпасами, помогла подготовить офицерские кадры, передала Болгарии Дунайскую флотилию.

В феврале 1879 г. в Тырнове было создано Учредительное собрание для утверждения проекта Тырновской конституции. Тырновская конституция, в которой были закреплены основные результаты освобождения, положила начало государственности Болгарии. Южная Болгария в результате активной поддержки русской дипломатией национально-освободительного движения также получила конституцию — Органический Статут, предоставлявший ей административную автономию и некоторые буржуазно-демократические права.

Национально-освободительная борьба болгарского народа за объединение насильно разорванных частей страны до сих пор недостаточно изучена не только в болгарской и в русской дореволюционной, но и

в советской историографии. Если этой теме и касались буржуазные историки, то они основные ее проблемы освещали со своих классовых позиций. Все они единогласно признавали, что объединение Болгарии было исключительно делом рук Александра Баттенберга. Значение же народных масс в этой борьбе умалялось. Недостаточно исследовались экономические корни национально-освободительного движения.

Кроме того, в работах, затрагивавших историю Болгарии первой половины 80-х гг. XIX в., основное внимание обычно уделялось Болгарскому княжеству, а об Южной Болгарии, бывшей центром движения, упоминалось лишь мельком. Что представляла собой Южная Болгария в период своего шестилетнего существования в качестве автономной области Турецкой империи, какие происходили в ней изменения социально-экономического характера, каковы были пути ее развития? На эти вопросы в данных работах нельзя было найти ответа.

В болгарской буржуазной исторической литературе имеется лишь одна работа, посвященная непосредственно Южной Болгарии (Восточной Румелии), — это монография М. Маджарова¹. Эта книга, написанная на основании широкого круга источников, дает богатый фактический материал по общественно-политической истории Южной Болгарии 1878—1883 гг.; о событиях же 1884—1885 гг. в ней упоминается лишь вскользь. Но автор, собрав интересный материал, в силу ограниченности мировоззрения, не сумел дать правильного анализа, не смог сделать обобщений.

В советской исторической литературе по данному вопросу, кроме диссертации С. И. Сидельникова², защищенной в Харькове в 1946 г., и его небольшой статьи, опубликованной в 1949 г. в «Ученых записках Харьковского педагогического института»³, других работ не имеется. Автор, взяв широкие хронологические рамки работы, значительно отступил от периода, определенного в названии диссертации. Исследование охватывает период от начала борьбы болгарского народа против турецких поработителей с момента потери Болгарией своей самостоятельности. С. И. Сидельников не смог сосредоточить свое внимание на основном вопросе диссертации и дать исчерпывающий анализ рассматриваемых им событий.

Между тем период 1878—1885 гг. чрезвычайно важен в истории Болгарии. Он насыщен событиями, которые сыграли большую роль в судьбах болгарского народа. В настоящее время назрела необходимость осветить с марксистско-ленинских позиций борьбу болгарского народа за создание единого национального государства, раскрыть социально-экономические процессы, обусловившие причины и характер этой борьбы, показать объективнопрогрессивную роль России в этой борьбе, разоблачить реакционную политику Англии, Германии и Австро-Венгрии, препятствовавших национальному объединению Болгарии.

При этом необходимо показать основное направление развития Южной Болгарии в период 1879—1885 гг., буржуазный характер «румелийского» государства и вскрыть социально-экономические и политические причины национально-освободительного движения, развернувшегося в Южной Болгарии в 1878—1885 гг., которое привело в конечном результате

¹ М. Маджаров. Източно Румелия. София, 1925.

² С. И. Сидельников. Воссоединение Княжества Болгарии и Восточной Румелии (1878—1886). «Ученые записки Харьковского педагогического ин-та», Харьков, 1949.

³ «Ученые записки Харьковского педагогического ин-та», Харьков, 1949.

к национальному объединению Болгарии, к созданию единого Болгарского государства.

Произведения классиков марксизма-ленинизма помогают вскрыть методологические ошибки и недостатки болгарской буржуазной литературы и правильно подойти к выяснению действительных причин и характера движения за воссоединение Болгарии. Работы Ленина и Сталина по национальному вопросу, труды Ленина по аграрному вопросу в России в XIX в., и в особенности его работа «Развитие капитализма в России» помогают правильно понять и оценить борьбу болгарского народа за национальное освобождение.

Борьба болгарского народа за создание единого национального государства была прогрессивным явлением, ибо «борьба против всякого национального гнета, за суверенность народа, за суверенность нации»¹ всегда прогрессивна. Основной движущей силой движения были широкие народные массы Болгарии — крестьянство, ремесленники, демократическая интеллигенция.

Наибольший размах движение приняло в Южной Болгарии, бывшей не только экономически более развитой частью страны, но и колыбелью болгарского национально-освободительного движения 70-х годов XIX в. Незавершенность национального освобождения чувствовалась здесь особенно остро. Поэтому Южная Болгария стала центром национально-освободительного движения за воссоединение болгарского народа. По всей стране происходили митинги и демонстрации протеста против реакционных решений Берлинского конгресса. Народные массы Южной Болгарии требовали восстановления национального единства Болгарского государства, готовясь с оружием в руках защищать свою независимость.

Среди южноболгарской буржуазии, использовавшей движение народных масс в своих интересах, не было единства не только относительно методов ведения борьбы, но, самое главное, относительно целей этой борьбы. Она разделилась на две партии: «умеренных» и «непримиримых». Партия «умеренных», состоявшая из представителей крупной буржуазии и духовенства (И. Е. Гешов, экзарх Иосиф и др.), боясь революционного решения национального вопроса, стремилась удержать народные массы от «необдуманных» действий и выступала за подчинение решениям Берлинского конгресса о разделе страны. Она лишь допускала возможным добиваться предоставления Южной Болгарии реальной административной автономии. Партия «непримиримых» (Величков, Янкулов и др.) состояла из демократически настроенной интеллигенции и мелкой буржуазии, часть которой участвовала в национально-освободительном движении 70-х годов XIX в. «Непримиримые» поддерживали растущее недовольство народа Южной Болгарии, выпускали воззвания, призывавшие население вооружаться и готовиться к борьбе.

Чувство негодования и возмущения реакционными решениями Берлинского конгресса охватило весь болгарский народ.

Начиная войну с Турцией, Россия предусматривала возрождение Болгарии как самостоятельного государства. Уступки, сделанные под нажимом Англии, Германии и Австро-Венгрии, Россия считала временными. «Пачатое нами дело, — писал военный министр Д. А. Милютин, — несомненно довершится самою силою вещей. Каковы бы ни были теперь поставлены европейской дипломатией ограничения в самостоятельности Южной Болгарии, какие бы тесные границы не были ей назначены, можно

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 18.

иметь уверенность в том, что образуемая ныне на севере Балкан маленькая автономная Болгария послужит ядром для будущего объединения всего болгарского народа в самостоятельное государство»¹. Поэтому Россия использовала все легальные средства для возможно более полного ограждения национальной независимости Южной Болгарии от враждебных посягательств Турции, за спиной которой стояли Англия, Австро-Венгрия и Германия.

В результате широкого размаха национально-освободительного движения и поддержки Россией национальных чаяний болгарского народа, Турция была вынуждена отложить на неопределенное время выполнение XV статьи Берлинского трактата, дававшей ей право держать свои войска на границе между Болгарским княжеством и Восточной Румелией. Вынужденный отказ Турции от занятия Балканского хребта имел огромное значение в дальнейшей борьбе болгарского народа за создание единого национального государства. Отсутствие турецких гарнизонов на границе между Южной и Северной Болгарией облегчило связь между двумя частями страны и способствовало их воссоединению в 1885 г.

Благодаря массовым народным демонстрациям и защите русскими представителями национальных интересов Южной Болгарии, Европейская комиссия выработала Органический Статут, бывший по своему содержанию буржуазно-демократической конституцией Южной Болгарии. 14 (26) апреля 1879 г. Органический Статут был утвержден султаном; генерал-губернатором Южной Болгарии был назначен Алеко Богориди (Алеко-паша). Южная Болгария начала свое существование в качестве автономной области Турецкой империи.

Действия России независимо от целей русского правительства в его восточной политике объективно способствовали освобождению балканских народов от турецкого ига. Англия, Германия и Австро-Венгрия стремились помешать дальнейшему экономическому и культурному развитию болгарского народа.

Россия же, обеспечив для Южной Болгарии реальную административную автономию, свободу общения с северной частью страны и согласившись на значительную демократизацию конституции Болгарского княжества, тем самым подготовила необходимую почву для будущего воссоединения болгарского народа.

В Южной Болгарии русско-турецкая война привела по существу к тем же изменениям в социально-экономических отношениях, что и в Северной, — система турецкого феодализма была ликвидирована. Этим создавались предпосылки для дальнейшего развития капитализма и в южной части Болгарии. Хотя крупное турецкое землевладение в Восточной Румелии не было уничтожено, но многие турецкие помещики бежали вместе с отступавшими турецкими войсками. Эти земли на правах выкупа переходили в руки болгарского населения, причем сельская буржуазия значительно увеличивала свои владения, а бедное и безземельное крестьянство приобретало обычно незначительные участки, лишь формально превращаясь в «хозяев». В то время, как зажиточное крестьянство покупало землю за наличные деньги, бедное, а часто и среднее крестьянство, чтобы купить землю, было вынуждено обращаться к ростовщику за деньгами или продавать свой инвентарь, рабочий скот. Задолженность ростовщикам вела к интенсивному разложению южноболгарского крестьянства. Разорению крестьян способствовала и налоговая политика румелийского правительства — налогов было не меньше, чем при турецком господ-

¹ Д. А. М и л ю т и н. Дневник, т. 3, М., 1950, стр. 68.

стве. В силу указанных причин в Южной Болгарии происходило, с одной стороны, обезземеливание крестьян, превращение их в сельскохозяйственных пролетариев, с другой — росла концентрация земли в руках сельской буржуазии.

Сельская буржуазия широко применяла наемный труд, вводила сельскохозяйственные машины. Однако сельскохозяйственная техника основной массы крестьянских хозяйств продолжала оставаться примитивной. Более интенсивному развитию капитализма в Южной Болгарии, так же как и в княжестве, мешали пережитки феодальных отношений, ликвидация которых затянулась вплоть до XX в. Все же, несмотря на общую отсталость хозяйства и пережитки феодализма, в сельском хозяйстве Южной Болгарии шло развитие капиталистических отношений.

Развитие капитализма происходило и в южноболгарских городах. Но и здесь полная победа капиталистических отношений задерживалась целым рядом причин. Одной из них была таможенная граница, установленная между Южной и Северной Болгарией, согласно решениям Берлинского конгресса, что нарушало экономическое единство болгарской нации, препятствовало естественному развитию национальной экономики. Основание двойного ряда таможен — на границе Болгарского княжества и на румелийской границе — привело к упадку ряда местных ремесел и мануфактур и нанесло тяжелый удар целым районам по обе стороны Балканского хребта. Введение пошлин на все товары, вывозимые из Северной Болгарии и ввозимые туда, сильно подняло цены на товары местного производства и привело к упадку спроса на них, что вызвало сокращение оживленного товарообмена, существовавшего раньше между югом и севером страны.

Упадок местных ремесел и мануфактур усугублялся конкуренцией товаров западноевропейских капиталистических держав. Товары румелийской промышленности не могли конкурировать с наводнившими страну промышленными изделиями западноевропейских стран. Пришли в упадок такие виды национального производства, как гайтанджийство (изготовление шерстяного шнура — гайтана), изготовление болгарских шерстяных тканей — абы и шаека. Но вместе с тем начали развиваться новые отрасли промышленности, такие, как производство спирта, пива, обработка табака и т. п. В обрабатывающей промышленности мануфактура все более вытеснялась фабрикой.

Большое значение в экономике Южной Болгарии имели торговые связи с севером страны. В экспортной торговле Южной Болгарии первое место занимало Болгарское княжество. При таких тесных экономических связях с каждым годом все больше чувствовался вред, наносимый национальной экономике расколом страны. Поэтому болгарская буржуазия (как южной, так и северной частей), стремясь к объединению национального рынка, выступала руководителем движения за воссоединение Южной и Северной Болгарии.

С апреля 1879 г. в Южной Болгарии развернулась борьба за национальную независимость страны, за осуществление на деле буржуазно-демократических свобод, провозглашенных в Органическом Статуте. Движение народных масс Южной Болгарии буржуазия использовала для упрочения своего экономического и политического положения в автономной области. Всю административную и политическую власть она захватила в свои руки. Опираясь на поддержку народа и сочувствие России, южно-болгарская буржуазия сумела добиться значительных успехов в борьбе с Турцией.

Прежде всего болгарский язык был признан единственным официальным языком Областного собрания, тот же язык преимущественно употреблялся и во всех учреждениях Восточной Румелии. Областное собрание получило реальную силу, оно утвердило за собой право делать правительству запросы по всем отраслям управления, выражать недоверие директорам Восточной Румелии, что превращало последних в министров, ответственных перед Областным собранием. Чтобы ослабить право султана накладывать «veto» на законы, принятые Областным собранием, южноболгарская буржуазия широко использовала 55 статью Органического Статута, дававшую Постоянному комитету право совместно с генерал-губернатором издавать административно-политические постановления, имевшие силу закона и не подлежавшие утверждению султана. Были отражены и другие покушения Турции на внутреннюю автономию Южной Болгарии. Южноболгарская буржуазия, действуя через Областное собрание и Постоянный комитет, решала важнейшие вопросы вполне самостоятельно, нередко обнаруживая прямое неподчинение султану. Власть турецкого правительства в Восточной Румелии была сведена к минимуму, Южная Болгария была превращена в почти независимое конституционное государство, имевшее достаточно либеральную конституцию — Органический Статут и свой парламент — Областное собрание, которое обладало значительной властью.

Характер законодательной деятельности Областного собрания не изменялся из-за смены правящих партий, так как во внутриполитической деятельности вся румелийская буржуазия без различия партий стремилась к одному: быстрее устранить все препятствия, задерживающие развитие капитализма и мешающие росту и укреплению буржуазии. Поэтому главное внимание Областного собрания было обращено на урегулирование земельных отношений, на превращение всех земель в свободную частную собственность и на упорядочение кредита. Все законопроекты, разработанные в этом направлении, преследовали в первую очередь интересы растущей сельской и городской буржуазии: вакуфные земли (монастырские и церковные) не конфисковывались, а передавались крестьянам за выкуп, создаваемые кредитные учреждения обслуживали прежде всего богатые слои населения и т. п. Заботясь о своих выгодах, южноболгарская буржуазия ничего не делала для улучшения положения народных масс. Наоборот, вся тяжесть непосильных налогов легла на плечи трудового населения и прежде всего крестьянства.

Турецкое правительство, постоянно препятствовавшее проведению в жизнь важнейших мероприятий, необходимых для экономического прогресса страны, тормозило капиталистическое развитие Южной Болгарии. Кроме того, турецкое правительство, опираясь на поддержку Англии и Австро-Венгрии, засылало в мусульманские округа Восточной Румелии своих агентов, которые организовывали там беспорядки и даже вызвали восстание в Кирджалийском округе. Турция, а также ее «покровитель» Англия надеялись, что под предлогом якобы защиты интересов мусульманского населения в Южной Болгарии можно будет потребовать создания турецких гарнизонов на Балканском хребте, а может быть, и ввода турецких войск в автономную область. Это не только лишило бы Восточную Румелию завоеванных ею прав, но и поставило бы под угрозу независимость Болгарского княжества. Только твердая позиция России в данном вопросе заставила Турцию и стоявших за ее спиной Англию, Австро-Венгрию и Германию отказаться от их намерений. Весь ход экономического и политического развития Южной Болгарии толкал болгарскую буржуазию юга страны на дальнейшую борьбу с Турцией.

Весной 1880 г. в связи с приходом в Болгарском княжестве к власти либеральной партии болгарской буржуазией юга и севера страны был вновь поднят вопрос о воссоединении Болгарии. По обе стороны Балканского хребта была развернута довольно активная деятельность: в Софии, а затем Сливене состоялись съезды сторонников объединения Болгарии. Народное Собрание Болгарского княжества приняло закон о народном ополчении, вотировало миллионный кредит для Восточной Румелии, в Южной Болгарии производился сбор средств для нужд объединения. Но движение постепенно заглохло, так как надежды на изменившуюся международную обстановку (греко-турецкий и черногорско-турецкий конфликты, смену кабинета Дизраэли кабинетом Гладстона) не оправдались. Вопрос о воссоединении в течение 1880 г. и начала 1881 г. еще не раз обсуждался на страницах южноболгарской прессы. В период чрезвычайных полномочий болгарского князя предварительным условием воссоединения выдвигалось требование восстановления в Болгарском княжестве Тырновской конституции.

К концу 1880 г., когда определилась политическая стабилизация Южной Болгарии, в среде южно-болгарской буржуазии, действовавшей в период 1879—1880 гг. единым фронтом, появилось разногласие. Последнее усилилось после антиконституционного переворота в Болгарском княжестве в апреле 1881 г. и особенно в связи с эмиграцией в Южную Болгарию лидеров либеральной оппозиции княжества — Петко Каравелова и П. Р. Славейкова. Образовались две буржуазные партии в Восточной Румелии: «либеральная», или «казенная», и «консервативная», или «народная».

Названия «либералы» и «консерваторы» были совершенно условные, так как обе партии враждовали друг с другом главным образом из-за выгодных мест в управлении; другой причиной расхождения был вопрос о внешнеполитической ориентации. Ввиду поддержки царским правительством государственного переворота, совершенного болгарским князем Александром, у части болгарской буржуазии появились антирусские настроения. Появление этих настроений объяснялось также возросшей активностью в Болгарии австро-венгерского и английского капитала, в то время как экономические связи с Россией были совершенно незначительными. Часть румелийской буржуазии стала ориентироваться на Англию и Австро-Венгрию. Это были «либералы»; «консерваторы» же ориентировались на Россию. В 1880—1885 гг. в Восточной Румелии развернулась ожесточенная борьба двух буржуазных группировок за власть и за внешнеполитическую ориентацию, которая должна была определить дальнейшие пути политической жизни страны.

«Народная» партия с 1883 г. основной своей целью объявила достижение соединения Южной Болгарии с Северной (с этого времени партия стала называться «соединистской»). Борьба за власть между «казенными» и «соединистами» с особенной силой разгорелась в 1884 г. в связи с предстоящим в мае переизбранием румелийского генерал-губернатора. «Соединисты» развернули широкую агитацию за объединение Восточной Румелии с Болгарским княжеством. «Казенные», не выступая прямо против воссоединения, доказывали его несвоевременность, призывали вновь выбрать Богориди генерал-губернатором Восточной Румелии. Но их призывы не находили отклика. Движение приняло небывалый размах: не было ни одного города или крупного села, где бы не состоялись митинги в пользу объединения.

Успех соединистской агитации объяснялся резким ухудшением экономического положения Южной Болгарии.

Народные массы Южной Болгарии надеялись, что объединение южной и северной частей страны облегчит их тяжелое материальное положение. Румелийская буржуазия, возглавлявшая движение, добивалась упразднения таможенной границы, протекционистской политики в объединенной Болгарии. На всех митингах неизменно принимались резолюции, говорившие, что разделение Южной и Северной Болгарии препятствует экономическому и культурному прогрессу страны. Но результаты кампании не оправдали ожиданий: все дело свелось к замене одного генерал-губернатора другим (Богориди Крестевичем). Отказ «соединистов» от осуществления предвыборных обещаний вызвал всеобщее разочарование в Южной Болгарии. Тем не менее, соединистское движение в феврале—апреле 1884 г. явилось звеном в цепи событий, приведших к восстанию 1885 г. Оно показало, что все классы южноболгарского общества выступали за объединение Восточной Румелии с Болгарским княжеством.

Экономическое положение Южной Болгарии ухудшалось с каждым днем: население разорялось, недоимки росли, областная казна не сводила концов с концами. Растущее недовольство широких слоев населения — крестьянства, ремесленников, интеллигенции — привело к новому подъему соединистского движения. Во главе его стал З. Стоянов, находившийся в тесной связи с либеральной партией П. Каравелова и предателем интересов болгарского народа, ярким реакционером Александром Баттенбергом. З. Стоянов, активный участник национально-освободительного движения 70-х гг. XIX в., пользовавшийся репутацией убежденного демократа, к середине 80-х годов отказался от своих прежних взглядов и громкими фразами об идеалах Левского и Ботева прикрывал свой переход на сторону болгарской буржуазии и реакционера-князя. Стоянов и его окружение, в противоположность революционерам-демократам предвосхитительной эпохи, не ставили перед собой задачи борьбы против монархии, чиновничьего и поповского засилья. Напротив, он и его последователи стремились укрепить колебавшийся трон немецкого князя. Революционная фразеология, усвоенная З. Стояновым и его сторонниками, служила средством привлечения к движению народных масс.

Крестьяне восторженно встречали «авостолов соединения», разосланных Центральным комитетом Южной Болгарии по всей стране для подготовки восстания. Участвуя в борьбе за соединение, трудящиеся крестьяне стремились не только к снижению налогов, улучшению условий своей жизни, но и к уничтожению социального неравенства, классовой эксплуатации. Массовое участие крестьян в движении оказало решающее влияние на успех восстания 6 (18) сентября 1885 г. Вооруженные отряды крестьян, при поддержке милиции, свергли румелийское правительство. Центральный комитет провозгласил объединение Южной и Северной Болгарии под «скипетром» Александра Баттенберга.

Но прежде чем воссоединение было признано, Болгарии пришлось выдержать целый ряд дипломатических нажимов, защищать объединенную Болгарию с оружием в руках в сербско-болгарской войне, спровоцированной Австро-Венгрией. Международное соглашение, подписанное 24 марта (5 апреля) 1886 г., признало объединение обеих частей Болгарии. Решающую роль в деле воссоединения имела русско-турецкая война, сыгравшая объективно, независимо от намерений русского царизма, прогрессивную роль в историческом развитии Болгарии.

Непосредственным политическим результатом воссоединения было усиление политической роли Болгарии на Балканском полуострове. Социальное значение воссоединения Южной и Северной Болгарии заключалось в уничтожении тех пут, которые задерживали дальнейшее развитие капи-

тализма в южной части Болгарии и во всей стране. Восстановление экономического единства нации, объединение национального рынка послужили мощным толчком для дальнейшего развития производительных сил болгарского народа. Присоединение области, более богатой и экономически более развитой, чем остальная часть государства, с такими центрами торговли и развивающейся фабричной промышленности, как Пловдив, Сливен, Татар-Пазарджик, способствовало развитию капитализма в стране. Болгарская буржуазия после объединения начинает проводить покровительственную политику в отношении отечественной промышленности. В результате этого резко возрастает темп развития капиталистического хозяйства, значительно увеличивается внешнеторговый оборот.

В. И. Короткова

ТИМОКСКОЕ ВОССТАНИЕ И РАДИКАЛЬНАЯ ПАРТИЯ

Тимокское восстание является одним из важнейших событий в истории революционного движения сербского народа. Это было самое крупное и наиболее организованное массовое движение в Сербии во второй половине XIX в. Оно нанесло сильный удар по монархо-бюрократическому режиму и оказало большое влияние на дальнейшую общественно-политическую жизнь сербского народа.

Несмотря на все это, Тимокское восстание не получило до сих пор должного освещения в исторической литературе. Специальных работ о Тимокском восстании нет ни в советской, ни в буржуазной историографии. Буржуазные историки, и сербские и югославские, по весьма понятным причинам или вовсе замалчивали Тимокское восстание, или изображали его в искаженном виде. Так, например, Джорджевич представлял Тимокское восстание в виде авантюристического предприятия кучки радикалов, подкупленных русскими славянофилами. Другие историки изображали восстание как своего рода авантюру, предпринятую в целях уничтожения радикальной партии. Буржуазная историография даже и не пыталась рассматривать Тимокское восстание как факт, обусловленный социально-экономическим и политическим развитием Сербии.

С Тимокским восстанием тесно связан вопрос о первом этапе деятельности радикальной партии. В настоящее время этот вопрос представляет и самостоятельный интерес. В современной Югославии вновь получила хождение народническая теория о каком-то «особом демократическом духе» сербского крестьянства. Создателями этой теории были первые идеологи радикальной партии. Сохранившиеся в Сербии пережитки докапиталистических отношений, как, например, задруга, общинная собственность на дуга и леса, общинное самоуправление, основатели радикальной партии считали признаками самобытности сербского экономического строя.

Крестьянство они рассматривали как единый в экономическом и социальном отношении класс. Исходя из этого ошибочного представления, основатели радикальной партии считали, что дальнейшее развитие Сербии должно идти по особому пути. Единственным борцом за социализм в Сербии, согласно их теории, должно быть крестьянство. Одаренное «особым демократическим духом», оно через задругу приведет Сербию к социализму. Ввиду этого критический анализ народнической теории первых идеологов радикальной партии, указание на историческую и классовую ограниченность общественно-экономических и политических взглядов создателей данной теории представляется весьма своевременным.

Все это свидетельствует о необходимости выяснения характера и значения Тимокского восстания, его причин и движущих сил, а также пересмотра оценки в нем роли радикальной партии.

Прежде чем перейти к решению поставленной задачи, необходимо хотя бы коротко остановиться на крайне сложном и запутанном вопросе об аграрных отношениях в Сербии в XIX в., без освещения которого невозможно сделать правильный анализ предпосылок Тимокского восстания.

Получивший широкое распространение в буржуазной исторической литературе тезис о том, что хатишериф 1833 г. полностью и окончательно разрешил аграрный вопрос в Сербии и явился залогом свободного развития крестьянского землевладения и «крестьянской демократии», несостоятелен. Национальное освобождение Сербии от турецкого ига, одним из результатов которого явился хатишериф 1833 г., действительно принесло с собой крупный социальный переворот. В Сербии было уничтожено турецкое феодальное землевладение и ликвидированы спахийские отношения. Однако этот переворот не был радикальным и полным.

Процесс ликвидации турецкого землевладения затянулся на несколько десятилетий. В ряде округов остатки турецкого феодального землевладения не были ликвидированы еще и в 80-х годах. Наделение крестьян землей, после освобождения Сербии от турецкого ига, не было безвозмездным. Тысячи сербских крестьян были обязаны дважды и трижды выкупать один и тот же клочок земли. Сербский крестьянин платил за свое освобождение от спахийской зависимости налог, который шел на покрытие дани Порте. Дань включала в себя сумму выкупов за спахийские земли. Ввиду этого сербские крестьяне и после освобождения были обязаны платить спахийский налог-десятину и султанский налог — харач, с той только разницей, что десятина была заменена денежным налогом. Далее, сербский крестьянин должен был заплатить за тот же самый клочок земли, который он получил при освобождении, непосредственно самому спахии или сербскому великашу (ростовщику, торговцу, крупному землевладельцу или чиновнику), выкупавшему землю у спахии. Великаш брал затем с крестьянина большие проценты за неуплаченную сразу часть суммы. Эти проценты являлись, по существу, третьим выкупом этой же земли. В условиях полунатурального хозяйства бедным и средним крестьянам трудно было найти необходимые для выкупа деньги. Они вынуждены были занимать их у ростовщиков на кабальных условиях.

Таким образом, освободившись от спахийской зависимости, крестьянство в большей своей части попало в экономическую зависимость от сербских великашей.

Чрезвычайно отрицательно на развитие сербской экономики во второй половине XIX в. влияло так называемое великопоседничество (крупное землевладение). В хозяйствах великопоседников широко применялись крепостная аренда (наполица, третина, закуп из дела) и кабальные наймы (спрег, позаймица, моба). Так же велось хозяйство и в крупных государственных имениях.

Неизбежным следствием таких методов ведения хозяйства являлась низкая производительность труда. «...Приемы хозяйства, основанного на отработках, — писал В. И. Ленин, — могут быть только самые рутинные; труд закабаленного крестьянина не может не приближаться по своему качеству к труду крепостному»¹.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 169.

Если великопосадничество, крупные государственные имения полуфеодалного типа и мелкое крестьянское землевладение задерживали развитие производительных сил в сельском хозяйстве, то цеховое устройство ремесла (цехи были отменены в Сербии только в 1911 г.) и особенно гнет австро-венгерского капитала делали почти невозможным развитие сербской промышленности. В начале 80-х годов сербское правительство заключило с Австро-Венгрией ряд договоров на кабальных для Сербии условиях. Согласно договору 1881 г., сербское правительство признало за Австро-Венгрией право исключительных привилегий. Льготные таможенные пошлины на товары, ввозимые из Австро-Венгрии в пограничные районы Сербии, распространялись на всю территорию страны. Предметы, не производящиеся в Сербии, при ввозе их из Австро-Венгрии не облагались пошлинами.

Обеспечивая широкое распространение австро-венгерских товаров на сербском рынке, сербо-австрийский торговый договор 1881 г. препятствовал развитию сербской промышленности. Подчинив всю сербскую торговлю австрийским интересам, он лишил сербских торговцев возможности торговать с другими странами на более выгодных условиях. Железнодорожная конвенция и договоры с австрийским банком (*Länderbank*) и французским акционерным обществом (*Union Générale*), связанным с венским двором, еще больше подчинили Сербию австрийскому влиянию. Эти губительные для сербской экономики договоры были закреплены Тайной конвенцией, лишившей по существу Сербию политической самостоятельности.

Громадные препятствия, создаваемые многочисленными пережитками средневековья и гнетом австро-венгерского капитала, побуждали сербских великашей направлять свои капиталы не в сельское хозяйство и промышленность, а в торговлю и ростовщичество. Результатом этого явилось колоссальное развитие в Сербии торгового и ростовщического капитала. Самостоятельное развитие этих низших и худших форм капитала в свою очередь оказывало отрицательное влияние на развитие производительных сил страны.

Успехам австро-венгерской экономической экспансии в Сербии весьма способствовал политический строй этой страны. В условиях монархо-бюрократического режима стоявшая у власти партия легко могла проводить политику, угодную тому классу, интересы которого она представляла. Монархо-бюрократический режим, с одной стороны, закреплял остатки феодализма в общественно-экономическом строе Сербии, с другой — создавал условия для беспрепятственного проведения антинациональной, про-австрийской политики. Борьба против этого режима, против пережитков феодализма, за завершение буржуазно-демократической революции — таково содержание острейшей социальной борьбы в Сербии на протяжении второй половины XIX в.

Реакционной силой в этой борьбе являлись великопосадники, ростовщики и крупные торговцы — поставщики скота на австрийский рынок. Они стремились к сохранению и укреплению существовавшего положения, при котором крестьянство, находясь в полуфеодалной зависимости, было обречено на разорение. В 80-е годы великопосадников, ростовщиков и крупных торговцев представляла напредняцкая партия.

Политика, проводимая напредняками, не всегда и не во всем отвечала интересам либеральной буржуазии (либеральной партии Ристича). Представители зарождавшейся промышленной буржуазии, кулачества и той части крупной торговой буржуазии, которая не была связана с австрий-

ским рынком, высказывались за проведение реформ, направленных на расчистку пути для более быстрого развития капитализма в Сербии. Но либеральная буржуазия, боявшаяся растущего революционного движения масс, была против радикального разрешения задач буржуазного преобразования и поэтому шла на компромисс с консервативными силами.

Носителями прогрессивных тенденций были рабочие, широкие массы крестьянства, мелкая промышленная буржуазия. Их поддерживали разорвавшиеся ремесленники. Представителей этих различных общественных классов объединяла ненависть к монархо-бюрократическому режиму, который, по словам Энгельса, «не дал им (сербам. — В. К.) ни сильной буржуазии, ни независимого крестьянства (земли крестьян все уже заложены). . .»¹. Крестьяне и ремесленники разорялись, превращаясь в пролетариев, которые сплошь и рядом не могли найти себе работы. Фермеры, промышленники и торговцы страдали от всякого рода ограничений, связанных с подчинением сербской экономики австро-венгерскому капиталу. Пережитки феодализма, огромные проценты на заложенные земли и на ссуды у ростовщиков, непосильное бремя налогов и чудовищные судебные издержки, — таковы причины, объясняющие революционность сербского крестьянства, его стремление к демократическому переустройству общества. Но промежуточное положение среднего крестьянства между сельским пролетариатом, ряды которого оно пополняло, и кулачеством, к которому оно тянулось в силу своей мелкобуржуазной природы, было источником колебания среднего крестьянства.

Это внутренне противоречивое классовое строение демократического лагеря нашло свое выражение в различных идейно-политических течениях. Левое крыло демократического лагеря представляла группа Миты Цепича, ученика Светозара Марковича и наследника его революционных традиций. Правое крыло возглавляла радикальная партия, основателем и первым идеологом которой был Адам Богосавлевич, также ученик Светозара Марковича. Но, отбросив революционный демократизм Марковича и развивая лишь ошибочную сторону его учения о возможности перехода к социализму через задругу, группа Богосавлевича создала своеобразную разновидность народнической теории.

К 80-м годам группа Богосавлевича, представлявшая в 70-е годы демократические слои общества, стремившиеся к социальному перевороту, переродилась в партию буржуазных реформаторов, вобрав в себя значительную часть зажиточного крестьянства, мелких промышленников, торговцев и мелкобуржуазную интеллигенцию. Группа Богосавлевича организовалась в радикальную партию в 1881 г., взяв за основу программу, опубликованную в первом номере газеты «Самоуправа», объявленной органом партии. Программа 1881 г. придавала особенно большое значение вопросам расширения прав органов местного самоуправления и реорганизации финансовой системы. В качестве формы государственного управления программа 1881 г. намечала конституционную монархию. Среди идей, выдвинутых радикалами, особенным сочувствием трудящихся масс пользовались идея борьбы против чиновничества и ростовщичества, а также требование установления дружественных отношений с Россией.

Накануне Тимокского восстания радикальная партия была самой многочисленной и наиболее организованной. Она насчитывала от 45 до 60 тыс. членов. Ее организации были распространены по всей Сербии.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 262.

Высшим руководящим органом партии был съезд. В промежутках между съездами эту функцию осуществлял ЦК, избираемый на съезде. Накануне восстания председателем ЦК был Пашич.

Восстание 1883 г. является одним из этапов в борьбе за завершение буржуазно-демократической революции. Оно происходило на территории Тимокской Крайны, население которой особенно пострадало от войн 1876—1878 гг. К общему тяжелому положению, в котором находилось все сербское крестьянство, здесь присоединилось еще обнищание, явившееся результатом войн. Восстание шло под лозунгом защиты конституции и расширения прав органов местного самоуправления. Непосредственным поводом к восстанию послужило разоружение существовавшей в то время милиционной армии (народно войско).

В восстании принимали участие сельская и городская беднота, среднее крестьянство, кулачество, мелкая городская буржуазия, учителя и священники. Реальную боевую силу в Тимокском восстании составляли беднейшая часть крестьянства, разорившиеся ремесленники, рабочие, в то время как руководство восстанием принадлежало мелкой буржуазии: зажиточному крестьянству, мелким торговцам, а также священникам и учителям. Во всех временных комитетах большинство членов были представителями мелкой буржуазии. Они же руководили и военными операциями.

Идейным руководителем мелкой буржуазии была радикальная партия. На первом этапе своей деятельности она способствовала расширению крестьянского движения. Выдвинув лозунг борьбы за демократизацию конституции и за права скупщины, она тем самым внесла некоторый элемент сознательности в стихийное движение трудящихся масс. В то время, когда крестьянское движение не превратилось еще в открытое вооруженное восстание, радикальная партия ставила вопрос о восстании и обсуждала его возможности. Она вела агитацию за восстание. Но, призывая трудящиеся массы к активным выступлениям, радикальная партия ничего не сделала, чтобы организовать и подготовить их к этому.

Первыми восстали крестьяне Болевацкого и Баньского районов. Затем восстание распространилось на Княжевацкий округ.

Военные действия между повстанцами и королевскими войсками начались 21 октября сражением при Луково, которое закончилось победой повстанческих отрядов. Помимо Луково крупные сражения произошли у Честобродицы, Соко-Бани, Вратарницы, Громады и в городах Алексинаце и Крушеваце.

Повстанческие отряды насчитывали около 18 тыс. Они были организованы в три большие подразделения. Первым — Болевацкой повстанческой армией — командовал священник Маринко Ивкович, вторым — Баньской армией — торговец Любомир Дидич, третьим — Княжевацкой повстанческой армией — депутат скупщины Ада Станоевич. Кроме того, значительные отряды были сформированы в Алексинаце и Крушеваце. Несмотря на плохую организацию и недостаток боеприпасов, рядовые повстанцы показали много примеров героизма и мужества. Самоотверженно вели себя женщины, принимавшие участие в снабжении повстанческой армии продовольствием. Во время восстания были случаи перехода отдельных подразделений королевских войск на сторону повстанцев. По всей территории, охваченной восстанием, повстанцы, упразднив местную администрацию, создали Временные революционные комитеты. Центральным Временным правительством был признан Княжевацкий исполнительный комитет.

Тимокское восстание было плохо подготовлено и плохо организовано. Руководство не позаботилось о разработке общего плана восстания. Отсутствовали планы и для отдельных районов. Местные организации не обеспечили снабжение трудящихся масс необходимым оружием и боеприпасами, не создали специальных боевых батальонов. Не была установлена связь с районами, не охваченными движением. Плохо были расставлены военные силы; Заечар оказался совсем без военного руководителя. В Белеваце и Бане военными операциями руководили священники и торговцы, люди, неопытные в военном деле. Город Княжевац, который повстанцы считали своим центром, был оставлен незащищенным. Захваченную с самого начала Тимокского восстания власть мелкая буржуазия использовала весьма нерешительно и вяло, она не вела активной борьбы с реакционными силами. Результатом этого явились контрреволюционные перевороты, ускорившие разгром восстания.

Вожди радикальной партии боялись революции. Они стремились лишь к проведению реформ, направленных на расчистку пути для более быстрого развития капитализма в Сербии. Угроза восстанием была тактическим приемом в их борьбе за реформы. Оценивая поведение радикальной партии в Тимокском восстании, уместно привести слова Маркса, сказанные им применительно к французской мелкой буржуазии: «...революционные угрозы мелких буржуа и их демократических представителей — это не более, как попытка запугать противника. И если они попадают в тупик, если они так далеко заходят, что принуждены приступить к выполнению своих угроз, — они это делают двусмысленно, избегая более всего средств, ведущих к цели, и гоняясь за предлогом к поражению»¹.

До конца последовательным революционным классом в буржуазно-демократической революции может быть только пролетариат. В период Тимокского восстания сербский пролетариат не был еще достаточно развит и организован для того, чтобы возглавить революционное движение крестьянства. В этом состояла коренная причина неудачи Тимокского восстания.

Несмотря на поражение, Тимокское восстание нанесло серьезный удар монархо-бюрократическому режиму. О значительном потрясении устоев этого режима свидетельствует растерянность правящих верхов. Напуганный восстанием король Милан в 1885 г. предложил австрийскому правительству принять протекторат над Сербией. В обмен на Сербию Милан просил у Габсбургов для себя содержания, «соответствующего его королевскому достоинству», а для своего сына лишь один майорат.

Все усилия правительства восстановить и укрепить пошатнувшийся в результате восстания монархо-бюрократический режим оказались тщетными. Ни репрессии, ни демагогия не могли отвлечь трудящиеся массы от революционного движения. В целях подавления революционных настроений и укрепления старой правительственной системы Милан и его клика ввергли сербский народ в братоубийственную войну с Болгарией. Однако надежда на укрепление пошатнувшегося режима путем «небольшой победоносной войны» полностью провалилась.

После неудачных попыток укрепить реакционный монархо-бюрократический режим 22 декабря 1888 г. правительство объявило новую конституцию, а 22 февраля 1889 г. Милан отрекся от престола.

Тимокское восстание оказало влияние на рост гайдуцкого движения, которое явилось как бы продолжением Тимокского восстания. Ужицкий.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., 1948, т. I, стр. 240.

Чачанский, Рудницкий, Крагуевацкий, Валеvский, Пожаревацкий округа и после подавления Тимокского восстания продолжали напоминать повстанческие лагеря. Ни военно-полевые суды, ни карательные экспедиции жандармерских частей не были в силах пресечь гайдучество.

Весьма серьезным результатом Тимокского восстания была перегруппировка классовых сил. Тимокское восстание показало правящему классу Сербии, что существовавшая государственная система изжила себя. После Тимокского восстания необходимость проведения реформ стала очевидной не только для радикалов и либералов, но и для значительной группы напредняков. Раскол в напредняцкой партии, происшедший в 1884 г., бесспорно является следствием Тимокского восстания. Группа Пирочанца—Новачевича, выделившаяся из напредняцкой партии, почти по всем вопросам внешней и внутренней политики примкнула к либеральной партии Ристича.

Размах революционного движения в октябре 1883 г. напугал руководителей радикальной партии и ускорил окончательный переход их на позиции буржуазного либерализма. Весной 1886 г. радикалы заключили союз с либералами.

Идейное разложение в среде мелкобуржуазной интеллигенции, явившееся результатом Тимокского восстания, и переход вождей радикальной партии в лагерь либеральной и консервативной буржуазии открыли рабочим и беднейшему крестьянству глаза на взаимоотношения общественных классов. После Тимокского восстания наиболее сознательная часть городского пролетариата начала борьбу за создание самостоятельных рабочих организаций.

Влияние радикальной партии на широкие слои трудящихся масс после Тимокского восстания заметно ослабело. Социальный состав радикальной партии изменился. Значительная часть рабочих и наиболее сознательные крестьяне покинули ряды радикальной партии. Их место заняли представители крупного капитала.

Сербские крестьяне, восставшие в 1883 г. против жестокой эксплуатации и социального гнета, вписали одну из замечательных страниц в историю революционной борьбы югославского народа за свое освобождение.

В. А. У п е н и к

К ВОПРОСУ О РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ В СЕРБИИ ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

Рабочее движение в Сербии перед первой мировой войной до сих пор совершенно не освещено в советской исторической литературе.

Работы, вышедшие в Югославии на сербском языке вскоре после первой мировой войны, касаются лишь отдельных его сторон. Книги одного из руководителей сербской социал-демократической партии, известного оппортуниста и ренегата Лапчевича — «Положај радничке класе и синдикални покрет у Србији» (Београд, 1928), «Историја социјализма у Србији» (Београд, 1922), «Рат и Српска социјална демократија» (Београд, 1925), Л. Зрнића «Српска радничка удружења» (Београд, 1924) — дают не только неполное, но и искаженное представление о рабочем движении в Сербии.

В работах других деятелей сербской социал-демократии отразились их реформистские и открыто оппортунистические взгляды.

В книге «Целокупна дела Димитрија Туцовича» I свеска (Београд, 1924), вышедшей уже после смерти Д. Туцовича, собраны его статьи и речи. Теоретические воззрения Д. Туцовича существенно не отличаются от взглядов других оппортунистических деятелей сербской социал-демократии. Однако своей практической деятельностью он заслужил уважение и любовь трудящихся Сербии. Он был инициатором и руководителем важнейших выступлений рабочего класса против буржуазии и монархии.

Рабочее движение Сербии начала XX в. далеко не исследовано. Между тем изучение его имеет не только научно-познавательное, но и большое политическое значение.

Балканский полуостров с его богатейшими сырьевыми источниками и важным стратегическим положением привлекал к себе внимание крупнейших империалистических держав, которые стремились превратить территории небольших балканских государств в свои колонии.

Многовековой гнет турецких феодалов сковывал развитие производительных сил на Балканском полуострове. В эпоху империализма господствующую роль в балканских государствах стали играть крупные империалистические державы: Австро-Венгрия, Англия, Франция, Германия и др. Они были заинтересованы в существовании ряда небольших экономически и политически отсталых государств, которые легче было подчинить своему влиянию.

Играя на противоречиях многочисленных династий балканских стран и поддерживавших их буржуазно-помещичьих кругов, империалистические державы натравливали один народ на другой, создавали постоянную напряженную обстановку на Балканах. Подобная политика империали-

стических держав оказывала губительное влияние на дальнейшие судьбы этих народов. Вмешательство империалистических государств было главным препятствием, которое задерживало прогрессивное развитие балканских государств и мешало освобождению народов от пережитков средневековья. «И враждебное и якобы-дружелюбное вмешательство «держав» Европы, — писал В. И. Ленин, — означает для балканских крестьян и рабочих только прибавление всяческих пут и помех свободному развитию к общим условиям капиталистической эксплуатации»¹.

Народы, населявшие территории Албании, Боснии и Герцоговины, Македонии и Фракии, подвергавшиеся жестокому национальному гнету со стороны Турции и Австро-Венгрии, были лишены возможности создать свои национальные государства или объединиться с родственными народами. Многочисленные восстания поработенных балканских народов беспощадно подавлялись. Национальный вопрос оставался неразрешенным. Широкие симпатии и солидарность великого русского народа оказывали неопределимую поддержку национально-освободительной борьбе балканских народов прежде всего против австро-германского и турецкого господства.

Англия, Франция, Австро-Венгрия и Германия с момента их проникновения на Балканы не были заинтересованы в экономическом развитии Сербии. Они делали все, чтобы Сербия, как и соседние с ней балканские государства, оставалась сельскохозяйственной, отсталой страной, полностью зависимой от них.

Россия стремилась противодействовать утверждению западноевропейских империалистических держав на Балканах и в Турции, чем объективно способствовала экономическому и политическому развитию балканских государств.

Несмотря на большие препятствия со стороны империалистических держав, в конце XIX и начале XX в. общественно-экономическое и политическое развитие Сербии значительно продвинулось вперед. Заметно развилась промышленность, большой размах приняло железнодорожное строительство.

Капиталистические отношения проникли и в деревню. Процесс разложения крестьянства усилился. В сельском хозяйстве все большую роль стали играть крупные капиталистические хозяйства, применявшие сельскохозяйственные машины, однако преобладало мелкое малопродуктивное крестьянское хозяйство. Сербия оставалась аграрной страной.

Развитие капитализма в Сербии привело к росту производительных сил страны, к общему увеличению национального дохода. Но возросшее богатство сосредоточивалось в руках немногих капиталистов. Положение же самих производителей — рабочего класса и трудового крестьянства — было тяжелым, а в эпоху империализма еще более ухудшилось.

С 1862 по 1906 г. средняя заработная плата сербского рабочего повысилась всего на 14,7%, тогда как стоимость жизни за это время поднялась на 60,7%. В 1910 г. стоимость продуктов первой необходимости повысилась по сравнению с 1906 г. еще на 30%. Балканские войны 1912—1913 гг. привели к разорению и обнищанию широких масс трудящихся. За время балканских войн цены на основные продукты питания возросли в среднем на 43,3%, тогда как заработная плата осталась на прежнем уровне или даже понизилась. Рабочие подвергались разнообразным штрафам. Рабочий день был продолжительным. В 1908 г. на большинстве

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 320.

предприятий Сербии в среднем он составлял 14,5 часов. Даже после принятия закона о труде в 1910 г., согласно которому устанавливается десятичасовой рабочий день, продолжительность его на многих предприятиях достигала 12, 14 и 16 часов.

Массовое разорение и пролетаризация крестьян и ремесленников увеличивали резервную армию промышленного пролетариата. Увеличению армии безработных способствовало и применение в больших размерах дешевого женского и детского труда. Рабочие, не находившие средств для своего существования в Сербии, вынуждены были эмигрировать в другие страны. Социальные противоречия обострились. Рабочий класс вел борьбу против эксплуатации и угнетения.

Могучий отклик в Сербии, как и в других странах, вызвала первая русская революция 1905—1907 гг. Она пробудила к политической жизни широкие массы трудящихся. По стране прокатилась волна стачек, демонстраций, собраний, оставивших глубокий след в рабочем движении последующих годов.

Рабочий класс Сербии накануне первой мировой войны представлял собой значительную силу. В 1912 г. городского и сельского пролетариата насчитывалось более 250 тыс., но эти массы были слабо организованы.

Профессиональные союзы Сербии, в большинстве начавшие свою деятельность в 1903 г., к 1912 г. насчитывали в своих рядах немногим больше 8 тыс. человек, или 8,1% всего городского пролетариата. Такое положение объяснялось слабым влиянием на рабочие массы прежде всего социал-демократической партии, не сумевшей выдвинуть боевых лозунгов в экономической борьбе рабочих и связать их с ближайшими политическими требованиями. Цеховой принцип организации профсоюзов разобщал силы рабочего класса, мешал единству действий, суживал основу, на которой должно было развертываться массовое рабочее движение.

Встав на реформистский путь, руководство сербских профсоюзов, состоявшее из социал-демократов, отвергало принципы классовой борьбы, подменяло их лживой теорией мирного перехода к социализму путем постепенных реформ. Профессиональные союзы, учтя марксизм-ленинизм, не должны ограничиваться только экономической борьбой. Классовая борьба должна соединять политическую и экономическую борьбу пролетариата против существующего строя.

Вопрос о рабочем законодательстве многие годы стоял в центре борьбы пролетариата Сербии. Рабочий класс заставил руководство и сербских профсоюзов и социал-демократической партии заняться этим вопросом. Уже на первом съезде, в 1903 г., социал-демократическая партия, учитывая требования рабочих масс, признала первой обязанностью бороться за установление рабочего законодательства.

Законопроекты о труде, разрабатываемые правительством, не удовлетворяли требований рабочего класса. В 1904, 1905, 1907 гг., когда становилось известным, что правительство будет рассматривать законопроект о труде, негодный рабочим, пролетариат Белграда, Ниша, Лесковаца и других городов поднимался на борьбу за свои права. По стране проходили многочисленные собрания, демонстрации, митинги, требовавшие участия представителей рабочих в разработке закона о труде. Особенно многочисленными были собрания в Белграде в январе 1905 г., собрания и демонстрации по всей стране в ноябре того же года, мощный протест в октябре 1907 г. Скупщина вынуждена была прекратить обсуждение и отложила принятие реакционного закона.

Под напором массового движения, многочисленных стачек, петиций в 1910 г. был принят Народной Скупщиной закон о труде. Однако ни предприниматели, ни само правительство не думали проводить в жизнь принятый закон.

В 1912 г. пролетариат вновь поднялся на борьбу за свои права. Правительство в спешном порядке поставило на обсуждение Скупщины запрос социал-демократических депутатов о саботаже закона о труде. Обсуждение его в Скупщине продолжалось с 31 мая по 5 июня 1912 г. Но это почти ничего не изменило в существовавшем положении, а начавшиеся вскоре балканские войны совсем свели на нет значение этого закона.

1910—1912 гг. были годами наибольшего подъема массового рабочего движения в Сербии. Наряду с борьбой за рабочее законодательство, пролетариат проявил большое упорство и настойчивость в борьбе за свои политические права. Осенью 1910 г. многие тысячи трудящихся подписались под меморандумом, требовавшим введения всеобщего избирательного права. 12 декабря 1910 г. 12 тыс. трудящихся Белграда явились к зданию Скупщины, чтобы подкрепить свою солидарность с делегацией рабочих, передававшей меморандум. Одновременно в 26 городах и промышленных центрах Сербии состоялись собрания и демонстрации трудящихся.

Свою силу и организованность рабочий класс проявил и в массовых первомайских демонстрациях, проходивших под лозунгом улучшения условий труда и жизни рабочих, всеобщего избирательного права. Характерна в этом отношении первомайская демонстрация 1911 г., в которой участвовало 14 тыс. человек (в 1910 г. в демонстрации участвовало 8 тыс. человек). Рабочие многих предприятий в этот день бастовали.

Рабочее движение Сербии в 1911—1912 гг. характеризуется массовыми выступлениями рабочих в защиту своих политических и экономических прав. В стране происходили многочисленные стачки, митинги и собрания, свидетельствовавшие о росте сплоченности и организованности рабочего класса. За эти годы было проведено 187 стачек, в которых участвовали тысячи рабочих. Однако необходимо отметить, что в истории рабочего движения Сербии не было ни одной всеобщей стачки, даже общей стачки рабочих какой-либо отрасли промышленности.

Созданная в 1903 г. в условиях легальности сербская социал-демократическая партия считала эту легальность основой своего существования и своей деятельности. Позаимствовав программные принципы германской социал-демократии, она не подошла к ним критически, не переработала эти принципы применительно к сербским условиям. В своей программе она, подобно германской социал-демократии, не поставила основных, коренных вопросов рабочего движения: о диктатуре пролетариата, о революционном союзе рабочего класса и крестьянства и др. Для достижения политической власти пролетариатом сербская социал-демократия проповедовала легальный, мирный путь постепенных реформ и парламентской борьбы, отрицала революционную борьбу рабочего класса.

Отвергнув основные положения марксизма, сербская социал-демократическая партия превратилась в типично реформистскую, оппортунистическую партию. Ее идейные позиции не отвечали конкретным интересам пролетариата, и она не могла завоевать широкой поддержки со стороны рабочего класса. Этим и объясняется ее незначительное влияние на трудящиеся массы, слабый рост ее рядов даже в годы наибольшего подъема рабочего движения в Сербии.

Это определяло организационную слабость партии. От членов ее требовалось сознательной дисциплины. Тактика партии строилась всецело с учетом ее легального существования. Она оставалась неизменной, в основе ее лежала парламентская борьба. Сербская социал-демократическая партия формально признавалась руководящей и направляющей силой в деятельности различных организаций рабочего класса и прежде всего такой массовой организации, как профсоюзы. В действительности дело обстояло иначе. Профсоюзы как бы составляли неотъемлемую часть партий. Их представители на равных основаниях с представителями партии входили в состав руководящих партийных органов — съезда партии, главного правления партии. Подобное организационное смешение партии и профсоюзов ничем не оправдывалось и наносило вред партии, растворяло ее в беспартийных организациях, подчиняло ее, как политическую организацию, воле массовых непартийных организаций.

Отказываясь от революционного преобразования существующего общественного строя, сербская социал-демократическая партия отвергла одну из важнейших идей марксизма — идею о революционном союзе рабочего класса и крестьянства. Вплоть до 1910 г. партия не проводила никакой работы среди крестьянской бедноты и среднего крестьянства. После 1910 г. партия несколько изменила свое отношение к крестьянству, но попрежнему считала эту работу второстепенной.

Такое отношение к крестьянству со стороны сербской социал-демократической партии, нежелание поддержать и направить его борьбу против кабалы и эксплуатации помещиков и кулаков, игнорирование его как активного союзника в борьбе рабочего класса, толкало крестьянство на сторону буржуазии, делало его резервом буржуазии в борьбе с пролетариатом, вело к усилению политического веса буржуазии.

Что касается тактики сербской социал-демократической партии в отношении балканских войн 1912—1913 гг., то она была не революционной, а либерально-пацифистской. Свою «борьбу» с войной она ограничивала рамками пропагандистских выступлений в парламенте и в печати, игнорируя революционные формы борьбы. Обстановку войны и порождаемый войной кризис реакционного режима партия не использовала для мобилизации масс на свержение антинародного строя.

В постановке и разрешении одного из важнейших вопросов марксистско-ленинской теории — национального вопроса — сербская социал-демократическая партия плелась в хвосте австрийских социал-демократов.

Принцип самоопределения нации суживался сербскими социал-демократами до права наций на автономию и даже до права на культурную автономию, т. е. возможности для угнетенных наций иметь свои культурные учреждения, при сохранении всей политической власти в руках господствующей нации. Национальный вопрос рассматривался сербскими социал-демократами вне связи с вопросом о свержении власти капитала, вне связи с пролетарской революцией. Подхваченный сербскими социал-демократами лозунг культурно-национальной автономии вел к национализму, наносил вред делу трудящихся и был выгоден буржуазии господствующих наций.

Таким образом, сербская социал-демократическая партия всей своей деятельностью перед первой мировой империалистической войной показала себя не революционной, не марксистской партией, а типично реформистской, созданной не для борьбы с буржуазией и ее порядками, не для революции и захвата власти пролетариатом.

Вот почему сербская социал-демократия, и, в первую очередь, ее руководство, игнорировала большевизм, умалчивала о нем, уклонялась

пропагандировать большевистские принципы, являющиеся дальнейшим развитием марксизма, его высшим этапом применительно к эпохе империализма и пролетарских революций. Сербская социал-демократическая партия боялась огромного революционизирующего влияния идей ленинизма на рабочие массы Сербии и всего Балканского полуострова.

Вместе с широким распространением марксистско-ленинских идей среди пролетариата всего мира росло классовое понимание своих задач и среди сербского рабочего класса. Вопреки реформистскому руководству сербской социал-демократической партии и профсоюзов росла и ширилась борьба сербского пролетариата за его социальные и политические права, против прогнившего буржуазно-монархического строя.

РЕЦЕНЗИИ

*

В. А. Дьяков

ПРОВАЛ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ПЛАНОВ В ОТНОШЕНИИ ПОЛЬШИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

В течение многих веков между польским и русским народами существуют прочные экономические и культурные связи. Однако стоявшие у власти эксплуататорские классы России и Польши во имя своих эгоистических интересов сеяли вражду между этими народами, вовлекали их в войны, которые ослабляли обе страны. Великая Октябрьская социалистическая революция дала народам бывшей Российской империи возможность дружбы и братского сотрудничества с польским народом. Но польские эксплуататорские классы при поддержке англо-франко-американских империалистов захватили власть в свои руки и превратили Польшу в орудие международной реакции против Советского Союза. В 1939 г. антинародная и антисоветская политика правящих кругов Польши привела польский народ к потере независимости, к неисчислимым страданиям под игом гитлеровской оккупации. Совместная героическая борьба советского и польского народов с немецко-фашистскими захватчиками в период второй мировой войны обеспечила создание новой сильной, независимой и демократической Польши, несмотря на ожесточенное сопротивление польской реакции и англо-американских империалистов. Этим был навсегда положен конец вражде между братскими народами и создана реальная база «для замены старых недружелюбных отношений отношениями союза и дружбы»².

Изданная в 1952 г. Госполитиздатом книга «Провал империалистических планов в отношении Польши в годы второй мировой войны» убедительно показывает провал происков англо-франко-американских империалистов и захватнические планы немецкого фашизма в отношении Польши, разоблачает антинародную и антисоветскую сущность польского санационного режима и его пособников из лондонской эмигрантской клики, описывает победоносную борьбу польского и советского народов за сильное, независимое, демократическое польское государство в 1938—1947 гг. Книга состоит из четырех статей. Статьи сборника написаны преимущественно на известном ранее материале в научно-популярной форме. Ценность статей заключается в том, что в них авторами собран и обобщен богатый фактический материал.

Статья В. И. Фомина «Подготовка немецко-фашистской агрессии против Польши в 1938—1939 гг.», открывающая сборник, посвящена пред-

¹ Сборник статей под редакцией Н. Л. Рубинштейна, 1952 г., 206 стр.

² И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. стр. 182—183.

истории событий сентябрьской катастрофы 1939 г., которые, как справедливо отмечает автор, «явились результатом политики германских, англо-франко-американских и польских провокаторов войны» (стр. 11, 12). Основы этой политики были заложены империалистами еще на Версальском конгрессе. «Из Польши, — говорил В. И. Ленин, — Версальский мир создал государство-буфер, который должен оградить Германию от столкновения с советским коммунизмом и который Антанта рассматривает как оружие против большевиков»¹.

После прихода к власти в Германии фашистской партии, когда основой антисоветских комбинаций мирового империализма стала Германия, англо-французская дипломатия позаботилась о сближении Германии с панской Польшей, хотя это противоречило коренным национальным интересам польского народа. Польские эмигрантские писатели, обосновавшиеся ныне в Лондоне и за океаном, пытаются оправдать правителей санационной Польши, изображая заключение гермапо-польского пакта 1934 г. как якобы единственный выход из создавшегося положения. «Предатели польского народа, — пишет автор статьи, — сознательно замалчивают другую возможность, которая представлялась для Польши, — возможность прочного соглашения с СССР» (стр. 15).

На американские миллиарды под защитой англо-французской политики «умиротворения» гитлеровцы завершили подготовку к войне и в марте 1938 г. захватили Австрию, а в октябре того же года ввели войска в Судетскую область. Гнусный сговор западноевропейских империалистов с Гитлером в Мюнхене открыл дорогу второй мировой войне. Мюнхенское соглашение решило и судьбу буржуазно-помещичьей Польши, которой ее англо-американскими «доброжелателями» была уготована участь очередной жертвы фашистской агрессии.

После Мюнхена гитлеровцы начали открытую военную подготовку к нападению на Польшу, причем Гданьск был избран ими в качестве первого объекта дальнейших территориальных захватов в Польше. Правители санационной Польши променяли национальные интересы на обещанный Риббентропом «приоритет в украинском вопросе». Сущность политики Гитлера по отношению к Гданьску вполне характеризуются тем, что сначала военная оккупация предусматривалась гитлеровским командованием лишь в случае заявления польского правительства о невозможности «взять на себя ответственность перед собственным народом за добровольную уступку Данцига» (стр. 29). Благословение Англии на захват Гданьска было фактически получено еще в июле 1937 г. главарем фашистов Гданьска Ферстером (стр. 28).

Весной 1939 г., когда гитлеровцы объявили о расторжении гермапо-польского пакта и разослали секретную директиву «фалль Вейс», где срок начала войны с Польшей был назначен на 1 сентября, остановить гитлеровскую агрессию могли только предлагавшиеся Советским правительством меры коллективной безопасности. Но англо-французские дипломаты и их американские вдохновители, стремившиеся не к предотвращению войны, а к сговору с Гитлером, срывали все попытки организации коллективной защиты от нападения агрессоров. Они заставили правительство Польши отказаться пропустить советские войска через свою территорию. Они сознательно затягивали переговоры и затем отказались от заключения англо-франко-советской военной конвенции. Нынешние лживые утверждения фальсификаторов истории о том, что англо-французская дипломатия летом 1939 г. старалась якобы убедить польское

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 280.

правительство принять советские предложения, опровергаются приведенными в статье заявлениями польского посла во Франции Лукашевича (стр. 43).

Подробно день за днем описывая события конца августа 1939 г., автор показывает антисоветскую, антипольскую сущность политики англо-франко-американских империалистов, настойчиво рекомендовавших польскому правительству «отказаться от всякого сопротивления» (стр. 49), и антинародную, антинациональную сущность политики санационных правителей Польши, которые до самого последнего дня нагло обманывали народ утверждениями о мирных намерениях Гитлера и не принимали мер для обороны страны.

Статья заканчивается вполне обоснованным выводом о том, что германо-польская война, развязанная гитлеровскими претендентами на мировое господство, была подготовлена «англо-франко-американскими поджигателями войны и всей антинародной, антинациональной, антисоветской политикой правящих классов буржуазно-помещичьей Польши» (стр. 59), что только Советский Союз делал все возможное, «чтобы преградить путь фашистским агрессорам, чтобы спасти польский народ от гибели» (стр. 60).

Таково содержание первой статьи сборника. Совершенно правильно в целом решая затронутые вопросы, автор допускает, однако, отдельные недостаточно продуманные, неточные и ошибочные формулировки, которые способны ввести в заблуждение читателя.

На стр. 21 утверждается, что монополисты США, преследуя антисоветские цели, «горячо поддержали» последовавшую за мюнхенским соглашением широкую экономическую сделку между английскими и германскими монополистами, хотя эта сделка «угрожала интересам американского капитала в Европе». Такая формулировка может создать у читателей ложное представление, во-первых, о том, что якобы американские монополисты действовали в ущерб своим интересам, и, во-вторых, о несущественности противоречий между монополистами США и Англии в период развязывания второй мировой войны.

Общим недостатком статьи является слабый показ борьбы народных масс Польши против санационной внешней политики, за укрепление дружественных отношений с Советским Союзом. Этому вопросу посвящены всего один абзац 24-й страницы и часть 30-й страницы, причем отдельные утверждения автора не аргументированы.

Выводы о предательской сущности политики англо-франко-американских империалистов по отношению к Польше находят подтверждение и во второй статье сборника, озаглавленной «Борьба СССР за коллективную безопасность и за независимость Польши в 1939 г.». «Польша, — пишет автор статьи М. И. Богуславский, — была не просто предана усилиями своих английских и французских мнимых друзей. Она была предварительно изолирована, разоружена и превращена в антисоветскую приманку для германского фашизма» (стр. 63). Используя материалы польской периодической печати и материалы Львовского и Виленского областных архивов, автор статьи раскрывает тесную связь санационной внешней политики с узкоэгоистическими интересами правящих классов буржуазно-помещичьей Польши, считавших, что падение Гитлера было бы для них «весьма отрицательным событием» (стр. 74). Жестокое наступление на жизненный уровень и права трудящихся, предпринятое санационными правителями вместо подготовки отпора фашистской агрессии, встретило поддержку со стороны продажных лидеров ППС и «Строничтво людове». В результате этого наступления реакции накануне войны, демократические

силы в стране были разгромлены, 15—20 тыс. польских коммунистов были брошены в тюрьмы.

Касаясь англо-франко-советских переговоров, освещенных в первой статье сборника, Богуславский для разоблачения коварной политики империалистов и их польских прислужников привлекает материал, не использованный автором первой статьи. Заслуживают внимания страницы, вскрывающие прямую измену интересам польского народа со стороны лидеров ППС и «Строительство людоев», которые в вопросе о советско-польском пакте встали на сторону буржуазии.

В сентябре 1939 г., когда гитлеровские войска вторглись в пределы Польши, санационные правители, которых народ метко окрестил «героями Залещицкого шоссе»¹, бросив все, кроме золотого запаса, бежали к своим англо-французским хозяевам.

В такой обстановке 17 сентября 1939 г. Советское правительство отдало приказ Красной Армии взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии. «Это был акт величайшей справедливости и государственной мудрости, — пишет Богуславский. — Советское правительство спасало от порабощения и смерти не только миллионы единокровных украинцев и белорусов, но и миллионы поляков в восточной части страны. Это была единственно возможная в тот момент помощь, которую Советский Союз мог оказать польскому народу, покинутому на произвол судьбы правителями Польши и западных держав» (стр. 94).

Недостатком статьи является несоответствие заглавия теме. Статья главное внимание уделяет разоблачению антисоветской и прогитлеровской внешней политики правителей санационной Польши. Менее подробно освещаются в статье позиции различных политических партий Польши и отношение польских рабочих и крестьян к Советскому Союзу. Борьбе СССР за коллективную безопасность и за независимость Польши отводится по существу третьестепенное место, а этот вопрос, судя по заглавию, является темой статьи.

Другим недостатком статьи Богуславского являются не вызванные необходимостью повторения того, что с достаточной полнотой уже освещалось в первой статье сборника. В этом повинны и редактор сборника и автор, не проявившие необходимой требовательности при подготовке текста к печати.

Третьей в сборнике помещена статья Г. М. Славина «Борьба Советского Союза за демократическое решение польского вопроса в начале 1945 года». Она посвящена борьбе СССР за независимость Польши в период Крымской конференции руководителей трех держав, открывшейся в феврале 1945 г., когда исход второй мировой войны был уже предрешен славными победами Советской Армии и когда в практическом плане встал вопрос об отношении к странам, освобожденным от гитлеровской оккупации.

Полное освобождение Польши Советской Армией к моменту открытия конференции создало предпосылки для реорганизации созданного в январе 1945 г. Временного правительства Польской республики на более широкой основе. Англо-американская дипломатия попыталась использовать предстоящую реорганизацию для того, чтобы снова посадить на шею польскому народу обанкротившихся деятелей санации, окопавшихся в лондонском эмигрантском «правительстве».

¹ Шоссе, ведущее из Варшавы к румынской границе. — В. Д.

Советская делегация, защищая интересы польского народа, добилась решения конференции о создании Временного правительства национального единства на основе существующего и признанного Советским Союзом Временного правительства «путем включения в его состав ряда деятелей из самой Польши и поляков из-за границы» (стр. 111). Советской делегации удалось добиться справедливого решения конференции в отношении границ возрождаемого Польского государства. Делегации Англии и США поддерживали претензии эмигрантского правительства на украинские и белорусские земли и попытались протащить такое решение вопроса о восточной границе Польши, которое посеяло бы вражду между советским и польским народами и тем самым создало бы возможности для антисоветских и антипольских империалистических происков. Советская делегация, учитывая пожелания Крайовой Рады Народовой «определить восточные границы Польского государства согласно воле народов, населяющих восточные земли, на основе дружественного соглашения с СССР» (стр. 115), добилась решения конференции об установлении восточной границы примерно по линии Керзона с некоторыми отступлениями от нее на пользу Польши.

Советское правительство добилось также решения конференции об установлении западной границы Польши по рекам Одру и Западной Нейсе. Английская и американская делегации выступили на конференции против «линии Одера».

Статья Г. М. Славина заканчивается выводом о том, что на Крымской конференции советской делегации удалось отстоять независимость Польши и добиться демократического решения польского вопроса, «что явилось одной из решающих предпосылок нынешних огромных успехов польского народа в деле строительства социализма» (стр. 127).

Решение принципиальных вопросов в статье Г. М. Славина не вызывает возражений. Обращает на себя внимание отличающаяся от общепринятой манера автора пользоваться источниками. Цитируя английский журнал «Экономист» (стр. 107, 109) и парламентское выступление Идена (стр. 112), Славин делает сноску лишь в трех случаях, что же касается остальных цитат, то читатель ставится перед необходимостью судить об их происхождении по собственному разумению. Нельзя не отметить и увлечение автора историческими экскурсами, которые уводят читателя от развития основной темы.

Последней в сборнике помещена статья И. Н. Малюкевича «Образование польского народно-демократического государства». Наибольшая из четырех статей сборника и по объему и по хронологическим рамкам, она суммирует, в той или иной мере, содержание трех предшествующих статей и подводит итог борьбе Советского Союза за создание сильной, независимой и демократической Польши.

Автор начинает изложение темы с Великой Октябрьской социалистической революции, которая создала польскому народу «условия для возрождения. . . государственности» (стр. 129), и с краткого обзора внешней политики санации в 1919—1939 гг., когда буржуазно-помещичья Польша служила орудием международной реакции, плацдармом военного нападения на СССР.

Польское эмигрантское правительство, созданное в сентябре 1939 г. обанкротившимися представителями буржуазно-помещичьей Польши, продолжало антинародную и антисоветскую политику. Советско-польское соглашение о взаимной помощи в войне против гитлеровской Германии, отражавшее искреннее желание Советского Союза помочь польскому народу, эмигрантское правительство рассматривало «только как способ

укрепить свое положение, увеличивать свои силы за счет создания в СССР польской армии, приобрести авторитет среди населения... Польши» (стр. 135).

В трудных условиях войны Советское правительство, в соответствии с советско-польским соглашением, делало все возможное для того, чтобы создать польскую армию, способную принять участие в вооруженной борьбе с гитлеровцами. Однако представленные польскому правительству возможности использовались его представителями не для создания боеспособных воинских подразделений, а для шпионажа и подрывной деятельности против Советского Союза, для укрывательства уголовных преступников, для спекуляции продовольственными и промышленными товарами.

Спротивление гитлеровцам со стороны свободолюбивого польского народа росло с первых дней оккупации, несмотря на все усилия польской реакции, вопреки ухищрениям лондонского эмигрантского правительства, которое не только заявило официальный протест по поводу советских радиопередач, призывающих поляков к развертыванию партизанского движения, но и пошло на организацию террора против активных участников движения сопротивления. Борьбой польского народа, нараставшей в прямой зависимости от успехов Советской Армии на советско-германском фронте, руководила возникшая в январе 1942 г. Польская рабочая партия — ППР (стр. 152).

В тесной связи с движением сопротивления против немецких оккупантов на территории Польши в СССР развивалась деятельность польской эмиграции. В апреле 1943 г. был образован «Союз польских патриотов». Целью его было создание польских воинских частей для борьбы против немецко-фашистской армии. В октябре 1943 г. первая польская дивизия имени Тадеуша Костюшко приняла участие в боях на советско-германском фронте. «Польские патриоты избрали кратчайший путь в Польшу — от Москвы к Варшаве — с Советской Армией» (стр. 163). Сражаясь на одном из участков Западного фронта, они «показали себя достойными боевыми соратниками своих русских братьев» (стр. 167). Тем временем польская реакция, действуя согласно указаниям англо-американских империалистов, вступила в непосредственный контакт с гестапо и «стала жандармом гитлеровской клики в борьбе против польского народа» (стр. 166).

После битвы под Курском, поставившей гитлеровскую армию перед катастрофой и вызвавшей новый подъем освободительного движения в оккупированной Польше, все настоятельнее стала чувствоваться «необходимость создания в стране общепольского демократического центра» (стр. 168). По инициативе ППР в конце декабря 1943 г. представителями общественно-политических и военно-демократических организаций в Польше была создана Крайова Рада Народова (КРН), как «фактическое политическое представительство польского народа» (стр. 169). КРН, председателем которой был избран Болеслав Берут, явилась воплощением политического союза всех польских патриотов — рабочих, крестьян и трудящейся интеллигенции. В программу этого союза входило: освобождение страны от немецко-фашистских оккупантов, создание органов народно-демократической власти, проведение демократических преобразований. Что касается внешней политики КРН, то в ее основу было положено «сотрудничество и дружба с соседями Польши, в первую очередь с СССР» (стр. 170).

Создание КРН, сплотившей вокруг себя массы трудового народа, польская реакция встретила злобным воем. Для объединения своих сторонников и в противовес КРН лондонское эмигрантское правительство

инспирировало создание «Рады едности народовой», а правая часть РППС — анархисты, синдикалисты и прочие враги польского народа образовали «Центральный комитет людовы», который делал отчаянные, но безуспешные попытки «оттеснить ППР от руководства массовой борьбой польского народа и изолировать КРН» (стр. 171).

В конце июня 1944 г. советские войска перешли советско-польскую границу, преисполненные «решимостью разгромить вражеские германские армии и помочь польскому народу в деле его освобождения от ига немецких захватчиков и восстановления независимой, сильной и демократической Польши» (стр. 180). К концу июля около 10 млн. поляков были освобождены из гитлеровской неволи. 21 июля 1944 г. на освобожденной территории Крайова Рада Народова создала Польский комитет национального освобождения (ПКНО), как «законный временный орган исполнительной власти для руководства освободительной борьбой народа, для завоевания независимости и восстановления польской государственности» (стр. 177). Опиравшийся на рабочий класс и трудовое крестьянство, руководимый Польской рабочей партией, ПКНО сплотил и повел за собой все антифашистские демократические силы польского народа. В статье Малюкенича (стр. 179—191) содержится богатый фактический материал о внешней политике ПКНО, базирующейся на тесном сотрудничестве с СССР, и о его внутренней политике, направленной на осуществление насущных интересов трудящихся города и деревни.

Признавая ПКНО «единственным законным органом власти в Польше» (стр. 181), Советское правительство установило с ним дипломатические отношения и через него оказывало польскому народу бескорыстную помощь продовольствием, промышленными товарами, медикаментами, машинами, сырьем и т. д.

31 декабря 1944 г. «польский народ сделал следующий шаг по пути возрождения Польши как независимого, сильного, демократического государства» (стр. 193) — ПКНО был преобразован во Временное правительство Польской республики. Советский Союз на Крымской конференции отстаивал интересы польского народа и «дал отпор попыткам англо-американских реакционеров навязать Польше антинародное правительство» (стр. 195).

Заключенный 21 апреля 1945 г. советско-польский договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве стал залогом независимости новой демократической Польши, залогом ее могущества и процветания. Образование нового народно-демократического польского государства и заключение советско-польского договора о дружбе и взаимной помощи были «важнейшими мероприятиями первого этапа в развитии народно-демократического строя, этапа аграрной, антифеодальной, антиимпериалистической революции» (стр. 197). Эти мероприятия послужили базой для перехода ко второму этапу развития новой Польши «к установлению диктатуры рабочего класса в форме народной демократии и строительству социализма» (стр. 197).

Американским и английским империалистам и их польской агентуре — николайчикам и им подобным — не удалось расколоть единства польского народа. Под руководством ППР польская демократия изолировала силы реакции и сорвала англо-американские планы раскола народной Польши изнутри. Решающую роль в отражении натиска империалистов Англии и США «сыграла помощь Советского Союза — политическая, дипломатическая и экономическая» (стр. 201). Ныне польский народ развернул огромную работу по построению фундамента социализма. Могучая поддержка со стороны СССР «является прочной гарантией

успешного выполнения польским народом планов социалистического строительства, сохранения политической и экономической независимости Польши» (стр. 206).

Так заканчивается последняя статья сборника. В отличие от остальных статей, которые посвящены вопросам международных отношений и затрагивают внутриполитические вопросы лишь попутно, она наряду с вопросами внешней политики подробно освещает и события внутренней жизни Польши. Это открывает перед автором статьи широкие возможности для всестороннего и глубокого анализа содержания важнейшего этапа истории польского народа. Однако в статье анализ событий в значительной мере подменяется их изложением, а затронутый автором вопрос об экономическом и политическом содержании первого этапа в развитии народно-демократического строя не раскрыт с достаточной полнотой и теоретически не обобщен.

В статье И. Н. Малюкевича встречаются также и некоторые из тех недостатков, которые отмечались в других статьях сборника. В ней, например, имеют место повторения положений, развитых и обоснованных в предыдущих статьях, причем это далеко не всегда вызвано необходимостью.

Несмотря на отмеченные недостатки, неоспоримыми достоинствами отдельных статей и сборника в целом являются: актуальность и важность темы, четкость постановки принципиальных вопросов и правильность их решения, богатый фактический материал и популярность изложения.

А. П. Каждан

СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О СЛАВЯНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЯХ В ВИЗАНТИЮ

Вопрос о переселении славян на территорию Византийской империи обсуждается уже более ста лет. Для решения этой проблемы были привлечены письменные и археологические свидетельства, данные пумизматики и языка. Однако буржуазная историография не в состоянии решить данный вопрос, так как она подходит к его решению тенденциозно.

Псевдонаучная концепция векового соперничества Запада и Востока, выдвинутая в реакционной немецкой историографии первой половины XIX в., была перенесена на историю Византии Я. Ф. Фальмерайером. Согласно его теории Византия не имела ничего общего с Римской империей. «Эллинская народность в Европе, — писал он в 1830 г., — совершенно истреблена»¹. Балканский полуостров был заселен славянами, греческое население полностью растворилось в среде завоевателей.

До сих пор оставалась в тени политическая подоплека теории Фальмерайера — ее антиславянская направленность. Не случайно поэтому его сочинения были переведены в Германии в 1943 г., в период фашистского господства. Славяне для Фальмерайера прежде всего исконные враги германцев и западной культуры, вошедшие в историю как дикари, способные только к разрушению. Славянские переселения в Грецию оказываются, по Фальмерайеру, исходным моментом раздора между Востоком и Западом, куда якобы переселился «греческий гений»². Разумеется, все симпатии автора на стороне Запада: здесь — жизнь и прогресс, тогда как Восток — это мир косности и неподвижности³.

Теория Фальмерайера была встречена в штыки и греческими и немецкими буржуазно-националистическими историками, которых пугал тезис о родстве населения Афин и Пелопоннеса со славянами из-под Варшавы и Москвы. К. Гопф, К. Сафа, К. Папарригопуло и ряд других историков, отвергая концепцию Фальмерайера, стали отрицать факт славянского переселения в Грецию в VI—VII вв. и допускали лишь незначительную иммиграцию в VIII в. Другие византинисты, главным образом французы и англичане (Дж. Бьюри, А. Рамбо, Ш. Диль), готовы были признать факт переселения славян в Византию в VI в., однако всячески стремились преуменьшить его значение. Они рисовали проникновение славян

¹ J. Ph. Fallmerayer. Geschichte der Halbinsel Morea während des Mittelalters. Stuttgart, т. I, 1830, стр. III.

² J. Ph. Fallmerayer. Fragmente aus Orient. Stuttgart und Tübingen, т. II, 1845, стр. 374.

³ J. Ph. Fallmerayer. Fragmente aus Orient. Stuttgart und Tübingen, т. I, 1845, стр. 304.

в Грецию как постепенный, незаметный, мирный процесс¹, утверждали, что славяне быстро и легко были обращены в христианство и эллинизированы². Они рассматривали славян лишь как пассивную массу, способную воспринять византийскую культуру, но лишенную творческой силы.

Только выдающиеся русские византилисты конца XIX в. (В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский, Н. А. Скабаланович) впервые выдвинули положение об огромной исторической прогрессивной роли славян. Правильно поставив вопрос о влиянии славян на Византию, эти ученые все же не могли решить его в силу своей политической и идейной ограниченности. Выступая апологетами самодержавия и православия³, они рассматривали Византийскую империю как «идеал славянского царства»⁴, а ее историю в значительной мере как историю борьбы славянского общинника и греческого дината⁵. Процесс феодализации Ф. И. Успенский сводил к «тенденции дать преобладание эллинизму»⁶. Иначе говоря, русские византисты конца XIX в. полагали, что историческая роль, которую сыграли славяне, была обусловлена не особенностью их общественного строя, а их специфическими национальными особенностями⁷. Вместе с тем русские византисты конца XIX в. не понимали, что переселение славян содействовало установлению новых прогрессивных общественных отношений, и считали, что его результатом было лишь возрождение Византии.

Только в советской исторической науке вопрос о роли славян в истории Византии нашел правильное разрешение. Труды Б. Д. Грекова, П. Н. Третьякова, А. В. Мишулина, Н. В. Пигулевской, М. В. Левченко, Е. Э. Лишиц, Б. Т. Горянова, М. Я. Сюзюмова, З. В. Удальцовой раскрывают ту огромную роль, которую сыграли славяне в переходный период от рабовладельческого общества к феодальному. Советские ученые показали, что славянское переселение вместе с народными движениями VI—VII вв. нанесло сокрушительный удар рабовладельческой Восточной Римской империи и оказало влияние на формирование новых феодальных производственных отношений. Советские ученые показали, что славяне сыграли активную роль в истории Византии, и эта роль была прогрессивной.

Достижения советских ученых сознательно игнорируются современной буржуазной историографией. Жалкое впечатление производят попытки отдельных буржуазных историков опорочить советскую историографию на том основании, что труды советских историков по данному вопросу якобы устарели, так как в них нет ссылок на «новейшую историографию»⁸. Нелепость этого возражения совершенно очевидна, так как в современной буржуазной историографии по данному вопросу нет новых точек зрения. Споры идут, по существу, вокруг тех же вопросов, что и во времена Фальмераера и Гопфа, причем используются те же источники. Только нацио-

¹ A. Rambaud. L'empire grec au Xme siècle. Paris, 1870, стр. 220.

² J. Vigu. A history of the later Roman empire. London, т. II, 1899, стр. 456.

³ См. З. В. Удальцова. К вопросу об оценке трудов акад. Ф. И. Успенского. «Вопросы истории», 1949, № 6.

⁴ Ф. И. Успенский. Древнейший памятник славянского права. «Юридический вестник», 1886, № 4, стр. 704.

⁵ В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. Труды, т. IV, 1930, стр. 256.

⁶ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. II, Л., 1927, стр. 216.

⁷ Н. А. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XV в. СПб., 1884, стр. 240.

⁸ F. Dölger — A. M. Schneiderr. Byzanz. München, 1952, стр. 74, прим. 275 и стр. 111, прим. 448.

налистические и антиславянские тенденции, особенно в работах буржуазных американских и греческих историков, становятся все более открытыми. Не изучение источников, а ненависть к Советскому Союзу, Болгарии, Чехословакии, Польше движет пером буржуазных историков, искажающих и фальсифицирующих древнейшую историю славян.

Националистическая греческая историография последних лет усиленно возрождает концепцию Гопфа, полностью отрицавшего наличие славянских поселений в Греции до середины VIII в. Тезис Гопфа подробно развивал К. Амантос как в «Истории Византийской империи»¹, так и в отдельных статьях². Амантос утверждает, что в VI в. славяне не проникли в Грецию, но заселяли лишь северные части Балканского полуострова, в частности район теперешней Болгарии. По словам Амантоса, славяне появились в Греции только в середине VIII в. Они вели бродячий образ жизни и подверглись быстрой эллинизации. На подобной точке зрения стоят и другие греческие историки — Д. Закифинос, С. Кириакидис и др.

К. Амантос и его сторонники, отрицая заселение Греции славянами в конце VI—VII вв., вступают в прямое противоречие с источниками. Хорошо известны слова Менаандра и Евагрия о событиях конца VI в. И тот и другой прямо называют Элладу в числе областей, завоеванных славянами. Их сведения подтверждает сирийский историк Иоанн Эфесский, современник и очевидец событий, который рассказывает о нашествии славян в 581—584 гг., когда они «прошли всю Элладу, страны Фессалоники и всей Фракии» и осели «как господа» в принадлежавших некогда ромеям странах.

Известия Иоанна Эфесского, Евагрия и Менаандра давно уже были введены в научный обиход. Амантос и его сторонники стремятся, однако, опорочить эти свидетельства. По словам Амантоса, термин Ἑλλάς, которым пользуются Менаандр и Евагрий, означает не Грецию, а северную часть Балканского полуострова от Сингидона до Анхиала. Это утверждение не ново: выдвинутое Гопфом, оно было убедительно опровергнуто А. А. Васильевым³. Из сообщения Иоанна Биклярийского видно, что «Греция» не совпадает с Фракией и, следовательно, не может быть помещена в северной части Балканского полуострова. Иоанн Эфесский перечисляет области, занятые славянами, в следующей последовательности: Эллада, Фессалоника, Фракия. Следовательно, под Элладой он не разумет северной части Балканского полуострова.

В нашем распоряжении имеются несколько более поздних источников, проливающих свет на вопрос о славянских переселениях в Грецию. Имется в виду анонимная «Монемвасийская хроника», синодальное послание константинопольского патриарха Николая III (1084—1111), и схолия в одной из рукописей, составленная известным политическим деятелем начала X в. Арефой Кесарийским.

Все эти известия, повидимому, восходят к одному общему источнику IX в., в котором повествуется о борьбе византийцев со славянами и, в частности, о победе императора Никифора I над пелопоннесскими славянами⁴. В этой связи автор говорил о долголетнем господстве славян над

¹ С. I. A m a n t o s. *Ἱστορία τοῦ Βυζαντινοῦ κράτους*. Т. I. Афины, 1939, см. рецензию Р. Charanis в «Byzantion», XV, 1940—1941, стр. 472.

² С. I. A m a n t o s. *Οἱ Σλάβοι εἰς τὴν Ἑλλάδα*. «Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher», XVII, 1944, см. разбор Р. Charanis. *The Chronicle of Monemvasia*. «Dumbarton Oaks papers», V, 1950, стр. 164 и сл.

³ А. А. В а с и л ь е в. Славяне в Греции. «Византийский Временник», т. V, 1898, стр. 653 и сл.

⁴ Возможно, что он включал и рассказ о поражении Никифора в 811 г., изданный И. Дуйчевым. Нови житийни данни за похода на императора Никифор I в България

Пелопоннесом и отмечал, что в правление императора Маврикия (582—602) славяне заняли Фессалию, Эпир, Аттику, Евбею и даже проникли на Пелопоннес. Таким образом, анонимный источник IX в. повествовал о славянах и, видимо, был хорошо о них осведомлен. Его данные подтверждают свидетельство Евагрия, Менандра и других более ранних хронистов. Казалось бы, нет никаких оснований отбрасывать сведения, сохранные «Мопемвасийской хроникой». Однако греческие историки-шовинисты, стремящиеся преуменьшить значение славянского переселения, отбрасывают их. С. Кириакидис объявил рассказ о переселении славян при Маврикии поздней фальшивкой¹.

Таковы методы буржуазных историков: они просто отбрасывают те источники, которые противоречат их теориям, или произвольно переосмысливают хорошо известные географические понятия. Однако эту фальсификацию истории опровергают многие свидетельства, оставленные латинскими, греческими и восточными авторами, которые подтверждают данные «Мопемвасийской хроники». Эпитоматор Страбона сообщает, что «скифы-славяне» заняли Эпир, почти всю Элладу, Пелопоннес и Македонию (кстати сказать, из контекста ясно, что Эллада — это не северная часть Балканского полуострова, а Средняя Греция). По словам Исидора Севильского, в начале правления императора Ираклия (610—641) «славяне отняли Грецию у римлян» (т. е. у византийцев). Это известие надежно подтверждается рассказом сирийского писателя Фомы Пресвитера о набеге в 623 г. славян на Крит. Естественно, что этот набег не мог иметь места, если бы славяне не обосновались к этому времени в Греции. Наконец, очень важно известие епископа Виллибальда (начало VIII в.), который поминает пелопоннесский город Мемемвасию в «Славянской земле».

Подведем итоги. Данные всех источников, которыми располагает наука, не могут быть произвольно отвергнуты. Националистические теории греческих буржуазных историков не могут опровергнуть бесспорный факт заселения Греции славянами в конце VI—VII вв.

Для решения вопроса о славянском переселении привлекаются не только парративные источники, но и данные топонимики. Правда, данные топонимики не могут ответить на вопрос, когда имело место славянское переселение. Зато они могут служить ценным источником для решения вопроса о масштабах этого переселения. Немецкий филолог Макс Фасмер предпринял попытку подсчитать количество славянских наименований местностей в Греции. В одном только Пелопоннесе он насчитывал их более 400. Очень существенно, что они распределялись неравномерно. В районе Коринфа и в Арголиде они встречались сравнительно редко, зато чрезвычайно много славянских названий сохранилось в Ахее, Аркадии и Лаконии².

Греческие историки и филологи попытались опровергнуть и данные топонимики. К. Амантос, например, отвергая выводы Фасмера о массовом характере славянского переселения в Грецию, придумал данным топонимики такое «объяснение»: славяне, хотя они были малочисленными, сумели оставить такие значительные следы в топонимике потому, что вели кочующий образ жизни. Объяснение Амантоса просто смехотворно, так как народ, не обладавший прочной оседлостью, не мог оставить значи-

през 811 год, СпБАН 54, клон ист.-фил. 26, 1936, см. H. G r é g o i r e. Un nouveau fragment du «Scriptor incertus de Leone Armenio», «Byzantion», XI, 1936.

¹ St. P. Kyriacides. Βυζαντινὰ μελέται VI. Οἱ Σλάβοι ἐν Πελοποννήσῳ. Салоники, 1947, см. A. B o n. Le Péloponnèse byzantin jusqu'en 1204. Paris, 1951, стр. 34.

² M. V a s m e r. Die Slaven in Griechenland. Abhandl. Preuss. Akad. der Wiss. Philos.-hist. Kl. 1941, № 12.

тельных следов в топонимике. К тому же представление о славянах как о кочевниках давно уже опровергнуто. Письменные источники и археологические данные прямо свидетельствуют о том, что славяне уже к моменту переселения на византийскую территорию были оседлыми земледельцами, знали пашенное земледелие.

С филологической стороны выводы Фасмера пытался опровергнуть Д. Георгакас¹. Возможно, что отдельные его замечания правильны и некоторые названия, которые Фасмер считал славянскими, на самом деле являются греческими или албанскими. Однако эти отдельные поправки не могут поколебать общего вывода Фасмера о широком распространении славянских названий в топонимике Греции. Заявление Георгакаса о незначительном количестве славян в Греции (он утверждает, что их было в 10 раз меньше, чем греков) оказывается совершенно неоправданным. Не случайно французский историк А. Бон был вынужден признать, что, по данным топонимике, славянское население в отдельных частях Пелопоннеса превосходило греческое.

Еще более значительным было славянское население в районе Солуни. Греческие акты IX—XIV вв. содержат большое количество славянских имен собственных². Таким образом, попытки Георгакаса и Амантоса пересмотреть данные топонимике являются произвольными и необоснованными.

Рассмотренные выше данные письменных источников и топонимике подтверждаются и археологическим материалом. У коринфских стен были раскопаны могилы воинов, содержавшие инвентарь не византийского происхождения. Обнаруженные там предметы (пряжки, браслеты, наконечники копий и т. п.) имеют многочисленные аналогии среди памятников, найденных на территории современной Венгрии и в областях по Дунаю, вплоть до Северного Причерноморья, и датируются первой половиной VII в.³ Так как эти области в то время были населены славянами, мы можем предполагать, что инвентарь коринфских могил тоже принадлежал славянам. Из этого следует, что славяне в первой половине VII в. осаждали Коринф.

Такое предположение отчасти подтверждается находкой в Коринфе покоя статуи с почитательной надписью «Августу Флавию Констан. . .», который награжден в надписи эпитетом «Победитель». По мнению издателя, статуя была воздвигнута в честь императора Константа II (641—668)⁴; по видимому, это было связано с освобождением города от осаждавших, а может быть, даже временно захвативших его славян, тех самых, кому принадлежат могилы, обнаруженные у коринфских стен. Впрочем, пребывание славян в Коринфе не могло быть длительным.

¹ D. Georgakas. Beiträge zur Deutung als slavisch erklärten Ortsnamen. «Byzantinische Zeitschrift», 41, 1941.

² P. Lemerle. Philippos et Macédoine orientale. Paris, 1945, стр. 116, прим. 3. Он полагает, что население Македонии в VII—VIII вв. было в большей степени славянским, чем греческим. F. Dölger. Zur Textgestaltung der Lavra-Untersuchen. «Byzantinische Zeitschrift», 39, 1939, стр. 47. Он отмечает большое количество славянских имен в актах лавры св. Афанасия IX—XII вв. Анализ имен крестьян в ивирских практиках XIV в. показывает, что еще в XIV в. в Македонии сохранились сплошные славянские поселения. См. F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, стр. 66—79 и особенно стр. 187.

³ G. R. Davidson. The avar invasion of Corinth, «Hesperia», VI, 1937, стр. 232 и сл. Ср. A. Bon. Le problème slave dans le Péloponnèse à la lumière d'archéologie. «Byzantion», XX, 1950.

⁴ J. H. Kent. A byzantine statue base at Corinth. «Speculum», 25, 1950, стр. 544 и сл.

Именно в районе Коринфа и в Арголиде славянские названия местностей встречаются сравнительно редко.

Археологический материал свидетельствует и о переселении славян в другие части Греции. Пряжки, подобные коринфским, были обнаружены в различных местах: в Солуни, Афинах, на острове Корфу и даже в Южной Италии и Восточной Сицилии. При этом в Афинах пряжки были раскопаны вместе с монетами императора Константа II, что позволяет датировать их VII в. ¹.

Значительная часть современных буржуазных историков избрала другой способ отрицания роли славян в истории Византии. Они, не отвергая самый факт переселения, стремятся навязать своим читателям представление, будто славяне в событиях VI—VII вв. играли роль пассивной массы. Славяне якобы были неспособны создавать свои государственные объединения, ими всегда руководили авары, франки, протоболгары, норманны и т. п. Такая тенденция к приращению славян с особой яркостью проявилась в работе известного английского реакционного дипломата и посредственного византиниста С. Рэнсимена ². Рэнсимен утверждает, что славяне в силу своей «природной демократии» были неспособны к объединению. Они не могли своими силами перейти от маленьких групп к «нации» (!) и должны были ждать внешнего толчка. Поэтому первоначально они находились под властью аваров, затем часть их была объединена франком Само. Государства в Чехии, Моравии и Польше, утверждает Рэнсимен, были обязаны своим происхождением германскому влиянию ³. По его словам, только появление протоболгар Аспаруха в дельте Дуная приводит к образованию первого государства на Балканах ⁴.

Нет надобности подробно останавливаться на всех этих произвольных рассуждениях, противоречащих данным источников и диктуемых ненавистью к славянским народам. Они давно уже опровергнуты советскими учеными ⁵. Мы хорошо знаем, что государство Само было славянским государством, что восточные славяне уже к VII в. создали Русский племенной союз ⁶, что на Балканах еще до вторжения протоболгар сложился прочный славянский союз Семи племен, явившийся основой будущего Болгарского царства, а к западу от Семи племен возникло независимое славянское княжество Склавиния, просуществовавшее до IX в. Развитие производительных сил у славян, засвидетельствованное культурой «полей погребения», уже в первые века нашей эры подготовило экономические предпосылки для образования классового общества и государства. Переселение на византийскую территорию ускорило процесс имущественной и социальной дифференциации. Возникновение первых славянских государств в VII в. было закономерным явлением.

Все эти лженаучные теории, несмотря на свою нелепость, имеют широкое хождение среди реакционных зарубежных историков. Так, бельгийский

¹ K. M. Setton. The emperor Constans II and the capture of Corinth by the Onogur Bulgars. «Speculum», 27, 1952, стр. 353. Сеттон, однако, считает эти пряжки протоболгарскими. Разбор ошибочной теории Сеттона см. ниже. Об угрозе славянского вторжения через Истрию в Италию писал еще в июле 600 г. папа Григорий I в послании епископу Салоны Максиму (ep. X, 15).

² St. R u n s i m a n. Byzantium and the Slavs. «Byzantium», ed. by N. H. Baynes and H. St. L. B. Moss. Oxford, 1948.

³ Там же, стр. 340.

⁴ Там же, стр. 341.

⁵ См. например, Н. П. Грацианский. Славянское царство Само. «Исторический журнал», 1943, № 5—6.

⁶ См. Б. А. Рыбаков. Древние русы. «Советская археология», XII, 1953, стр. 104.

византист А. Грегуар, политические и научные воззрения которого не один раз уже были предметом критики в советских исторических журналах¹, идет еще дальше, чем Рэнсимен, в отрицании исторической роли славян. В статье, озаглавленной «Происхождение и имя хорватов и сербов»², Грегуар, рассматривая вопрос о распаде аварского каганата в VII в., старается доказать, что государства, выделившиеся из его состава, не были созданы славянами.

Основное внимание Грегуар уделяет протоболгарам. Он воссоздает биографию Кувера-Куврата-Хрвата, протоболгарского князя, которого он именует «Карлом Великим Великой Болгарии», будто бы стоявшего во главе государства, простиравшегося от берегов Азовского моря до Паннонии³. Этот Куврат, по словам Грегуара, в 619 г. принял в Константинополе христианство и стал союзником императора Ираклия (610—641), затем освободил славян (хорватов) от ига аваров. После смерти Ираклия Куврат выступил на помощь его вдове и враждовал с императором Константином II. Поэтому в 641 г. он напал на Солунь и в течение длительного времени держал ее в осаде.

Политический смысл статьи Грегуара ясен. Он стремится доказать, что славяне были неспособны к крупным историческим акциям. Образование государства мораван, освобождение хорватов из-под власти аварского хакана, грандиозная осада Солуни — все это славяне могли совершить только под руководством франкских или протоболгарских вождей.

Однако вся теория Грегуара об «империи Куврата»⁴ строится на абсолютно необоснованных отождествлениях различных имен⁵ и на произвольной интерполяции текстов. Произвольно и необоснованно отождествление Порги и Органы⁶. Константин Багрянородный прямо называет Поргу славянским князем, тогда как Органу патриарх Никифор характеризует как «гунно-гупдура», т. е. как протоболгарина. Каковы же, спрашивается, основания для идентификации этих политических деятелей VII в., имена которых несхожи, а этническая принадлежность различна, тем более, что мы ничего не знаем о них, помимо имен и этнической принадлежности?

Еще больше фантазии в попытке Грегуара отождествить протоболгарского князя Куврата, о котором говорят хроники IX в., с хорватом Хрватом, упомянутым Константином Багрянородным («Об управлении империи», глава 30). Прежде всего Грегуар создает Хрвату отца. Делается это следующим образом. В книге «Об управлении империи» (глава 31) идет речь об отце хорватского князя Порги, имя которого не названо. Грегуар заявляет без каких-либо объяснений, что это место нужно читать иначе, а именно: «Хорватским князем был в это время Порга, отец Хрвата»⁷. А чтобы не затруднять себя осложнениями с греческой

¹ См. М. В. Левченко. А. Грегуар и его работы по византиноведению. «Византийский Временник», т. III, 1950.

² Н. Grégoire. L'origine et le nom des Croates et des Serbes, «Byzantion», XVII, 1945. См. критический разбор — А. Я. Гуревич и М. А. Заборов, «Византийский Временник», т. VI, 1953, стр. 244.

³ Н. Grégoire. L'origine et le nom des Croates et des Serbes, стр. 114.

⁴ Там же, стр. 118.

⁵ О склонности Грегуара строить широкие выводы на основании одного только сходства имен см. А. Каждан. Рецензия на книгу А. Грегуара. Ив. АН СССР, Серия истории и философии, т. V, 1948, стр. 211 и сл. См. также критические замечания в рецензиях Ф. Дэльгера «Byzantinische Zeitschrift», 34, 1934, стр. 406, 1941, стр. 190.

⁶ Н. Grégoire. L'origine et le nom des Croates et des Serbes, стр. 102 и сл.

Н. Grégoire. L'origine et le nom des Croates et des Serbes, стр. 95.

грамматикой, Грегуар проделывает все свои манипуляции не над оригиналом, а над французским переводом! Так как Органа, которого Грегуар идентифицировал с Поргой, приходился дядей протоболгарскому князю Куврату, а Порга в результате интерполяции превратился в отца Хровата, то Грегуар считает доказанным тождество племянника Органы и сына Порги: оказывается, что Хроват и Куврат — одно и то же лицо¹.

Столь же легко разделяется Грегуар и с «Чудесами св. Димитрия», очень трудным источником, упоминающим некоего Кувера. Этого Кувера аварский хакан сделал начальником отряда, состоявшего из бывших пленников. Кувер отделился от хакана, разбил его в нескольких сражениях, затем перешел Дунай и подступил к Солуни. После неудачной попытки взять город он отступил к месту, называемому Монастырь. Вот и все. В истории Кувера нет ничего похожего ни на судьбу Куврата, ни на судьбу Хровата. Отождествление Грегуара строится исключительно на созвучии имен и должно быть отброшено как произвольное. А вместе с этим рушится и построенная на песке концепция о грандиозной империи Куврата.

Идеи Грегуара были подхвачены в американской историографии и развиты в работах К. М. Сеттона². Отвергая тезис о заселении славянами Пелопоннесского полуострова и отбрасывая данные «Монемвасийской хроники», Сеттон утверждает, что известные нам коринфские могилы принадлежали оногурам, т. е. протоболгарам. Принимая предложенную Грегуаром идентификацию Кувера и Куврата, он утверждает, что протоболгары (в войсках которых находились и славяне), отошедшие после неудачной осады Солуни к Монастырю, могли в начале правления Константа II под руководством одного из сыновей Куврата взять Коринф³.

Таким образом, Сеттон идет дальше самых смелых построений Грегуара, так как ни в хрониках IX в., ни у Константина Багрянородного, ни в «Чудесах св. Димитрия» нет ни малейшего намека на вторжение оногуров в Пелопоннес. Каковы же источники, на которые опирается Сеттон в своих построениях?

Этих источников два. Во-первых, Сеттон опирается на послание Исидора Киевского, в котором говорится о том, что Коринф был взят дважды: один раз во время IV крестового похода, а другой раз — при императоре Юстиниане (527—565). В правление Юстиниана, говорит Исидор, оногуры, разграбив Македонию и Грецию, взяли Коринф. Послание Исидора Киевского не может иметь большой цены для выяснения истории VI—VII столетий, так как автор его жил в XV в. и не пользовался достоверными источниками. Рассказ Исидора поражает нелепостью. Разумеется, при Юстиниане Коринф не мог быть взят и не был взят варварами, будь то оногуры, или кто-либо иной. Но если Исидор Киевский мог ошибочно отнести первое падение Коринфа ко времени Юстиниана, то вполне естественно предположить, что он спутал и этническую принадлежность воинов, захвативших этот город⁴.

¹ H. Grégoire. L'origine et le nom des Croates et des Serbes, стр. 103.

² K. M. Setton. The Bulgars in the Balkans and the occupation of Corinth in the VIIth century. «Speculum» 25, 1950.

³ K. M. Setton. The Bulgars in the Balkans. . . , стр. 521 и сл.

⁴ Независимо от Сеттона известие Исидора Киевского было подвергнуто изучению П. Харанисом (P. Charanis. The Chronicle of Monemvasia. . . , стр. 158 и сл.); он пришел к выводу, что Исидор опирался на ту версию, которая лежит в основе «Монемвасийской хроники». Чрезвычайно примечательно, что Сеттон, считающий «Монемвасийскую хронику» недостоверной и отбрасывающий ее рассказ о славянском вторжении в Пелопоннес, тем не менее признает возможность использовать восходящее к тому же источнику, но позднее и путанное послание Исидора.

Второй аргумент, который выдвигает Сеттон, заключается в следующем. В «Стратегиконе» Псевдо-Маврикия и в одном папирусе из Фаюма упоминаются «болгарские пояса»¹. Эти пояса, решает Сеттон, имели пряжки. Следовательно, поясные пряжки из коринфских могил следует считать протоболгарскими, более точно — оногурскими (!). Поскольку свидетельства Псевдо-Маврикия и фаюмского папируса говорят лишь о том, что у протоболгар были пояса (в этом, пожалуй, никто и не сомневался), мы не можем сказать, какими были эти пояса, и походили ли их пряжки на коринфские. На основании Псевдо-Маврикия и фаюмского папируса мы можем догадываться, что «болгарские пояса» носил кое-кто в византийском войске. Из этого отнюдь не следует, что люди, осаждавшие Коринф в VII в., подбоясывались «болгарскими поясами». Письменные источники ничего не знают о вторжении оногуров в Пелопоннес. Они говорят только об одном народе, который в конце VI в. и VII в. заселил Пелопоннес, и этот народ — славяне. Совершенно естественно предполагать, что именно им и принадлежат могилы у коринфских стен.

Вот и все аргументы, на которых построена «оногурская» теория Сеттона. Неудивительно, что даже в буржуазной литературе ее не могли признать убедительной². Попытки представить протоболгар как руководителей выступлений народов Балканского полуострова против Византии в первой половине VII в., предпринятые Грегуаром и Сеттоном, должны быть оценены как сознательная фальсификация истории.

Среди буржуазных историков, занимающихся интересующей нас проблемой, имеется некоторая группа, которая на первый взгляд может показаться более или менее объективной. Такие исследователи, как Ф. Дворник, М. Фасмер, П. Харанис, А. Бон, не пытаются вступать в нелепую борьбу с очевидными фактами, не отрицают славянского переселения в Грецию, не стараются подменить его вторжением оногуров или каких-нибудь еще племен. Однако признание факта славянского переселения используется этими историками для завуалированной и потому еще более опасной пропаганды тезиса об отсталости славян, для отрицания прогрессивной роли славянского переселения в пределы Византии.

В этом отношении чрезвычайно показательна книга французского историка А. Бона «Византийский Пелопоннес до 1204 года». Снабженная огромным аппаратом, где регистрируются все высказывания исследователей по тому или иному вопросу, книга преследует цель произвести на читателя впечатление солидного и объективного труда. Бон подробно анализирует известия хронистов о вторжении славян. Известия Менандра, Евагрия и других историков о походах славян в VI в. он склонен относить лишь к северной части Балканского полуострова или к центральной Греции. Славянские вторжения в Пелопоннес начались, по его мнению, лишь с VII в.³ Не будучи в состоянии отвергнуть данные «Мопемвасий-

¹ K. M. Setton. The emperor Constans II, стр. 352.

² F. Dölger — A. M. Schneider, ук. соч., стр. 72, прим. 268. С особенно резкой критикой выступил P. Charanis. On the capture of Corinth by the Onogurs and its recapture by the Byzantines. «Speculum», 27, 1952. Однако возражения Хараниса были ослаблены тем обстоятельством, что он перенес центр тяжести на вопрос о датировке падения Коринфа и считал, что город был взят в конце VI в. Датировка, предложенная Сеттоном — середина VII в., — более убедительна, так как она базируется на солидном археологическом материале. Неправильным и произвольным в его работах оказывается не датировка, но теория о проникновении в Пелопоннес оногуров.

³ A. Bon. Le Péloponnèse byzantin, стр. 32 и сл.

ской хроники», он объявляет их слишком «темными», чтобы их можно было принимать в расчет¹. Анализируя археологический материал, он отказывается решить вопрос об этнической принадлежности найденных в Коринфе вещей². Как бы то ни было, однако, Бон признает факт славянского переселения в Грецию и даже считает, что в отдельных частях Пелопоннеса славянского населения было больше, чем греческого³.

Но как только Бон переходит от простой констатации факта славянского переселения к оценке его, пресловутая объективность буржуазного ученого испаряется, как дым. Он изображает славян как разрушителей, набеги которых уничтожали античную цивилизацию⁴. Он игнорирует работы советских археологов, которые показали, что к моменту вторжения на Балканский полуостров славяне обладали высокой материальной культурой, были оседлыми земледельцами, а не кочующими номадами. Он стремится исказить глубоко прогрессивную роль славян, которые подобно германцам содействовали уничтожению рабовладельческой формы эксплуатации. В оценке исторической роли славян Бон ничем не отличается от немецкого шовиниста Фальмерайера и греческого националиста Амантоса.

П. Харанис, который много занимался вопросом о расселении славян на территории Византийской империи, расходится с Боном лишь в некоторых частных вопросах. Так, по мнению Хараниса, славяне заняли Пелопоннес уже в конце VI в.⁵, он даже считает, что они уже в это время захватили Коринф⁶. Харанис признает, что славяне в Пелопоннесе жили обособленными группами до начала IX в. Он утверждает, что именно здесь находилась Склавиныя, куда совершал поход Никифор I⁷.

Но точно так же, как и Бон, Харанис отказывается признать за славянами какую-либо роль в истории Византии. Он категорически отрицает выдвинутое русскими византинистами положение о том, что славянские переселения содействовали укреплению крестьянской общины в Византии в VII—VIII вв.⁸ Этот буржуазный историк считает, что славяне подверглись быстрой эллинизации⁹. Иначе говоря, методологические позиции Хараниса не отличаются от позиций Амантоса или Кириакидиса, с которыми он полемизирует. И для него, и для них вопрос о славянском переселении — вопрос чисто этнический, не связанный с проблемой изменения социальных отношений как в рабовладельческой империи, так и у самих славян.

К тому же Харанис совершенно необоснованно говорит о быстрой эллинизации переселившихся славян. И славяне, и другие народности (армяне, итальянды, мардаиты и многие другие), населявшие Византийскую империю, сохраняли в X—XI вв. свою этническую обособленность,

¹ А. В о н. *Le Péloponnèse byzantin*, стр. 34.

² Там же, стр. 60.

³ Там же, стр. 64.

⁴ Там же, стр. 27, 31.

⁵ P. Ch ar a n i s. *The Chronicle of Monemvasia*, стр. 163. Ср. также его же. *On the Slavic Settlement in the Peloponnesus*. «Byzantinische Zeitschrift», 46, 1953, где он, в частности, убедительно показал, что Евагрий под термином «Эллада» понимал всю Грецию, включая Пелопоннес (стр. 95—95).

⁶ P. Ch ar a n i s. *On the capture of Corinth*, стр. 347.

⁷ P. Ch ar a n i s. *Nicephorus I. The savior of Greece*. «Byzantina-Metabyzantina» I. 1. 1946, стр. 82.

⁸ P. Ch ar a n i s. *On the social structure of the Later Roman empire*. «Byzantion», 17, 1945, стр. 48. Прим. 34а. Ср. его же. *The slavic element in Byzantine Asia Minor*, «Byzantion», 18, 1948, стр. 71 и сл.

⁹ P. Ch ar a n i s. *The slavic element*, стр. 80 и сл.; его же. *The Chronicle of Monemvasia*, стр. 164.

жили особой хозяйственной жизнью, говорили на своих языках. В дальнейшем, по мере сокращения территории империи, таких народов становилось все меньше и меньше. Однако мы можем указать, что вплоть до XIII в. славяне пелопоннесского Друнга сохраняли фактически независимость от Византийской империи; они были обязаны только нести военную службу. Новый приток славян нередко содействовал укреплению прежних славянских поселений. Так, в начале XII в. в районе Никомидии была поселена большая группа славян, повидимому, из числа пленников-сербов. Вопрос об этническом составе Византийской империи после коренных перемен VI—VII вв. нельзя решать при помощи «магического» словечка «эллинизация» — он требует серьезного и углубленного изучения.

Выводы. В буржуазной историографии XIX—XX вв. вопрос о славянском переселении в Византию всегда рассматривался пристрастно, тенденциозно. Буржуазные историки подходили к этой проблеме с предвзятых, шовинистических позиций. Тенденциозность при решении этого вопроса усугублялась в последние годы в связи с мобилизацией всех сил империализма для борьбы против Советского Союза и стран народной демократии. Идеологи буржуазии в целях отрицания исторической роли славян идут по пути фальсификации источников, по пути интерполяций и домыслов. Даже те из них, которые сохраняют внешнюю объективность и не решаются откровенно исказить источники, не понимают и не могут понять исторической роли славянских переселений в VI—VII вв.

ХРОНИКА

*

В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР

В январе 1953 г. состоялось заседание Ученого Совета Института славяноведения, посвященное труду И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института П. В. Галенко в докладе «И. В. Сталин о распаде единого мирового рынка и углублении кризиса капиталистической системы» показал распад единого всеохватывающего мирового рынка и коренные различия между рынком стран социалистического лагеря и рынком капиталистического лагеря.

Великая Октябрьская социалистическая революция, указал докладчик, привела к прорыву мировой капиталистической цепи и к отпадению от мировой капиталистической системы России.

В результате Великой Отечественной войны произошло дальнейшее углубление общего кризиса капиталистической системы и ослабление капитализма. От капиталистической системы отпал еще ряд стран. Вместе с СССР они образовали единый мощный социалистический лагерь, противостоящий лагерю капитализма. Отношения стран социалистического лагеря, основывающиеся на тесном экономическом сотрудничестве, взаимопомощи в развитии хозяйства и культуры, привели к образованию рынка стран социалистического лагеря. Капиталистический рынок в результате возникновения социалистического лагеря сузился еще больше. Единый мировой рынок распался.

При обсуждении доклада указывалось на важность и необходимость дальнейшего изучения проблем распада единого мирового рынка и углубления общего кризиса капитализма.

9 февраля 1953 года состоялось объединенное заседание Ученых Советов Института славяноведения, Института истории АН СССР и Славянского Комитета СССР, посвященное 75-летию со дня рождения выдающегося ученого, общественного и политического деятеля Чехословацкой Республики Зденека Романовича Неедлы. С докладами о жизни и деятельности З. Р. Неедлы выступили доктор исторических наук П. Н. Третьяков, доктор исторических наук А. Л. Сидоров и председатель Славянского Комитета СССР А. С. Гундоров.

26 февраля на объединенном заседании Ученого совета Института славяноведения и Редакционной коллегии журнала «Вопросы истории» были обсуждены статья И. С. Миллера «О некоторых вопросах формирования польской буржуазной нации», помещенная в журнале «Вопросы истории» № 7 за 1952 г., и замечания А. Я. Манусевича на эту статью, поступившие в редакцию того же журнала.

А. Я. Манусевич считает, что между польскими землями в XIX в. не было экономической общности и поэтому нельзя говорить о завершении процесса формирования польской буржуазной нации во второй половине XIX в. Отмечая неодинаковый уровень экономического развития польских земель, А. Я. Манусевич утверждал, что в XIX в. завершился процесс формирования польской буржуазной нации только на территории Королевства Польского, причем сложившаяся здесь нация представляла собою ядро по отношению ко всей польской народности.

В обсуждении статьи и замечаний приняли участие член-кор. АН СССР Н. М. Дружинин, доктора исторических наук П. Н. Третьяков, В. К. Яцупский, А. Я. Баранович, С. А. Никитин, кандидаты исторических наук У. А. Шустер, В. Д. Королук. Выступавшие признали правильным основной вывод И. С. Миллера о завершении формирования польской буржуазной нации во второй половине XIX в. и сделали ряд замечаний, касающихся вопросов, недостаточно разработанных, а также тех, которые вовсе не были поставлены в статье.

Формирование польской буржуазной нации (по мнению автора статьи и выступавших) началось во второй половине XVIII в. Известный же конкретный исторический материал определенно говорит о наличии экономической общности польских

земель в XIX в. Однако этот вопрос разработан слабо, и необходимо обратить внимание исследователей на его изучение. Требуют обстоятельного изучения вопросы, связанные с другими признаками нации, например с общностью языка и психического склада, проявляющегося в общности культуры. Были подвергнуты обсуждению вопросы о характере национального движения в Польше в XIX в., о складывании национального рынка в Польше уже в XVIII в.

3 марта 1953 года было проведено совместное заседание Ученого Совета Института славяноведения АН СССР и Славянского Комитета СССР, посвященное 75-летию со дня освобождения Болгарии от турецкого ига. На заседании были заслушаны доклады доктора исторических наук П. Н. Третьякова, председателя Славянского Комитета А. С. Гундорова и выступление Чрезвычайного и Полномочного Посла Болгарии в СССР С. Д. Влагосвой. В залах Славянского Комитета была организована выставка, отражающая борьбу болгарского народа за свое освобождение.

20 марта состоялось заседание Ученого совета, посвященное двум историческим событиям: пятой годовщине со дня подписания договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Народной Республикой Болгарией и освобождению Болгарии русской армией в 1877—1878 гг.

Д. Б. Валев в докладе «Пятая годовщина со дня подписания договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Народной Республикой Болгарией» указал, что «договор этот, заключение которого состоялось при непосредственном участии Иосифа Виссарионовича Сталина и вождя болгарского народа Георгия Димитрова, окончательно скрепил исторически сложившиеся братские связи и союз болгарского народа с великим русским народом и другими народами Советского Союза. Вместе с тем он явился ярким примером нового типа международных отношений, установившихся в лагере демократии и социализма, где отношения между государствами развиваются на основе полного равноправия и взаимного уважения интересов, национальной независимости и суверенности, на основе искренней дружбы и братской взаимопомощи свободных народов».

В. Д. Конобев остановился на другом важнейшем факте исторических связей болгарского и русского народов — на освобождении русскими войсками болгарского народа от пятистолетнего турецкого ига в результате русско-турецкой войны 1877—1878 г.

С чувством величайшей благодарности встретил болгарский народ свое освобождение русским народом от турецкого ига. Сбор подписей под благодарственным адресом России принял общенародный характер, и каждый болгарин и болгарка считали долгом поставить на нем свою подпись (адрес этот был найден докладчиком в архивах Советского Союза).

«Никогда болгарский народ не забудет того, что славные русские воины дважды освободили его от оков иноземного рабства», — заявил с трибуны XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза Генеральный секретарь Коммунистической партии Болгарии Вилько Червешков.

Присутствовавший на заседании Чрезвычайный и Полномочный Посол Народной Республики Болгарии в СССР С. Д. Влагосва выразила от имени правительства Народной Республики Болгарии и ЦК ВКП и лично товарища Вилько Червешкова благодарность Институту славяноведения за большую научную работу по проблемам болгарской истории и за вышедший сборник, подготовленный Институтом ко дню 75-летия освобождения Болгарии от турецкого ига.

Сектор истории. Сектор истории Института славяноведения подготовил и сдал в печать первые тома «Истории Болгарии» и «Истории Польской Народной Республики». В настоящее время ведется работа над вторыми томами этих работ и над двухтомной «Историей Чехословакии».

Отсутствие на русском языке обобщающих работ по истории славянских стран народной демократии, основанных на марксистско-ленинской методологии и учитывающих современное состояние источников, побудило Институт приступить к созданию таких трудов.

При написании обобщающих трудов по истории Болгарии, Чехословакии, Польши авторские коллективы встретились с большими трудностями. Скудость источников по некоторым разделам истории болгар, поляков, чехов и словаков, особенно для древнего периода и средневековья, вызывает ряд пробелов в воспроизведении некоторых периодов истории этих народов. Из-за слабой разработанности истории южных и западных славян авторам указанных трудов пришлось запозво исследовать многие вопросы и проблемы. Оказалось, что совершенно необходимо пересмотреть концепции буржуазных историков, которые интересовались главным образом историей господствующего класса, всячески искажая и замазывая историю народа, историю производителей материальных благ, революционное и национально-освободительное движение трудящихся масс.

Особое внимание авторы вышеупомянутых трудов обращали на борьбу с националистическими извращениями и фальсификациями, имевшими место в историографии изучаемых стран, в писаниях немецких и англо-американских лежачих. Основной базой при написании обобщающих трудов по истории Болгарии, Польши и Чехословакии являются методологические указания Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и их высказывания, непосредственно относящиеся к истории болгарского, польского, чешского и словацкого народов. Эти указания классиков марксизма-ленинизма помогают правильно понять и осветить ряд конкретных фактов и вопросов.

В 1952 г. была закончена монография академика Б. Д. Грекова «Польская Правда». Б. Д. Греков опубликовал два исследования по средневековому праву славянских народов. Его монографии «Винодол» и «Полица» посвящены исследованию общественно-политического строя хорватов и далматинцев. Подготовленная к печати «Польская Правда» посвящена исследованию законодательного памятника Польши XIII в.

В 1953 г. сотрудники сектора начинают работу над рядом специальных исследований по истории славянских стран. Особое внимание уделяется изучению строительства социализма в славянских странах народной демократии — Польше, Чехословакии, Болгарии. Монографии на эту тему пишут И. В. Галенко, А. И. Недорезов, Л. Б. Валев. Сотрудники сектора Г. П. Чеканова, В. Г. Зуев, М. А. Вирман пишут работы, разоблачающие происки англо-американских империалистов в Чехословакии, Польше, Болгарии. В 1953 г. Институт приступил к исследованию процесса формирования народностей и буржуазных наций в Болгарии и Польше. Над этими проблемами работают С. А. Никитин, В. Д. Королук и И. С. Миллер.

Работу по изучению истории польских крестьян в период феодализма ведет Л. В. Разумовская, по истории революционного и национально-освободительного движения славянских народов пишут монографии М. В. Миско, И. С. Достян, по экономике Польши У. А. Шустер.

Кроме того, сектор истории принимает участие в коллективных работах, подготовляемых Институтом истории АН СССР. И. В. Греков, И. С. Достян, В. Д. Королук, В. А. Упеник участвуют в написании глав по истории славянских стран для «Всемирной истории». С. А. Никитин пишет разделы по истории славяноведения в России в XIX — начале XX в. для «Истории исторической науки». Сотрудники сектора принимают участие в работе над сборником, посвященным 300-летию воссоединения Украины с Россией.

Сектор языкознания. В настоящее время в Институте славяноведения АН СССР ведется работа по пяти темам сравнительной грамматики славянских языков. Разрабатываются важнейшие вопросы, касающиеся основных частей речи — имени существительного, глагола и имени прилагательного. Особое внимание уделяется вопросам синтаксиса частей речи, значению и употреблению грамматических форм, а также вопросам значения глагольных основ и внутриглагольного словообразования.

В 1952 г. начата работа над монографией «Творительный падеж в славянских языках» под руководством проф. С. Б. Бернштейна.

В данной работе будут освещены вопросы истории творительного падежа в общеславянском языке. Уже в основном закончен сбор материала по западнославянским и южнославянским языкам, а также по старославянскому языку. Исследован материал древних памятников, современных литературных текстов и диалектов. Собирается материал по восточнославянским языкам. Начато описание функций творительного падежа в истории отдельных славянских языков и исследование отдельных функций творительного падежа по всем славянским языкам. В первом квартале 1953 г. на заседании авторского коллектива были обсуждены разделы: «Творительный социативный в чешском и словацком языках», «Творительный социативный в старославянском языке».

Начаты работы над темой: «Вид и время славянского глагола» (руководитель работы — старший научный сотрудник Института языкознания АН СССР проф. П. С. Кузнецов). Перед авторами монографии стоит задача изучить систему славянского глагольного вида в древнейших памятниках славянских языков и определить взаимоотношение категории вида и времени в праславянском языке-основе. Изучаются вопросы видового словообразования, значения глагольных основ, отношения глагольных основ к образованию временных форм, значения временных форм образования от разного типа основ. На основании этого будет сделана попытка определить тип видового соотношения, лежащего в основе системы времен славянского глагола. В 1953 г. будет исследован материал старославянских, древнесербских и древнепольских памятников письменности.

Исследование имени прилагательного в славянских языках, проводимое старшим научным сотрудником Э. А. Якубинской, ставит своей целью изучить общие закономерности развития данной категории в славянских языках и выяснить их отдельные

черты. В 1953 г. ведется изучение категории прилагательного на материале старославянского и южнославянского языков.

В плане сектора подготовлена одна тема по исторической фонетике славянских языков (руководитель работы проф. Р. И. Аванесов), касающаяся мало изученной и очень важной в истории фонетического и морфологического строя славянских языков: категории твердости и мягкости согласных. Работа должна быть закончена в 1956 г.

Одновременно с изучением больших конкретных тем сектор систематически ведет работу над изучением общих теоретических вопросов сравнительно-исторического метода. С этой целью предполагается выпуск сборника «Сравнительный метод в славянском языковедении», в котором будут опубликованы статьи общетеоретического характера, статьи, обобщающие опыт разработки сравнительно-исторического метода на нашей тематике, и, наконец, статьи, касающиеся отдельных конкретных вопросов славянского языковедения, не отраженных в плане работы Института. Первый выпуск сборника уже подготовлен к печати и выйдет в 1953 г.

В Институте ведется работа по изучению грамматического строя современного болгарского литературного языка. Проспект книги «Основные вопросы болгарской грамматики» обсуждался в мае 1952 г.¹ на совещании, в котором приняли участие специалисты-языковеды и преподаватели болгарского языка Москвы, Ленинграда, Одессы и Львова. На проспект получены отзывы от ученых Болгарии и Чехословакии. Работу над книгой предполагается закончить в 1955 г.

На втором совещании в мае 1953 г. обсуждались доклады М. М. Матусевича о фонологическом составе болгарского языка (экспериментальное исследование фонетики болгарского языка ведется Лабораторией экспериментальной фонетики Ленинградского университета) и В. В. Бородич о проблеме определенных и неопределенных времен болгарского глагола.

В настоящее время готовится к печати «Атлас болгарских говоров СССР» и два выпуска «Статей и материалов по болгарской диалектологии в СССР» (выпуски 5 и 6), в которых будут опубликованы словарь и статьи, посвященные исследованию болгарского говора села Суворова Измаильской области УССР. Готовится к печати словарь Ольшеванского говора.

В начале 1953 г. сдан в печать лингвистический том «Ученых записок Института славяноведения АН СССР». В нем публикуются исследования по лексике и грамматике старославянского языка.

Сектор славянских литератур. В секторе ведутся исследования по новой и новейшей литературе западных и южных славян.

В тематике сектора в настоящее время важное место занимают вопросы культурных связей русского народа и народов Советского Союза с зарубежными славянскими народами. Ряд исследований посвящен значению Великой Октябрьской социалистической революции в развитии литературы славянских народов.

Докторант Института Ф. Д. Марков подготовил диссертацию о формировании болгарской революционной поэзии XX в. Уже опубликованы его работы о болгарских поэтах Людмиле Стоянове, Христо Ясенева, Гео Милева и других. Кандидат филологических наук С. В. Никольский работает над русско-чешскими литературными связями первой половины XIX в. Кандидат филологических наук А. П. Соловьева исследует творчество Петро Безруча и чешских рабочих поэтов конца XIX в.

Коллектив литературоведов-болгаристов (К. Н. Державин, В. И. Злыднев, Н. И. Кравцов, Д. Ф. Марков, И. М. Шентунов) ведет работу над созданием «Очерков по истории болгарской литературы». Сотрудники сектора принимают активное участие в написании разделов о культуре славянских народов на разных исторических этапах дляготавливаемых сектором истории обобщающих трудов по истории Польши, Чехословакии и Болгарии.

К печати подготовлен очередной том «Ученых записок Института славяноведения», куда вошли статьи литературоведческого характера, в том числе статья Д. Ф. Маркова, посвященная творчеству болгарского революционного поэта Христо Смирненского. Автор рассматривает творческую эволюцию Смирненского и идейно-художественное содержание его поэзии. В томе будет напечатана работа кандидата филологических наук С. В. Никольского, посвященная творческой эволюции чешского поэта Иржи Волькера. Особое внимание автор уделит вопросу о решающем воздействии идей Великой Октябрьской социалистической революции на формирование мировоззрения революционного чешского поэта. Следует отметить работу аспиранта Московского университета А. Ф. Стахеева, посвященную третьей части «Дядюв» великого польского поэта Адама Мицкевича. В томе будет опубликована работа сотрудника Института В. И. Злыднева «Борьба за идейно-художественное наследие Вацова».

¹ Доклады, прочитанные на совещании, сокращенные стенограммы выступлений и переработанный проспект книги публикуются в 10 выпуске «Кратких сообщений» Института.

В первом квартале 1953 г. в секторе проведено обсуждение ряда работ. Одна из них посвящена творчеству болгарского революционного поэта Христо Смирненского. Д. Ф. Марков, подготовивший эту статью к печати, выдвинул положение о том, что Христо Смирненский начинает в болгарской литературе период социалистического реализма. По этому вопросу развернулись оживленные прения. Большинство выступавших высказало мнение, что творческий метод Смирненского правильнее было бы определить как метод революционного романтизма в связи с тем, что Смирненский часто не дает исторически конкретного изображения действительности. Вместе с тем на обсуждении было подчеркнуто, что Смирненский прокладывает пути социалистическому реализму. Обсуждение содействовало уяснению ряда вопросов эволюции и творческого облика революционного болгарского поэта. Работа Д. Ф. Маркова будет опубликована в трудах Института.

20 февраля 1953 г. в секторе состоялось обсуждение работы на тему: «Гашек в Красной Армии и Коммунистической партии». Автор, преподаватель Саратовского педагогического института Н. П. Еланский, собрал богатые архивные материалы о пребывании Гашека в Советском Союзе, о его работе в Красной Армии, о публикациях статей и фельетонов Гашека в армейских газетах. Особый интерес представляет ранее неизвестная статья Гашека «О международном значении побед Красной Армии», а также остросатирические очерки о врагах Советской власти. Работа над очерками безусловно оказала влияние на создание Гашеком сатирического романа «Похождения бравого солдата Швейка». Все выступавшие отметили, что материалы, собранные Н. П. Еланским, представляют серьезный научный интерес. Однако в работе имеются некоторые недостатки. Сектор рекомендовал автору подготовить работу к печати.

В марте была обсуждена глава из диссертации аспиранта Института Ю. Д. Беляевой. Автор работает над вопросами становления реализма в сербской литературе. Обсуждавшаяся глава посвящена характеристике общественно-политической и культурной жизни Сербии в 50—70-е годы прошлого века. Рассматривая условия, в которых формировался сербский реализм, диссертант приходит к выводу, что для национально-освободительной и антифеодальной борьбы сербского народа огромное значение имела деятельность русских революционных демократов. Связь передовых кругов сербской общественности с демократическими кругами русского общества составляет особенность общественной и культурной жизни Сербии в рассматриваемый период. Ю. Д. Беляева приводит богатый фактический материал, раскрывая прогрессивный характер и широкие масштабы этих связей в 50—70-е годы XIX в. Автор указывает, что обращение сербских писателей и поэтов к опыту русских писателей, русских революционных демократов было одним из важных факторов в формировании сербского реализма.

НИКОЛАЙ СЕВАСТЬЯНОВИЧ ДЕРЖАВИН

26 февраля 1953 г. после тяжелой болезни скончался крупнейший советский ученый-славист и видный общественный деятель академик Николай Севастьянович Державин.

Николай Севастьянович Державин родился 15 декабря 1877 г. в селе Преслав (б. Бердянского уезда Таврической губернии) в семье народного учителя. Живя среди болгарских колонистов, он с детства знакомится с их бытовыми особенностями, с их устным народным творчеством, с живым болгарским языком. Здесь зародилась его любовь к болгарскому народу, изучению истории и культуры которого он посвятил много лет своей жизни.

Окончив с золотой медалью Симферопольскую гимназию (1896), Николай Севастьянович поступил в Историко-филологический институт в Петербурге, откуда со второго курса перешел в Нежинский историко-филологический институт. С этими высшими учебными заведениями связало формирование научных интересов будущего слависта. Во время пребывания в Нежинском институте он устанавливает связи с известным славистом М. С. Дриповым, который с большим вниманием отнесся к начавшейся литературной деятельности молодого ученого и, в частности, горячо поддерживал его интерес к изучению языка и этнографии болгарского народа.

В период подъема буржуазно-демократической революции 1905 г. Н. С. Державин работал преподавателем гимназии сначала в Батуми, а затем в Тифлисе (1900—1907). Под влиянием революционных событий 1905 г. он возглавил организованное рабочими тифлисских железнодорожных мастерских «Общество народных университетов» и основал ряд школ грамотности для местного населения Тифлиса. В том же году он стал членом правления Союза кавказских педагогов в Тифлисе.

Одновременно с большой педагогической и общественной деятельностью Николай Севастьянович Державин ведет научную работу. В 1903 г. он едет в первую научную командировку в Турцию и Болгарию. В Константинополе занимается в библиотеке Русского археологического института, а в Софии работает в библиотеках и рукописных отделах, собирая материалы по вопросу о болгарских колонистах на юге России. Поездка в эти страны значительно расширила научный горизонт преподавателя и молодого слависта, обогатила его новыми знаниями. Летом 1910 г. Николай Севастьянович совершает вторичную поездку в Болгарию и здесь проводит новые исследования по фонетике болгарского языка, применяя для этой цели фонограф, являвшийся тогда редкостью в научной лабораторной практике.

Академик
НИКОЛАЙ СЕВАСТ'ЯНОВИЧ
ДЕРЖАВИН
(1877—1953)

С 1912 по 1917 г. Николай Севастьянович работает приват-доцентом Петербургского университета, где в 1916 г. защищает магистерскую диссертацию «Болгарские колонии в России», а в следующем году получает звание профессора по кафедре славяноведения.

С первых дней Великой Октябрьской социалистической революции Н. С. Державин становится в ряды строителей Советского государства на культурном фронте. С 1920 по 1928 г. он является членом Губернского совета рабочих и крестьянских депутатов, а с 1922 по 1923 г. — членом исполкома Губернского совета рабочих и крестьянских депутатов. В мае 1922 г. Наркомпрос назначил Николая Севастьяновича первым советским ректором Петроградского университета. В этой должности он пробыл до мая 1925 г., проведя огромную перестройку всей научной и воспитательной работы в университете. Одновременно Н. С. Державин возглавил реорганизованный им Институт изучения литератур Запада и Востока (ИЛЯЗВ), который сыграл значительную роль в развитии советской лингвистики и литературоведения. В связи с новыми задачами, которые были поставлены перед работниками просвещения в первые годы после Октябрьской революции, Николай Севастьянович выпускает ряд методических работ и учебных пособий в помощь преподавателям русского языка и литератур. Эти работы сыграли значительную роль в перестройке советской школы. Высоко оценивая эту сторону работы Николая Севастьяновича Державина, Академия педагогических наук избрала его своим действительным членом.

С 1925 г. до последнего дня своей жизни Николай Севастьянович возглавлял кафедру славянской филологии в Ленинградском университете. С его именем связана перестройка преподавания славяноведения в высших учебных заведениях страны, упорная борьба советских ученых против старых дореволюционных буржуазных представлений о славистике, борьба за проведение в жизнь марксистско-ленинских принципов в науке. Развивая лучшие традиции русских славистов, Николай Севастьянович Державин в своей научной работе показал пример критического отношения к своим работам. Об этом говорит его последнее письмо в редакцию журнала «Вопросы истории», опубликованное в 1952 г. в связи с его марровскими ошибками.

В 1929 г. Николай Севастьянович участвовал в работе Конгресса славянских филологов в Праге, а в 1933 г. он вторично посетил Чехословакию и в том же году принял участие в работах V Международного конгресса историков в Варшаве. Николай Севастьянович Державин — крупный ученый и общественный деятель, ученый-педагог, ученый-исследователь. Учитывая его большие заслуги в развитии советского славяноведения, Академия Наук СССР избрала его в 1934 г. действительным членом, а с 1942 г. членом Президиума АН СССР.

В годы Великой Отечественной войны с новой силой развернулась кипучая энергия и научное дарование советского ученого-патриота. В это время он вступил в ряды Коммунистической партии Советского Союза. В 1942 г. он был избран членом Всеславянского комитета и председателем Антифашистского комитета советских ученых. При Президиуме Академии Наук СССР Н. С. Державин организовал Славянскую научную комиссию, которая в 1947 г. вошла в вновь созданный Институт славяноведения АН СССР.

В это же время Н. С. Державин выступает с многочисленными публичными лекциями, докладами, статьями и брошюрами, посвященными борьбе против фашизма, против фашистской идеологии в буржуазной науке. На этом поприще он обнаруживает незаурядный талант советского

публициста. В 1945 г. Н. С. Державин в третий раз посещает Болгарию в качестве члена советской делегации, принявшей участие в торжественном праздновании 67-й годовщины освобождения болгарского народа от турецкого ига.

В Болгарии Н. С. Державин читал доклады по актуальным вопросам современного славяноведения, по истории и культуре болгарского народа. По этой же тематике им было написано свыше двадцати статей, опубликованных в болгарской печати. Академия наук Болгарии избрала его своим почетным членом.

В последние годы Н. С. Державин был членом редколлегии журнала «Славяне», возглавлял ленинградскую группу Института славяноведения АН СССР, руководил коллективной работой по написанию очерков истории болгарской литературы и много сил и энергии отдал воспитанию молодых кадров советских славистов.

Научные интересы Николая Севастьяновича были широки и многообразны: он был литературоведом, историком, языковедом, этнографом и фольклористом. Широко известны его труды по истории болгарского народа («История Болгарии» т. 1—4), по истории русско-славянских культурных и общественных связей («Племенные и культурные связи болгарского и русского народов», «Вклад русского народа в мировую науку в области славянской филологии» и др.). Много лет Н. С. Державин уделил изучению истории болгарской литературы, начиная с ее древнейшего периода до наших дней. Крупным вкладом в науку явились его монографии о классиках болгарской литературы — Х. Ботева, А. Константинове, И. Вазове.

Огромная полувековая работа ученого-слависта по достоинству была оценена советской и болгарской общественностью. Советское правительство за выдающиеся заслуги в развитии науки и подготовке научных кадров наградило Николая Севастьяновича Державина двумя орденами Ленина. В 1948 г. академик Державин был удостоен Сталинской премии первой степени за широко известные исследования по славяноведению.

Болгарское правительство Отечественного фронта наградило Николая Севастьяновича Державина орденом Александра. Города Свиштов и Пловдив избрали его своим почетным гражданином, а городское управление Софии назвало одну из улиц болгарской столицы именем академика Н. С. Державина.

Его научная и общественная деятельность получила высокую оценку руководителей Коммунистической партии и Правительства Народной Республики Болгарии Георгия Димитрова и Вьлко Червенкова.

До последних дней жизни Николай Севастьянович оставался неутомимым борцом за мир. Как ученый-славист и как член Советского комитета защиты мира, избранного IV Всесоюзной конференцией сторонников мира в 1952 г., он часто выступал с публицистическими статьями, разоблачая поджигателей новой войны.

Светлый образ выдающегося советского ученого и общественного деятеля Николая Севастьяновича Державина навсегда сохранится в сердцах советских славистов.

СПИСОК ТРУДОВ АКАДЕМИКА Н. С. ДЕРЖАВИНА
В ОБЛАСТИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ ¹

(1898—1952)

Очерки быта южнорусских болгар. 1. Родинные и свадебные обычаи. 2. Поверья. — Этногр. обозр., 1898, № 3, с. 37—62; № 4, с. 113—125.

У болгар в Таврической губернии. — Этногр. обозр., 1900, № 4, с. 52—67.

Звуковые особенности говора болгар-поселенцев Бердянского уезда Таврической губернии. — Изв. ОРЯС АН, 1902, т. 7, кн. 1, с. 136—151.

Этнографические условия развития болгарских колоний в Бердянском уезде Таврической губернии. — Изв. Слав. об-ва, 1902, № 2, с. 2—7.

Ред.: Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. 1902, № 1—2. — Этногр. обозр., 1903, № 1, с. 122—125.

Заметка о некоторых рукописях и старопечатных изданиях Софийской сподальной библиотеки. — Русск. филол. вестн., 1904, т. 52, № 3—4, с. 175—180.

Свадьба у анатолийских греков. — Изв. Кавк. отд. РГО, 1904, т. 17, № 3, с. 208—215.

Заметка о болгарском говоре с. Терновки Мелитопольского уезда Таврической губернии. — Изв. ОРЯС АН, 1905, т. 10, кн. 1, с. 136—146.

Болгарские колонии на юге России. — Слав. изв., 1905, № 7, с. 604—613; № 8, с. 676—691.

Болгарские говоры Херсонской губернии. — Изв. ОРЯС АН, 1906, т. 11, кн. 1, с. 131—146.

Болгарские колонии на юге России. — Слав. изв., 1906, № 1, с. 77—85; № 2, с. 145—159.

Болгарские колонии на юге России. Аграрный вопрос. — Слав. изв., 1906, № 6, с. 433—438.

Обычай «умыкания» невест в древнейшее время и его переживания в свадебных обрядах у современных народов. В кн. Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности, ч. 1. СПб., ОРЯС АН и Ист.-фил. фак. СПб. ун-та, 1907, с. 261—293.

Ред.: Бобчев С. С. Крумовото законодательство. Историко-правна студия. София, 1907. — Слав. изв., 1907, № 5, с. 475—477.

Болгарские колонии Новороссийского края. Херсонская и Таврическая губернии. — Изв. Тавр. уч. арх. ком., 1908, № 41, с. 1—237, табл.

Ред.: Niederle L. Původ a počátky slovanů jižních. Slovanské starožitnosti. Díl. 2, svaz. 1. V Praze, 1906. Изв. ОРЯС АН, 1908, т. 13, кн. 2, с. 456—464.

Ред.: Бобчев С. С. Българската челядна задруга въ сегашно и минало време. Историко-юридически студии. Отпечатано отъ «Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина», кн. 22. София, 1907, 207 с. — Там же, с. 464—470.

Ред.: Мирюбов В. Млади и стари. Критически очерки върху днешната българска литература. Тутраканъ, 1907. — Изв. ОРЯС АН, 1908, т. 13, кн. 4, с. 411—417.

Ред.: Прародина и праязык болгар. (Д-р Г. Цѣновъ. Праотечество и праязыкът на българитѣ. Историко-филологически издирвания въз основа на първоизточници. София, 1907). — Изв. ОРЯС АН, 1909, т. 14, кн. 2, с. 323—335.

Отчет о поездке в Бессарабскую губернию и в Болгарию. — В кн. Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук за 1910 год, сост. академиком Н. А. Котляревским. СПб., АН, 1910, с. 64—66.

К вопросу о семейной «задруге» у славян. — Жив. стар., 1910, в. 4, с. 313—318.

¹ Список трудов акад. Н. С. Державина составил К. Н. Державин.

Отчет о летней командировке 1911 г. в Таврическую губ. для изучения болгарских говоров. — В кн. Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук за 1911 год, сост. академиком Н. А. Котляревским. СПб., АИ, 1911, с. 24—32.

Рец.: Болгарские «леснойки». В з р б а и с к и, А. В. Болгарские и леснойки. Пѣснитѣ на бердянскитѣ болгары. Ногайск, 1910, 742. XXI с. — Жив. стар., 1911, в. 1, с. 145—152.

О болгарях и болгарском переселении в Россию. Краткий исторический очерк для народного чтения. Бердянск, Кочеров, 1912, 31 с.

Отчет о командировке в Херсонскую и Таврическую губернии летом 1912 г. — В кн. Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук за 1912 год, сост. академиком Н. А. Котляревским. СПб., АИ, 1912, с. 64—65.

Болгарские колонии в России. (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии). Материалы по славянской этнографии. София, Държ. печ., 1914, XII, 259 с., ХСVIII вкл. л. фото. Литература с. 199—256, частично аннотированная. (Сборникъ за народни умотворения и народни съ издава Българската Академия на наукитѣ въ София, кн. 29).

Болгарско-сербские взаимоотношения и македонский вопрос. Пг., б. и., 1914, 138 с.

Болгарские колонии в России. Т. 2. Язык. Обзор говоров. 2. Общие итоги, выводы и наблюдения. 3. Тексты. Пг., б. и., 1915, XVI, 524, 94, XIV с., 1 вкл. л. карт.

Българо-сръбскитѣ взаимни отношения и македонския въпрос. Прѣв. Ракаровъ. София, печ. Стайков, 1915, 136 с.

Болгария и славянство. — Балкан. триб., 1915, 29/IV, № 1644.

Славянское горе. [Болгарско-сербские взаимоотношения и македонский вопрос. По поводу брошюры Цемовича «Современные славянские проблемы»]. — Слав. изв., 1915, № 7, с. 101—104.

Что видел и чего не видел г. Водовозов в Македонии. (Возражения на доклад г. Водовозова о его поездке в Македонии). — Слав. изв., 1915, № 9, с. 123—127.

Българо-сръбскитѣ взаимни отношения и македонския въпросъ. Прѣв. Ракаровъ. Изд. 2. София, печ. «Воен. журн.», 1916, 140 с.

Литература независимой Польши. — В кн. Отечество. Пути и достижения национальных литератур в России. Национальный вопрос. Под ред. А. И. Бодуэн де Куртенэ, В. А. Гредескула, В. А. Гуревича [и др.]. Т. 1, Пг., книгоизд. бывш. Попова, [1916], с. 355—382.

Les rapports Bulgaro-Serbes et la question macédonienne. Lausanne, Libr. centr. des nationalités, 1918, 163 p.

Ответ моему рецензенту [Долобко по поводу рецензии на работу «Болгарские колонии в России»]. — Изв. ОУАС РАП, 1918, т. 23, кн. 2, с. 60—73.

Положение в Югославии. — Изв. Пг. СРиКД, 1920, 10/VII, № 151.

Алексей Александрович Шахматов. — Изв. Пг. СРиКД, 1920, 20/VIII, № 184.

Польша в прошлом и настоящем. Исторические границы Польши 1772 года. — Изв. Пг. СРиКД, 1920, 15/IX, № 205.

Украина и Польша. — Изв. Пг. СРиКД, 1920, 5/X, № 222.

«Искренность» белополяков. — Изв. Пг. СРиКД, 1920, 8/X, № 225.

Рабочие Запада и Польша. — Изв. Пг. СРиКД, 1920, 16/X, № 232.

Литва и Польша. — Изв. Пг. СРиКД, 1920, 25/X, № 239.

Тарас Григорьевич Шевченко. 1814—1861—1921. Изв. Пг. СРиКД, 1921, 10/III, № 53.

Из повостей славяноведения на Западе в 1922 году. Аппалы, 1923, кн. 3, с. 228—231.

Хозяйственное положение современной Болгарии. — Звезда, 1925, № 5, с. 157—171.

Смысл событий [в Болгарии]. — Веч. кр. газ., 1925, 20/IV, № 92.

Тучи на Балканах. — Веч. кр. газ., 1925, 30/IV, № 102.

Албановедение и албанцы. — Яз. и лит., 1926, т. 1, в. 1—2, с. 171—192.

Мицкевич и Герлен. — Изв. Тавр. об-ва ист., арх., и этн., 1927, т. 1, с. 53—66.

Русский абсолютизм и южное славянство. — Изв. ЛГУ, 1928, т. 1, с. 43—82.

Яфетические переживания в протемеидской славянской традиции. — Яз. и лит., 1929, т. 3, с. 1—58.

К вопросу о литературной деятельности Климента Великого. — Макед. прегл., 1929, година 5, кн. 3, с. 27—44.

Исторические судьбы Добруджи. — Нов. Восток, 1930, кн. 28, с. 124—142.

Славяне и Византия в VI в. — Яз. и лит., 1930, т. 6, с. 5—47.

Добруджа. Прѣв. с разрешение на автора Д. Божков. София, кооп. печ. «Напредъ», 1930, 36 с.

Труды академика П. А. Славрова в области древнеславянской письменности. — Изв. АН СССР, ОНН, 1931, № 2, с. 137—169.

Труды академика Е. Ф. Карского (20/XII 1860—29/IV 1931 г.). — Вестн. АН СССР, 1931, № 4, с. 22—26.

От филологического формализма к марксистско-ленинской методологии. Задачи Института славяноведения Академии Наук. — Вестн. АН СССР, 1931, № 10, с. 38—44.

Наука на службе империализма. [По поводу работ проф. С. М. Кульбакина о языковой принадлежности македонцев]. — Изв. АН СССР, ООИ, 1932, № 2, с. 125—149.

Творчество Т. Г. Шевченко в его историческом и идеологическом окружении. 1814—1861—1931. — Изв. АН СССР, ООИ, 1932, № 5, с. 395—421.

Наши задачи в области славяноведения. — Тр. Ин-та славяновед., 1932, т. 1, с. 1—14.

Очерки по истории болгарской литературы эпохи капиталистического накопления и промышленного капитализма. 1. Стоян Михайловский как сатирик. (1856—1927). — Там же, с. 15—95.

Перуи в славянском фольклоре. — Sborník prací I Sjezdu slovanských filologů v Praze, 1929, Svazek II. Přednášky. Uspořádali J. Horák, M. Murko, M. Weingart, a. S. Petřira. Praha, Tiskem Státní tiskárny v Praze, 1932, str. 45—48.

К вопросу о переводе на русский язык поэмы С. Гонимского Zamek Kaniowski. Slavia, 1932, Roč. 11, Seš. 1—2, str. 342—346.

Das Institut für slavistische Forschung an der Bundesakademie der Wissenschaften (INSLAV). Slav. Rdsehb., 1932, Jg. 4, № 1, S. 30—33.

Рец.: Милетиц Л. Документи за противобългарските действия на сръбските и на гръцките власти въ Македония през 1912—1913 година. София, Макед. научн. ин-тъ, 1929. XXVI, 293 с. — Тр. Ин-та славяновед., 1932, т. 1, с. 429—434.

Рец.: Милетиц Л. Букурештския М. Македония въ българската поезия. София, Макед. научн. ин-тъ, 1929, 230 с. — Там же, с. 435—438.

Рец.: Христо въ, Д. 66 народни пѣсни на македонските българи. София, Макед. науч. ин-тъ. — Там же, с. 438—441.

Рец.: Иванов Й. Български старини изъ Македония. Изд. 2, доп. София, Бълг. Акад. на науките, 1931, VII, 671 с. — Там же, с. 441—445.

Рец.: Сборникъ Българско-Чехословакка взаимность. Под ред. В. П. Златарски и Б. Йодов, Издава Дружество Българско-Чехословакка взаимность. София, 1930, 236, II с. — Там же, с. 445—448.

Рец.: «Родна реч». Списание за ревистели на българското слово. Година IV, септември 1930 — май 1931 г., кн. 1—5. — Там же, с. 449—457.

Из исследований в области албанской иммиграции на территории б. России и УССР. — В кн. Сборникъ въ честь на проф. Л. Милетицъ за седемдесетгодишнината отъ рождението му (1863—1933). София, Макед. научн. ин-тъ, 1933, с. 504—512.

К вопросу о славянской колонизации Балканского полуострова. Борьба классов, 1933, № 10, с. 38—43, портр.

Буржуазная историческая наука на [VII Международном историческом] конгрессе в Варшаве. — Борьба классов, 1933, № 12, с. 81—87.

Das Institut für slavische Forschung an der Bundesakademie der Wissenschaften in Leningrad. — Slav. Rdsehb., 1933, Jg. 5, № 5, S. 334—336.

Les Slaves et Byzance au VI-e siècle. (Sur la méthode dans l'étude de l'histoire des peuples des Balkans). — VII Congrès international des sciences historiques. Résumés des communications présentées au Congrès. Varsovie, 1933. I. Warszawa, Comité organ. du Congrès, 1933, p. 87.

Из чехословакких впечатлений. — За соц. науку, 1933, 24/V, № 7.

Чехословакия. Веч. Москва, 1933, 10/IV, № 131.

VII Международный конгресс историков в Варшаве. — Веч. Москва, 1933, 15/IX, № 212.

На конгрессе историков в Варшаве. — За соц. науку, 1933, 20/IX, № 14.

Социология литературно-художественного образа «Бай Ганю» Алеко Константинова. — Изв. АН СССР, ООИ, 1934, № 6, с. 403—436.

Стоян Заимов. — Тр. Ин-та славяновед., 1934, т. 2, с. 365—366.

Потери науки и литературы. Там же, с. 399—401.

«Интегральная Югославия». (К вопросу о современных болгарско-сербских взаимоотношениях). М и х а л ч е в Д. Възможна ли една и целостна Югославия. На границата между политиката и философията. «Философски преглед», год IV, 1932, кн. 3, с. 197—227. Его же. Отговор на моите критики до спора за целостнота Югославия. София, 1932. Там же, с. 415—426.

Новый труд проф. Бояна Пенева. П е н е в Б. Българска литература. Кратък исторически преглед. Пловдив, Книгоизд. Данов, 1930, 206 с. Там же, с. 427—442.

Из итогов VII Международного конгресса исторических наук в Варшаве. (21—29/VIII 1933 г.). — Там же, с. 467—490.

Профессор д-р Любомир Милетич. К 70-летию со дня рождения. — Там же, с. 490—500.

Очерк болгарской библиографии. — В кн. Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., АН СССР, 1934, с. 45—57.

Jān'i Jānāk'i (Яни Янаки). — В кн. Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Сборник статей. Л., АН СССР, 1934, с. 181—183. [Албанский текст с. 181—182; русский текст с. 183].

Институт славяноведения Академии Наук СССР. (Итоги научно-исследовательской работы). — Борьба классов. 1934, № 2, с. 115—116.

История болгарской литературы. Т. 3. Эпоха промышленного капитализма. Вып. 2. Алеско Константинов. 1863—1897. М.—Л., АН СССР, 1935, 177 с.

Ред.: Константинов А. Избранные сочинения. Т. 1. До Чикаго и назад. Фейлетони, очерки и рассказы. Киев—Харьков, Укрдържнацмениздат, 1936, 251 с. Комментарии. — Здесь же, с. 239—251.

О наименовании и этнической принадлежности гагаузов. Сов. этногр., 1937, № 1, с. 80—87, 18 назв.

Иван Вазов. 1850—1921. Жизнь и творчество. — В кн. В а з о в Ив. Под игото. Роман. Из живота на българите в надвечерието на освобождението. Киев, Държ. изд. на нац. малц., 1937, с. 3—35.

Комментарии. — Здесь же, с. 467—469.

Ред.: Пушкин А. С. Сборник сочинения. В болгарски преводи. Киев, Държ. изд. на нац. малц., 1937, 254 с.

Сборник сочинений в болгарских переводах.

Ред.: Константинов А. Избранные сочинения. Т. 2. Бай Ганю. Киев, Държ. изд. на нац. малц., 1937, 144 с.

Страшимиров, Антон. — Лит. энц., т. 11, 1939, стб. 84. Литература 13 назв.

Тодоров, Петко Ю. (1879—1916). — Там же, стб. 285—286. Литература 5 назв. Творчество Т. Г. Шевченко в его историческом и идейном окружении. — Вестн. АН СССР, 1939, № 4—5, с. 88—97.

Герцен и славянофилы. — Ист.-маркс., 1939, № 1, с. 125—145.

Троян в «Слове о полку Игореве». (К истории вопроса в науке). — Вестн. др. ист., 1939, № 1, с. 159—177, рис.

Об этногенезе древнейших народов Днепровско-Дунайского бассейна. (К постановке вопроса). — Там же, с. 279—289.

Из истории древнеславянского города. — Вестн. др. ист., 1940, № 3—4, с. 146—159.

Албановедение и проблема происхождения южных славян. Сов. этногр., 1940, № 3, с. 185—200.

Происхождение молдавского народа. — Сов. наука, 1940, № 12, с. 3—28.

Сборник статей и исследований в области славянской филологии. Л., АН СССР, 1941, 232 с., карта, 5 вкл. л. илл.

I. Троян в «Слове о полку Игореве», с. 5—60, карта, 4 вкл. л. илл. II. Очерки по истории болгарской литературы эпохи Возрождения. 1) Паисий Хилендарский и его «История славеноболгарская», 1762 г., с. 63—124. 2) Софроний Врачанский. Его жизнь и литературная деятельность. (1739—1813), с. 125—169. 3) «Повесть о семи мудрецах» в болгарской версии как памятник эпохи Возрождения, с. 170—213, 1 вкл. л. илл. III. Euchologium Sinaiticum. (К вопросу о времени происхождения памятника), с. 215—231.

Фашизм и славянство. — Вестн. АН СССР, 1941, № 9—10, с. 5—7, с. 44—53.

К истории капитализма в Болгарии. — Ист.-маркс., 1941, № 1, с. 43—57.

Славяне поднимаются на смертный бой. — Правда, 1941, 15/VIII, № 225.

Славяне никогда не будут рабами фашизма. — Лен. правда, 1941, 21/VIII, № 199.

Немецкий фашизм — злейший враг славянства. — Кр. Балт. флот, 1941, 2/IX, № 212.

Фашизм — злейший враг славянства. М., АН СССР, 1942, 55 с.

Героическая борьба народов Чехословакии с немецкими варварами. М., АН СССР, 1942, 38 с.

Историческая наука у славян и задачи советского славяноведения. Ист. ж., 1942, № 11, с. 49—56. Литература 11 назв.

Разгром немецких псов-рыцарей под Грюнвальдом и Танненбергом 15 июля 1410 года. — Славяне, 1942, № 2, с. 38—42. [Совместно с Ф. Константиновым].

«Дядо Иван». (Историческая легенда болгарского народа). — Славяне, 1942, № 3, с. 23—25.

Вклад славянских народов в культуру мирового человечества. — Пропагандист, 1942, № 3, с. 17—20.

Гитлеризм и славянство. Известия, 1942, 3/IV, № 78. То же. — Труд, 1942, 3/IV, № 78.

- Славянская интеллигенция исполнит свой великий долг. [Речь на 2-м Всеславянском митинге в Москве 4/IV 1942 г.]. — Правда, 1942, 5/IV, № 95.
- Вековая борьба славян с немецкими захватчиками. М., Весслав. ком., 1943, 96 с. Славяне. (Справка). — Славяне, 1943, № 8, с. 21—23. [Совместно с Ф. Константиновым].
- Вековая борьба славян с немецкими захватчиками. — Правда, 1943, 24/XII, № 315. То же. — Спутник агит., 1943, № 17, с. 45—47.
- Немецкие захватчики — вековые враги славянских народов. — Славяне, 1943, № 9, с. 29—30.
- Исторические основы дружбы русского и болгарского народа. Сокращенная стенограмма доклада на пленуме Всеславянского комитета. Славяне, 1943, № 11, с. 28—33.
- Происхождение русского народа — великорусского, украинского, белорусского. М., «Сов. наука», 1944, 127 с. карт., 1 вкл. л. карт. Литература 84 назв.
- Племенные и культурные связи болгарского и русского народов. М.—Л., АН СССР, 1944, 88 с.
- Древние фракийцы и славяне. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1944, т. 3, в. 2—3, с. 60—77.
- Основные идеи и факты болгарской героической народной поэзии. — В кн. Болгарская народная поэзия. Перевод с болгарского. М., Гос. изд. худож. лит., 1944, с. 3—27.
- Политика «Дранг нах Остен» германских захватчиков. — Большевик, 1944, № 9, с. 50—59.
- Не пора ли порвать отношения с югославским эмигрантским правительством? — Война и рабоч. кл., 1944, № 8, с. 20—22.
- Любен Каравелов. 1837—1879. (К 65-летию со дня смерти). — Славяне, 1944, № 2, с. 40—41.
- Вековая борьба славян с немецкими захватчиками. — В кн. «Дранг нах Остен». Тбилиси, «Заря Востока», 1944, с. 11—19. (Библиотека «Заря Востока» в помощь пропагандисту и агитатору, № 30).
- К вопросу о происхождении русского народа. — Пропагандист, 1944, № 7—8, с. 21—29.
- Когда возникла завоевательная немецкая политика «Дранг нах Остен». — Агит. и проп. Кр. Армии, 1944, № 6, с. 29—30.
- Рец.: Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии. Сборник статей. Под ред. З. Р. Нседлы. М., Ин-т ист. АН СССР, 1944. — Ист. ж., 1944, № 12, с. 78—82.
- Вклад русского народа в сокровищницу мировой науки в области славянской филологии. [Тезисы доклада]. — Научная конференция. Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. 5—12 июня 1944 г. МГУ, М., 1944, с. 81—82.
- История Болгарии. Т. 1. Происхождение болгарского народа и образование первого болгарского государства на Балканском полуострове. М.—Л., АН СССР, 1945, 248 с., 3 вкл. л. карт.
- Происход на руския народ — великоруски, украински, белоруски. Прев. от руски Н. Николаев. София, «Славянин», 1945, 144 с., 1 вкл. л. карт.
- Вековната борба на славяните с немските завоеватели. Прев. от руски Й. Митев. София, Воен. научн. изд., 1945, 143 с.
- Племенни и культурни връзки между българския и руския народ. Прев. О. Бояджиев и М. Янакиев под ред. на проф. Ив. Лекков. София, б. и., 1945, 109 с.
- Отложения древнеармянских и древнегрузинских сказаний в «вишапах-вешапах» в южнославянском фольклоре. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1945, т. 4, в. 2, с. 86—93.
- Кралевич Марко и Илья Муромец. Палеоэтнологический очерк. — В кн. Списание на Българската Академия на наукитѣ и изкуствата. Кн. 70. Клон историко-филологичен. 33. София, печ. Книпграф, 1945, с. 213—233.
- Речта [на Славянском соборе в Софии]. — В кн. Славянски събор в София 3 март 1945 г. София, Славянски комитет, 1945, с. 44—58, илл.
- Из истории Болгарии. — Славяне, 1945, № 2, с. 21—23.
- Центр славяноведения. [Институт славяноведения Академии Наук СССР]. — Славяне, 1945, № 5—6, с. 109.
- Герпен и Польша (1812—1870—1945). — Октябрь, 1945, № 3, с. 102—111.
- Происход на българите и образуване на първата Българска държава. — Ист. прегл., 1945, кн. 1, с. 6—33.
- Славяните, Русия и Съветский Съюз. — Слав. мисъл, 1945, № 2, с. 148—154. «Дядо Иван». — Млад. искра, 1945, 2/II, № 7.
- Из историята на България. — Слав. събор, 1945, 3/III. Однодневная газета.
- Славяните, Русия и Съветский Съюз. — Дневни вести, 1945, 5/III, № 229. То же. — Отеч. фронт, 1945, 6/III, № 152. То же. — Работн. дело, 1945, 6/III, № 143; 9/III,

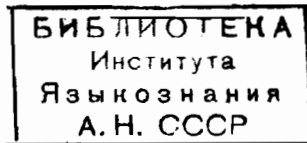
- № 146; 10/III, № 147. То же. — Изгрев, 1945, 6/III, № 125; 7/III, № 126; 8/III, № 127.
- Славяне, Россия и Советский Союз. — Сов. патриот, 1945, 9/III, № 59.
- Вековната борба на западната и южна славяни срещу германската агресия. — Народна войска, 1945, 6/III, № 147.
- Историческите основи на братската дружба между руския и българския народ. — Жар, 1945, 9/III, № 3.
- Алеко Константинов. 1863—1897. — Алеко лист. 1945, март. Однодневная газета. То же. — Земед. знаме, 1945, 31/III, № 74. То же. — Отеч. фронт, 1945, 1/IV, № 176.
- Крепнеть дружбу славян! — Сов. патриот, 1945, 1/V, № 7.
- Апрельское восстание. Априлско въстание. Въспоминателен лист. Изд. Българ. историческо дружество. София, 1945, 3/V.
- Моравската мисия на солунските братя Константин и Методий. — Отеч. фронт, 1945, 24/V, № 219.
- Великият борец за свобода и участие на любимия си народ. (Христо Ботев. 1848—1876). — Отеч. фронт, 1945, 1/VI, № 225.
- Апрельское восстание. — Бюлл. культ. информ., 1945, № 17.
- Великий борец за свободу и счастье родного народа. — Ботев лист., 1945, 2/VI. Однодневная газета.
- Лекции по българска история. (Четени през зимата на 1943/44 г. в Москва). София, изд. на Българ. работнич. партия (комунисти), 1946, 340 с.
- История на България. Т. 1. Произход на българския народ и образуване на първата българска държава на Балканския полуостров. Прев. на Т. Хармаджиев под ред. на Д. Ангелов. София, Слав. кооп. изд., 1946, 284 с., 4 карт.
- История България. Т. 2. България времни Первого и Второго царств. (679—1393). М.—Л., АН СССР, 1946, 161 с. 9 вкл. л. карт.
- Славяне в древности. Культурно-исторический очерк. М.—Л., АН СССР, 1946, 215 с.
- Вековая борьба славян с немецкими захватчиками. Ереван, Армгиз, 1946, 128 с. [На арм. яз.].
- Происхождение болгарского народа и образование первого болгарского государства на Балканском полуострове. — Сов. этногр., 1946, № 1, с. 59—83.
- Вклад русского народа в мировую науку в области славянской филологии. — В кн. Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. Т. 3, кн. 2, М., изд. МГУ, 1946, с. 3—25. (Уч. зап. МГУ, в. 107).
- Богомилство и богомили. — Ист. прегл., 1945/46, кн. 1, с. 3—17.
- Христо Ботев в Русия. Прев. Д. Калинов. — Славяни, 1946, кн. 4—5, с. 144—146.
- Славянская филология в Петербургском — Ленинградском университете. — В кн. Труды Юбилейной научной сессии [1819—1944]. Ленинградский гос. университет. Секция филол. наук. Л., ЛГУ, 1946, с. 99—100. [Тезисы доклада].
- Народный поэт Болгарии Иван Вазов. (К 25-летию со дня смерти). — Лев. правда, 1946, 13/X, № 241.
- История Болгарии. Т. 3. Болгарский народ под турецким владычеством. М.—Л., АН СССР, 1947, 127 с.
- История на България. Т. 2. България през времето на Първото и Второто царства (679—1393). Прев. на Т. Мирчев. Под ред. на Д. Ангелов. София, Слав. кооп. изд., 1947, 196 с. 9 вкл. л. карт.
- Кралевич Марко и Илья Муромец. — В кн. Советская этнография. Сборник статей. VI—VII. М.—Л., АН СССР, 1947, с. 106—116.
- Народный поэт Болгарии Иван Вазов. (К 25-летию со дня смерти). — Вести. АН СССР, 1947, № 8, с. 100—104.
- Ученые славянских стран — члены-корреспонденты Академии Наук СССР. — Славяне, 1947, № 7, с. 39—40, портр.
- О задачах современного славяноведения. — Славяне, 1947, № 9, с. 3—7.
- Христо Ботев. (К 100-летию со дня рождения). — Славяне, 1947, № 12, с. 47—50.
- Ред.: Болгарско-русский словарь. Составил проф. С. Б. Бернштейн, Т. С. Луканов, Е. П. Тилева, М., Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1947, 496 с.
- О болгарских народных песнях. — Своб. Болгария, 1947, 6/IX, № 12.
- Иван Вазов. Жизнь и творчество. М.—Л., АН СССР, 1948, 352 с., портр.
- История Болгарии. Т. 4. Национально-освободительное движение в Болгарии (от конца XVIII в. до 1877 г.). М.—Л., АН СССР, 1948, 242 с.
- История на България. Прев. Т. Хорманджиев. Под ред. на Д. Ангелов. 2 изд. Т. 1. София, Славиздат, 1948, 288 с.
- Славяните в древността. Культурно-исторически очерк. С предг. от Ив. Лекев. Прев. Стефан Илчев. София, Българ. акад. наук, 1948, 245 с.
- То же на нем. яз. — Weimar, Bohlaus Nachfolger, 1948, 286 S.

- Христо Ботев — поэт-революционер. 1848—1876. М.—Л., АН СССР, 1948, 103 с., 1 вкл. л. портр.
- Христо Ботев, поэт-революционер. 1848—1876 г. София, Книгоизд. на Българск. чтор. дружество, 1948, 124 с.
- Албанцы-арнауты на Приазовье Украинской ССР. — Сов. этногр., 1948, № 2, с. 156—169.
- Życie nauki słowiańskiej. — «Życie słowiańskie», 1948, № 1—2, s. 27—30.
- Христо Ботев и българския народ. — Бълг. съв. един, 1948, 31/ХІІ, № 55.
- Ред.: У м и к я н А. и Ш о р В. Болгарская литература. Библиографический указатель. Л., Гос. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1948, 117 с. Предисловие. — Здесь же, с. 5—9.
- Пушкин в Болгарии. Знамя, 1949, № 6, с. 182—188.
- Пушкин в България. Балкански преглед. 1949, кн. 6, с. 431—435.
- За делото на Георги Димитров. Бълг.-съв. дружба. 1949, кн. 7—8, с. 78.
- Slavii în vechime. Bucureşti, 1949, pp. 224. Sociální a politické názory Christo Boteva. — Slovensky přehled, 1949, pp. 1—2, s. 39—42.
- Ред. и вступ. статья. В кн. Андрейчин, Л. Грамматика болгарского языка. Перевод с болг. В. В. Бородич. М., Гос. изд. иностр. лит., 1949, с. 5—6.
- Предисловие. — В кн. Натан, Жак. Болгарское Возрождение. Сокр. перевод с болг. Н. Н. Соколова и С. Г. Займовского. М., Гос. изд. иностр. лит., 1949, с. 5—13.
- Христо Ботев. — Вступ. статья в кн. Христо Ботев. Поезії з болг. переклад Павло Тичина. Киев. 1949. с. 5—25.
- Национальный герой [Христо Ботев]. — Литературная газета, 1949, 5/І, № 2.
- Пушкин в странах народной демократии. — Сталинский воин, 1949, 10/VI, № 135.
- Великий сын болгарского народа [К кончине Г. М. Димитрова]. — Ленинградская Правда, 1949, 3/VI, № 155.
- Велик борец за свободата и щастието на братския народ. — Работническо дело. 1949, 6/І, № 4.
- Любен Каравелов (1837—1879). — Вступ. статья в кн. Каранслов. Л. Повести и рассказы. Гослитиздат, М.—Л., 1950, с. 3—11.
- Грамадскі рух у славян на захадзе ў пачатку XIX в. і Адам Міцкевіч. — Академія Навук Беларускай ССР. Матэрыялы юбілейнай сесіі АН БССР. Студзень. 1949. Мінск, 1950, с. 82—91.
- Великий болгарский писатель. К юбилею И. Вазова. — Огонек, 1950, № 28, с. 21.
- Иван Вазов (1850—1921). — Предисловие к кн. Вазов И. Рассказы. Б-ка «Огонек», № 24, М., 1850, с. 3—4.
- Иван Вазов (1850—1921). — Октябрь, 1950, № 7, с. 170—179.
- Иван Вазов. К столетию со дня рождения. — Славяне. 1950, № 6, с. 48—52 (Совместно с К. Н. Державиным).
- Иван Вазов (1850—1921). — Вступ. статья к кн. Вазов. И. Избранные произведения в двух томах. Гослитиздат. М., 1950, т. I, с. 3—22.
- Иван Вазов — классик болгарской художественной литературы (К столетию со дня рождения). — Вестник АН СССР, 1950, № 7, с. 123—128.
- Иван Вазов. Жизнь и творчество. Перевод под ред. на проф. П. Диневон. София, Български писател, 1950, с. 375.
- Иван Вазов, Русия и русская литература. Сентябрь, 1950, № 6, с. 99—108.
- Ботев Христо (1848—1876). — БСЭ, 1950, т. 5, с. 640—641.
- Slovania v dávnej minulosti. Kulturohistorický náert. Bratislava, 1950, s. 210.
- Борьба народов Югославии против клики Тито — борьба за мир. — Славяне, 1950, № 11, с. 18—21.
- Велик народен поет на България. Академикът Н. С. Державин за творчеството на Иван Вазов. — Труд, София, 1950, 17/V, № 116.
- Иван Вазов. — Работнич. дело, 1950, 28/V, № 148 и 29/V, № 149.
- Всенароден и любим поет. — Народна младеж. 1950, 30/V, № 578.
- Иван Вазов. По случай стогодишницата от рождението му. — Труд, София, 1950, 4/VI, № 157 и 5/VI, № 158 (Совместно с К. Н. Державиным).
- Творческият път на Вазов. — Земед. знаме, 1950, 30/VI, № 1184 (Совместно с К. Н. Державиным).
- Вазов и българската литература. — Лит. газета, 1950, 8/VI, № 55.
- Академик Н. Державин към българския народ. — Работнич. дело, 1950, 25/X, № 298.
- Обръщение на академик Державин до българския народ. — Народна младеж, 1950, 25/X, № 705.
- Борба на народа Югославје против титове клике — борба за мир. — За социјалистич. Југославију, 1950, 14/XII, № 46.
- Иван Вазов, Россия и русская литература. — Институт славяноведения АН СССР, Краткие сообщения, 3. Классик болгарской литературы Иван Вазов. М., 1951, с. 24—35.

- Вазов, Иван Минчов (1850—1921). — БСЭ, т. 6, М., 1951, с. 526—27.
- М. В. Ломоносов как филолог. — Славянская филология. Статьи и монографии под ред. проф. С. Б. Бернштейна. МГУ, М., 1951, с. 9—16.
- Вступительное слово. — Материалы заседания научной конференции, посвященной А. М. Горькому, 1936—1951. Институт славяноведения АН СССР. Краткие сообщения, 6. Горький в славянских странах народной демократии. М., 1951, с. 5—8.
- Пушкин в Болгарии. — В кн. А. С. Пушкин. 1799—1949. Материалы юбилейных торжеств. АН СССР, М.—Л., 1951, с. 223—236.
- Программа по введению в славянскую филологию (для филологических факультетов государственных университетов). М-во высшего образования СССР. Изд. МГУ, М., 1951, с. 25.
- Академикът Н. С. Державин за фолклора на бесарабските българи. Лит. фронт, 1951, 24/V, № 38.
- Великий сын болгарского народа. 75-летие со дня гибели Христо Ботева. — Веч. Ленинград, 1951, 1/VI, № 126.
- Христо Ботев. — Земед. знаме, 1951, 2/VI, № 1472.
- Великий писатель болгарского народа [К 30-летию со дня смерти Ивана Вазова]. Смена, 1951, 22/IX, Советская Татария, 22/IX, Советская Белоруссия, 22/IX, Тихоокеанская звезда, 23/IX.
- К вопросу о происхождении болгарского народа (Письмо в редакцию). — Вопросы истории, 1952, № 7, с. 153—155.
- Ред. Художественная литература стран народной демократии в переводах на русский язык. Библиографич. указатель. Болгария. Сост. М. С. Морщнер. Всесоюз. Гос. б-ка иностр. л-ры, М., 1952, с. 31.
- Отзвуки за 80-годишнината от смъртта на Васил Левски в чужбина. Съветски Съюз. Москва, 18 февруари (Радио). — «Работническо дело», 21 февруаря 1953 г., № 52.

СОДЕРЖАНИЕ

П. В. Галенко. Об экономическом сотрудничестве стран демократического лагеря	3
П. Н. Третьяков. К семидесятилетию З. Р. Нееды	10
С. А. Никитин. З. Р. Нееды как историк	16
С. В. Никольский. З. Р. Нееды — выдающийся деятель культуры и литературы Чехословакии	20
И. Ф. Бэла. Музыкаведческая деятельность Зденека Нееды	24

Рефераты

К. Л. Струкова. Воссоединение Южной и Северной Болгарии в 1885 г.	33
В. И. Короткова. Тимокское восстание и радикальная партия	42
В. А. Упеник. К вопросу о рабочем движении в Сербии перед первой мировой войной	49

Рецензии

В. А. Дьяков. Провал империалистических планов в отношении Польши в годы второй мировой войны	57
А. П. Каждан. Современная буржуазная историография о славянских переселениях в Византию	65

Хроника

В Институте славяноведения АН СССР	79
<u>Николай Севастьянович Державин</u>	84
Список трудов академика Н. С. Державина в области славяноведения	87

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии Наук СССР*

Редактор издательства *М. В. Горбачев*
Технический редактор *Н. А. Невраева*

*

РИСО АН СССР 55-54В. Т-10101. Издат. № 229.
Тип. заказ № 918. Подп. к печ. 4/XII 1953 г.
Формат бум. 70×108^{1/16}. Бум. л. 3. Печ. л. 8,22.
Уч.-издат. 7.5. Тираж 3000.
Цена по прейскуранту 1952 г. 4 р. 60 к.

1-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12.

